

┌ |
└─

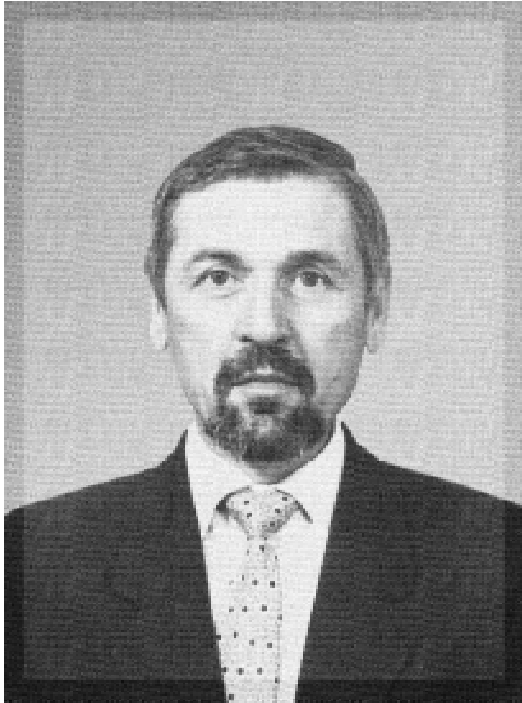
|

┌ |
└─

└─
┌ |

|

└─
┌ |

С. Ю. Туманов

С. Ю. ТУМАНОВ

ВИТЕК-ТЕРРОРИСТ

Очерки и рассказы

Кемерово
Кузбассвуиздат
2002

ББК

ОБ АВТОРЕ

Туманов С. Ю.

«Витек-террорист». Очерки и рассказы. - Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. - 192 с.

В книге в художественно-повествовательной форме объективно, без прикрас и очернительства рассказывается о сложной и многогранной работе сотрудников органов государственной безопасности в различные этапы развития нашего государства. Предназначена для широкого круга читателей.

ISBN

© Туманов С. Ю., автор, 2002
© Каретина М. А., оформление, 2002
© Изд-во «Кузбассвуиздат», 2002

Туманов Сергей Юрьевич родился в 1946 году в городе Киселевске Кемеровской области. После окончания средней школы поступил на горный факультет Сибирского металлургического института им. С. Орджоникидзе в Новокузнецке. В 1969 году окончил ВУЗ и был направлен по распределению на разрез имени Вахрушева электромехаником. В 1971 году зачислен на службу в органы госбезопасности СССР, вначале работал в Киселевском горотделении, а затем в управлении в Кемерове. В 1993 году перешел работать начальником собственной безопасности областного управления налоговой полиции в звании полковника. В 1999 году ушел на пенсию, но продолжает трудиться в гражданских структурах. Имеет солидный опыт оперативно-розыскной деятельности, все время «работал с людьми». По характеру – лояльный, общительный человек, всегда готовый помочь людям. Первые свои рассказы «Почти по Достоевскому», «Военная история», «Выбор», «Байка» опубликовал в газетах под псевдонимом А. Б. Венедиктов. Затем эти и другие очерки и рассказы были опубликованы как приложение к книге «Красная Горка» (Кемерово, издательство «Кузбассвуиздат», 2001, с. 755-776).

Все произведения Туманова С. Ю. носят художественный характер, и если кто-либо найдет в них схожесть с какой-либо судьбой или ситуацией, то это не более чем совпадение. Герои рассказов Туманова – собирательные образы. Автор, зная чекистскую службу

не понаслышке, а изнутри, старается объективно, без лакировки или очернительства показать сложную и многогранную работу органов государственной безопасности. Если в доперестроечный период чекистов в художественной литературе и фильмах показывали некими героями-небожителями «с чистыми руками и горячим сердцем», а в постперестроечные времена – душителями свободы и демократии, то автор, не шагая из стороны в сторону, лаконично и спокойно выписывает сложную и небезынтересную работу сотрудников госбезопасности, что называется, «один к одному». Перед нами – череда довольно типичных героев той поры: профессиональный опер-неудачник Н. Фуфайкин, сотрудники городских подразделений майор Грищенко и младший лейтенант Вершков, столичные оперы-интеллектуалы Виктор Колесник и Сергей Ястребцов, сотрудники областных Управлений КГБ Валишевский и Мартыщенко и другие персонажи.

В произведениях Туманова С. Ю. находим также объекты заинтересованности органов, приводятся и «портреты с натуры»: бывший герой СССР, совершивший в нетрезвом виде воинское преступление и разжалованный по приказу Сталина, житель бывшей республики немцев Поволжья Эрнст Клейстер, заложники националистической идеи, уроженцы Западной Украины Илья Казьмук и Зорян Охримюк, музыкант Исаак Шлейхер и многие иные. Подоплека рассказов и очерков, несмотря на их художественность – реалистичная, автор пытается отразить все многообразие людских характеров, показать своих героев с их дос-

тоинствами и недостатками. С почти детективным интересом, например, читаем о роковой страсти С. Ястребцева к деньгам или о тяге опера Заяринова к представительницам слабого пола, смахивающей на некие гротесковые африканские страсти, разыгравшиеся в нашей провинциальной глуши.

Книга С. Ю. Туманова весьма информативна. Она – более или менее точный сколок быта и нравов, а также психологии недавней поры, о которой мы сегодня, несмотря на вал издаваемой литературы, знаем еще очень немного. В Кузбассе, например, практически нет книг, касающихся истории местной «зоны», непарадных вех работы силовых ведомств. Более или менее обстоятельно освещена предвоенная история края, но все это – скорее в документальном, чем в художественном ключе. В этом смысле книга Туманова на сегодняшний день – уникальна и может быть рекомендована как некий «учебник жизни» для подрастающего поколения, она будет интересна и для специалистов, работающих отнюдь не только в сферах ФСБ.

Солидный жизненный опыт и «оперативное» прошлое автора закладывают хорошую основу для будущих произведений С. Туманова – задумок и планов у него предостаточно, так что читатели, надеемся, еще не раз встретятся с героями его новых рассказов...

От составителей

«ОДИССЕЯ» РОМАНА ШЛЕЙХЕРА

Очерк

События, описанные в этом очерке, захватывают примерно 50 лет. Роман Шлейхер родился в 1895 году в зажиточной немецкой семье в одном из крупных сел Запорожской губернии на Украине. Окончил гимназию в ближайшем городе и затем поступил в юнкерское училище. Его предки, приглашенные императрицей Екатериной в Россию, служили верой и правдой русским царям и государству, в том числе и на военной службе.

Когда Роману было десять лет, в России уже происходили революционные катаклизмы – и первая русская революция 1905 года, и ленский расстрел. В 1911 году Мордкой Богровым был застрелен председатель Совета Министров России П. А. Столыпин. Затем в 1914 году началась Первая Мировая война, и спустя год Роман добровольно пошел на фронт, где ему и было присвоено звание прапорщика. Казалось бы, на одну человеческую судьбу уже выпало достаточно испытаний, но в будущем ждали Романа более тяжкие испытания, о чем ниже.

На фронте Шлейхер воевал в артиллерийской батарее. Зарекомендовал себя смелым, решительным и сообразительным воином. За храбрость представлен к медали, но награду не получил, так как вскоре был ранен и контужен. Как и большинство российских

воjak, Роман не сомневался в победе России в этой войне. Бытовало мнение, что она будет быстротечной, продлится не более года и Германию с союзниками ждет неминуемая капитуляция. Но – увы.

Короче говоря, Роман был помещен в один из военных госпиталей в Санкт-Петербург. Привлекательный молодой человек, когда ему полегчало, стал замечать представительниц прекрасного пола, которые в госпитале работали сестрами милосердия. Однажды он обратил внимание на двух премилых девушек 20 лет, которые с большим усердием ухаживали за ранеными, вели себя очень интеллигентно и просто-таки излучали добродетель и человеколюбие. Чуть не каждый день они приносили пациентам маленькие презенты – открытки, иконки, конфеты, печенье. Роману очень хотелось узнать, кто же они такие эти сестрички милосердия. А когда узнал – был удивлен и ошарашен. Ими оказались великие княжны Ольга и Татьяна, дочери императора Николая II. Не был обойден их вниманием и Роман, которому они вручили подарок и несколько минут поговорили о его службе и ранении, интересовались, откуда родом. Извинившись, что им нужно работать, пожелали Роману скорейшего выздоровления и ушли.

Эта кратковременная встреча запала в душу Романа Шлейхера на всю жизнь. Как и все россияне, Роман знал, что в царской семье, кроме Ольги и Татьяны, есть еще младшие сестры Анастасия и Мария и брат Алексей. Вероятно, две младшие сестры ухаживали за ранеными воинами в другом отделении госпи-

таля. Покоренный простотой и душевностью великих княжон, Роман проникся к ним не только уважением, но и искренней симпатией, да и вообще девушки ему очень понравились. Находясь в госпитале, Роман читал много газет и журналов, обращая внимание на жизнеописание императорской семьи. Вырезал фото августейших особ и их детей, и вскоре у него собралась солидная подборка фотоснимков.

Нередко госпиталь посещали представительницы различных благотворительных организаций, в том числе родственницы императора и его супруги. Как-то навестила болящих солдат сама императрица Александра Федоровна со свитой. Привезла много подарков воинам, прошла по палатам, с состраданием и человеколюбием общаясь с ранеными. Роман запомнил ее как стройную, красивую даму со светло-русыми пышными волосами, говорившую с легким немецким акцентом.

Выписался Шлейхер из госпиталя в феврале 1917 года, получив направление в один из запасных полков, дислоцированных на Украине. Также ему было разрешено съездить в отпуск на родину в Запорожскую губернию.

Весть об отречении Николая II от престола застала Романа в пути в запасной полк. Как и все военнослужащие, он мучительно размышлял о причинах этого шага императора, участвовал в многочисленных митингах-летучках по этому поводу. Интуитивно чувствовал, что к добру России это отречение не приведет. Запомнились ему агитаторы из партии большевиков,

призывающие прекратить войну и сложить оружие. Были среди них как косноязычные ораторы, так и грамотные, умевшие завлечь людей своими тезисами. Если офицеры и прапорщики скептически относились к речам агитаторов, то рядовых солдат все больше и больше привлекала идея заключения мира и прекращения войны. Отрезок времени с марта по октябрь 1917 года запомнился Роману великим противостоянием сторонников и противников прекращения войны, ухудшением жизни народа, неразберихой, голодом, перебиванием косточек царской семье – мол, императрица-немка содействовала Германии, выдавала военные секреты и т.д. Роман прекрасно понимал, что это было порождение смутного времени. Председатель временного правительства Керенский самолично провел расследование о роли императрицы в поражениях российской войск, но, естественно, ничего заслуживающего внимания не получил. С момента отречения чета Романовых жила в Царском селе, но в связи с озлобленностью питерцев самодержавием и яркими революционными убеждениями народных масс, временным правительством было принято решение перевести царскую чету в Тобольск.

В августе 1917 года спецпоезд в сопровождении охраны из числа солдат и офицеров, а также челяди выехал в Тобольск, где они были обустроены в бывшем доме губернатора. Режим пребывания Романовых был довольно строгим, но притеснений со стороны охраны и местных жителей чета не испытывала. К слову, жители этого сибирского города (примерно 200

тыс. человек) были набожными людьми и очень почитательно относились к «божьим помазанникам», которыми являлся император и его семья.

Но бег времени неумолим, и в ноябре 1917 года пришла весть о свержении временного правительства России во главе с Керенским и захвате власти большевиками во главе с Лениным.

Рассуждая, что Тобольск патриархально-религиозный город, руководство большевиков – Ленин, Троцкий, Свердлов и др. приняли, на их взгляд, мудрое и прозорливое решение переправить царскую семью в Екатеринбург, славившийся революционным духом рабочего класса. Весной 1918 года эта идея нашла воплощение и Романовы, вначале муж с женою, а затем и дети были перевезены в Екатеринбург и помещены в дом купца Ипатьева, стоящий в центре города на высоком холме. Предварительно дом обнесли высоким забором, чтобы с улицы не видно было его обитателей.

Роман Шлейхер, видя такую обстановку в стране после отречения от власти Николая II, через некоторое время покинул полк и уехал в Запорожскую губернию к родителям, откуда с интересом следил за политическими событиями, а также развитием революционной и военной ситуации. Однажды ему приснился странный сон: царский дворец в огне, большая толпа кричащих возбужденных людей и великие княжны, из окна воздевая руки к небу, просят у Романа помощи и спасения. На этом сон закончился, и Роман проснулся в холодном поту. Тогда он еще не знал,

что сон был пророческим и царскую семью ждет трагическая участь. Естественно, он задумывался, почему временное правительство, состоящее из либералов, не отпустило Романовых к родственникам в Англию, а вывезло в Тобольск. На этот счет в народе бытовало много слухов и домыслов, но превалировало мнение, что высылка царской семьи добром не кончится.

Однажды в кругу бывших офицеров российской армии он познакомился с ротмистром и штабс-капитаном, которые под большим секретом поведали Роману, что патриотично настроенные военные намерены освободить чету Романовых в Тобольске и переправить их на поезде с флагом японского Красного Креста во Владивосток, а оттуда – за границу. Предложили Роману принять участие в этой акции, на что Шлейхер не задумываясь согласился, после чего его свели с офицером по фамилии Соловьев, который являлся руководителем освободительной для Николая II и его семьи операции. Из беседы с Соловьевым Роман понял, что группа довольно многочисленна, действует конспиративно, располагает солидными деньгами и оружием. Шлейхеру было поручено под видом крестьянина с чужими документами прибыть в Тобольск, где на него выйдут другие участники группы. Конечно, бывший прапорщик и юнкер Шлейхер не располагал ни конспиративным опытом и специальными знаниями, однако, проведя значительную часть своей молодой жизни в сельской местности, он неплохо усвоил поведение и повадки украинских крестьян.

Короче говоря, с различными перипетиями в течение месяца Роман добрался до сибирского города Тобольска. Осмотревшись, устроился на постой к пожилой вдове и стал предпринимать меры по установлению контактов с единомышленниками. Несколько дней подряд он прогуливался возле обусловленного Соловьевым места, но на связь никто не выходил. Более того, он был задержан патрулем ВЧК и доставлен в ее представительство. Допрашивали его сотрудники, мягко выражаясь, невысокого профессионального и образовательного уровня, и Роман, что называется, «лепил» им свою легенду. Чекисты интуитивно чувствовали, что крестьянин Скоробогатько, коим по документам числился Роман, не зря прибыл в Тобольск, тем более его руки не были похожи на крестьянские, хотя он был бородат и неострижен. Допросы велись с пристрастием и рукоприкладством, в заключение Шлейхера выпустили, забрав документы и выдав временную справку, дающую разрешение передвигаться из Тобольска к месту жительства Романа, естественно, не в Запорожскую губернию.

До сих пор не ясно, существовала ли в действительности организация во главе с Соловьевым, ставившая цель освободить царя, либо это была мошенническая акция Соловьева для получения крупных денежных пожертвований на «благое дело», либо дьявольская дальновидная задумка кого-то из руководителей большевиком с целью подготовки основы для перевода царской семьи в революционный Екатеринбург и последующей расправы над ней. Словом, Шлей-

хер явился маленьким звеном большой комбинации. Счастливая судьба Романа позволила ему благополучно выйти из столь сложной ситуации и он отделался только несколькими зубами, выбитыми ему при допросах в Тобольской губчека.

Долгое время «крестьянин Скоробогатько» добирался до Запорожской губернии, чтобы забрать свои подлинные документы, оставшиеся в родительском доме. Там его и застало в июле 1918 года страшное сообщение: «по приговору Президиума Областного Совета рабочих, крестьянских и красногвардейских депутатов Урала, в ночь с 16 на 17 июля 1918 года бывший царь Николай Романов расстрелян, а его семья переведена из Екатеринбурга в безопасное место». «Но шила в мешке не утаишь», и вскоре по стране пошли рассказы о кровавой вакханалии в ипатьевском доме, где без суда и следствия были расстреляны бывший царь Николай II, его супруга Александра Федоровна, дети Алексей, Анастасия, Мария, Ольга, Татьяна, а также несколько человек из числа обслуживающего персонала, в том числе доктор, лакей, горничная и повар. Известие о трагической гибели Николая II и его семейства до глубины души потрясли честного и порядочного офицера российской армии Романа Шлейхера и он поклялся самому себе, пока жив, мстить большевистскому режиму. Здесь же ему вспомнился госпиталь в далеком Санкт-Петербурге, милосердные сестрички милосердия, великие княжны Ольга и Татьяна, а также зловещий сон о пожаре в царском доме и мольбах великих княжон, спасти их.

Мотивировка расстрела Николая II была таковой, что раскрыт заговор белогвардейцев, пытавшихся похитить бывшего царя и его семью, и что он представляет серьезную опасность для революционной России, а в период своего правления совершил много «кровавых преступлений».

Несколько дней после этого трагического известия Роман, что называется, «пил горькую», хотя ранее никогда пристрастием к алкоголю не отличался. Затем взял себя в руки, несколько дней подряд ходил в церковь, где ставил свечи за упокой души невинно убитых Николая, Александры и их детей. Оклемавшись от сильного стресса, он твердо решил с оружием в руках бороться с большевистским режимом и, если нужно, сложить в борьбе голову. Зная монархическую приверженность, храбрость и порядочность казаков с Дона, он перебрался туда, умело используя выданную Тобольской губчека справку на имя крестьянина Скоробогадько.

Кстати, судьба жестоко покарала всех лиц, причастных к расстрелу царской семьи. Ленин тяжело заболел, потерял дар речи, перенес издевательства своего «верного соратника» Сталина и в муках умер; Свердлов, выступая на митинге на одном из заводов, получил удар по голове металлической болванкой от рабочего, тяжело заболел и скончался в начале 1919 года. Видимо, в знак запоздалого признания властями того, что в первую очередь Свердлов (Янкель Мошевич Розенфельд) организовал казнь царской семьи, Екатеринбург был переименован в Свердловск. Лев Троц-

кий (Лейба Давыдович Бронштейн) в 1940 году получил смертельный удар ледорубом по голове, находясь в качестве эмигранта в Мексике, но это – спустя годы и годы... Естественно, устранение «злейшего оппортуниста» было произведено по указанию Сталина. Таким образом, высшая справедливость, никак не «отмененная» со времен Адама и Евы, восторжествовала, и убийцы беззащитных людей, в том числе и большого цесаревича Алексея, получили суровую, но справедливую кару. Это относится не только к названным выше партийным руководителям, но и рядовым исполнителям убийства из числа комиссаров и охранников.

Но вернемся к Роману Шлейхеру. Воевал он с большевиками на Дону под началом войскового атамана генерала Петра Николаевича Краснова. Стабильности обстановки в этом регионе во многом способствовали германские войска, хорошо обученные и оснащенные. Но в ноябре 1918 года случилась германская революция. Спустя некоторое время в местах дислокации германских войск были расклеены ленточки подпольного большевистского комитета о бегстве кайзера и революции в Германии. Все это порождало смуту и неразбериху в германском войске, и немецкие солдаты засобирались домой. Войска Красной Армии, используя эту ситуацию, нанесли мощные удары по Донской армии под Аксаем и под Царицыным. На улицах Ростова, Новочеркасска и Нахичевани стали появляться воззвания большевистского подпольного комитета, призывающие всех трудящихся бороться против Краснова. Стали происходить митинги и забастов-

ки, застрельщиками которых являлась зачастую еврейская молодежь. Революционная ситуация в тылу войска Донского и предопределила поражения на фронтах боевых действий, в которых в качестве командира артиллерийской батареи одного из полков войска воевал Роман Шлейхер.

Когда окончательное поражение белой армии на Дону стало реальным, Роман решил перебраться в Крым в войска генерала Врангеля. Вполне обоснованно решил, что лучше продолжать борьбу с большевиками, нежели быть убитым или плененным войсками будущих красных маршалов Буденного и Ворошилова. Он прекрасно знал о судьбах бывших офицеров-белогвардейцев, попавших в застенки ЧК. Естественно, адекватные меры принимались и к солдатам Красной Армии, попавшим в плен к белым. Правилен тезис: жестокость порождает жестокость, и гражданская война ничего, кроме бед и несчастий, народу никогда не приносит. С превеликим трудом Роман и еще несколько офицеров войска Донского перебрались в Крым. После проверки контрразведкой добровольческой армии их личностей на предмет возможной причастности к агентуре ВЧК, они были зачислены на командные должности в подразделения генерала Врангеля. Роман, так же как и на Дону, возглавил артиллерийскую батарею (видимо, такая у него была планида – воевать в артиллерии, которая не даром называлась богом войны).

Генерал Врангель, которому в 1919 году было сорок с небольшим лет, имел титул барона и два выс-

ших образования: Горный институт и Академия Генштаба. Был, что называется, истинный борец за идею, волевой и энергичный человек. Он надеялся, что крестьянство Крыма поддержит его борьбу с большевиками и они никогда не возьмут эту территорию, но ошибся. Кроме того, численный перевес войск Красной Армии, который составлял как минимум десять к одному, предопределил поражение врангелевских войск, как бы храбро и стойко не воевали белогвардейцы. К ноябрю 1920 года Крым был взят Красной Армией.

Семьдесят тысяч офицеров и солдат врангелевской армии и примерно столько же гражданских лиц, спасающихся от красного террора, на пароходах бежали в Константинополь. Среди них был и Роман Шлейхер. Эвакуация была спешной, на пароходах была давка, но эвакуировались все, кто хотел. Попал Роман в лагерь для перемещенных лиц на полуострове Галлиполи. В романе Михаила Булгакова «Бег» и кинофильме, снятому по этому произведению, довольно красочно, хотя и несколько утрированно изображена жизнь военных и штатских эмигрантов из России. Естественно, обустроить такое количество эмигрантов Турция не могла, и многие люди переехали в Румынию, Югославию, Болгарию, Францию и другие европейские страны. Шлейхер вместе с несколькими сослуживцами по полку выехал во Францию и устроился в дешевой гостинице в пригороде Парижа. Пришлось спешно штудировать язык, благо в гимназии и училище его преподавали хорошо, и особого труда «шпре-

хать» по-французски через несколько месяцев для Романа не составляло. Освоив язык, устроился на курсы шоферов, благо в технике разбирался неплохо. С трудом, не без помощи эмигрантов из России, прибывших во Францию накануне и в период революции 1917 года, устроился таксистом в частную фирму. Немногословный симпатичный молодой человек с бородой и усами «а ля Николай II» и интеллигентными манерами привлекал внимание клиентов, особенно дам, и наряду с жалованием имел каждый день неплохие «чаевые». Через год-полтора из гостиницы перебрался и снял комнату в трехэтажном доме уже в самом Париже. Постоянно встречался с русскими эмигрантами, живо обсуждая события в России. Искренне горевали о поражении верховного главнокомандующего адмирала Колчака и неудачных попытках свержения советской власти в том или ином регионе России. С сослуживцами по полку иногда посещали русские рестораны, где с тоской слушали русские романы. Так как Роман был шофером, то к спиртному он относился более чем умеренно и тоску по России, боль и горечь от утраты друзей-товарищей в вине не заливал. Регулярно посещал православный храм, молился, где и познакомился с симпатичной девушкой из семьи российских эмигрантов. Вскоре женился на ней, появился ребенок. Но трагическую гибель царской семьи, особенно великих княжон, забыть не мог: боль и ненависть к убийцам жгла его сердце. Где-то в 1924 году вступил в «Русский общевоинский союз» (РОВС), насчитывающий не один десяток тысяч членов из чис-

ла бывших офицеров и вольноопределяющихся российской армии. Возглавлял РОВС барон Врангель, так что Роман второй раз попал под его начало. Как человек деятельный и энергичный Шлейхер активно с позиций РОВС боролся с советской властью в России. Вовлекал в организацию новых членов, публиковал статьи, компрометирующие власть Советов, в эмигрантских газетах, готовил и инструктировал боевиков.

Как активный член РОВСа попал в поле зрения резидентуры ОГПУ, работавшей во Франции под прикрытием торгового представительства. Однажды к нему в такси подсел молодежавый чернявый человек, похожий на еврея и заговорил с ним по-русски. Роман охотно поддержал беседу на бытовые темы, но чернявый спустя некоторое время проявил осведомленность о судьбе и жизни Шлейхера и «железным» голосом предупредил Романа, чтобы он поубавил активность в РОВСе, а лучше вообще покинул бы эту контрреволюционную организацию, не то будет хуже, намекнув, что физически устранить его во Франции ОГПУ особого труда не составит. Но одного он не учел, что Роман был храбрым солдатом, неоднократно смотревшим смерти в лицо. Он резко затормозил автомобиль и предложил чернявому выйти. Взяв его за грудки, зло сказал: «А ну пошел на.., а то набью морду». Чернявый, видя побелевшее лицо и холодные серые глаза Романа, поспешно ретировался, естественно, забыв заплатить за проезд. После этого эпизода на Романа уже никто из представителей спецслужб РСФСР не выходил.

Но судьба сыграла в жизни Романа еще один серьезный поворот. Однажды к нему в такси сел солидный человек лет 40 с дамой. Заказали поездку в самый центр Парижа, разговор вели между собой по-немецки. Роман также по-немецки задал уточняющий вопрос о маршруте движения. Господин спросил: «Вы немец?». Шлейхер ответил: «Да, но не из Германии, а из России». Господин живо поинтересовался, каким образом он попал во Францию, и Роман немногословно изложил свою «одиссею». Господин представился и дал Роману визитку, где значилось «советник-посланник посольства Германии во Франции доктор Отто Дрекслер» и указаны номера телефонов. Дама оказалась супругой советника. Щедро расплатившись с Романом, Дрекслер как бы невзначай сказал: «Не исключено, что в будущем увидимся». «Я не против», - ответил Роман, рассчитав, что, обслуживая на такси эту супружескую чету, он неплохо заработает. Прошло около полугода, но более Роман с Дрекслером не встречался.

Однажды к подъезду дома, где жила семья Романа, подъехала солидная автомашина, где сидело двое мужчин. Дождавшись возвращения Романа с работы, один из них вежливо поздоровался с ним и пригласил в автомобиль, где сидел Отто Дрекслер. Завязалась беседа о работе, детях, здоровье и т.п. Спустя некоторое время Отто предложил Роману перейти водителем в посольство Германии, пообещав жалование раза в три выше таксистского, даже с учетом чаевых. Шлейхер вежливо поблагодарил немцев и попросил несколько

дней на раздумье. Естественно, на следующей встрече Роман согласился, тем более что супруга настоятельно советовала ему сделать этот шаг. Видимо, по заданию Дрекслера служба безопасности германского посольства в Париже полгода изучала и проверяла Шлейхера, в том числе через свои возможности в России, и, когда убедилась, что кандидат надежен и порядочен, дала советнику «добро» на разговор со Шлейхером, касающийся его перехода водителем в посольство.

Возил он Дрекслера, а также других работников его отдела. Постоянно ощущал на себе негласное внимание посольской службы безопасности, представитель которого порекомендовал Роману прекратить участие в эмигрантских организациях, а о своих контактах с бывшими сослуживцами и эмигрантами ставить в известность службу безопасности. Пояснил, что ОГПУ ставит перед собой цель с помощью агентуры «освещать» обстановку в германском посольстве и изучать лиц, работающих в нем. Словом, жизнь у Романа вошла в стабильное русло, появились сбережения, родился второй ребенок, и чета купила трехкомнатную квартиру. Шлейхер с интересом следил по газетам и радио о событиях в России: это и трудовой подъем, и ликвидация кулачества как класса, НЭП, успехи пятилеток, громкие политические процессы над троцкистами-зиновьевцами, промпартией, борьба за реализм в искусстве и литературе, назначениях и смещениях наркомов.

Но бег времени неумолим, подошел 1939 год, и началась вторая мировая война. С глубокой тревогой

воспринял Шлейхер нападение Германии на РСФСР в 1941 году, внимательно следил за ходом боевых действий, которые вначале были не в пользу России. В связи с тем, что Франция входила в антигитлеровскую коалицию, деятельность германского посольства в Париже была прекращена и Роман остался без работы. Но как только немцы оккупировали Францию, видимо, по наводке кого-либо из бывших «посольских» немецкие военные предложили Шлейхеру поработать шофером в военной комендатуре. Роман согласился, ведь надо было на что-то содержать и кормить семью.

Одной из обязанностей военной комендатуры было поддержание порядка в городе, пресечение дезертирства и преступлений среди солдат «вермахта», анти-немецкой пропаганды и т.п.

Где-то в 1942 году с Романом случилось еще одно важное событие. Когда он ехал по служебным делам на автомобиле комендатуры, на дороге «проголосовал» с просьбой помочь найти одну из улиц шофер другой автомашины. Вначале разговаривали по-французски, но затем шофер неожиданно сказал на чистейшем русском языке: «Господин Шлейхер, а мы Вас хорошо знаем». Роман был ошарашен, но вида не подал. Далее шофер пояснил, что является представителем России и выполняет во Франции определенную миссию. Шлейхер усомнился, но незнакомец, назвавшийся Георгием, вынул из кармана фотокарточку престарелых родителей Романа, оставшихся в России, с надписью на обороте рукой отца: «Роман, верь и помоги этому

человеку». Шлейхер поинтересовался целью выхода на него Георгия. Он ответил: «Ваше место работы может быть очень полезным для России в противостоянии с фашизмом». Шлейхер понял, в чем дело, и ответил: «Я, конечно же, патриот России, но ненавижу советский строй, который принес много зла и пролил море крови народа. Поэтому, видя, что моя родина в опасности, я, чем могу, помогу ей, но повторяю, не большевистскому строю». Георгий изложил суть проблемы: немецкая комендатура выдает пропуска лицам для посещения т.н. охраняемых зон, например, военных частей, аэродромов, вещательных радиостанций и т.п., показав такой пропуск. Но еженедельно меняются их цвета, поэтому ему хотелось бы своевременно знать о цвете окраски пропусков. Роман согласился, Георгий пояснил, что за помощь будет соответствующая оплата. Роман жестко отчеканил: «Мне денег не надо, я помогу России безвозмездно». «Хорошо, хорошо, - ответил представитель разведки, - давайте обусловим нашу тактику. Для конспирации Вы звоните вот по этому домашнему телефону в предместье Парижа, называетесь «Леон» и в бытовом разговоре называете цвет. Это будет означать окраску пропуска». Кроме того, в случае крайней необходимости, Георгий встретит Романа так же как и сейчас, по пути следования на дороге.

Естественно, «Леон» помог советской разведке не только цветами пропусков, ведь профессионал Георгий в нечастых беседах с Романом «выуживал» у него и другую информацию, представляющую интерес для

разведки. Как только в апреле 1945 года Россия окончательно победила, Роман счел свою миссию выполненной и позвонил по данному ему ранее телефону, сказал: «Поздравляю с победой, прощайте, «Леон» больше на связь не выйдет. Причитающийся мне гонорар прошу передать какому-либо детскому дому в России». Через некоторое время он с семьей выехал из Парижа в маленький провинциальный городок на юге Франции и устроился автомехаником. Сотрудники советской спецслужбы, конечно, были расстроены потерей перспективного информатора, но они прекрасно понимали, что монархист Шлейхер помог России, являясь непримиримым противником советского строя. Разведка Советского Союза активно использовала во время Великой Отечественной войны возможности патриотично настроенной русской эмиграции. Поэтому на «Леоне» поставили крест и никаких попыток к восстановлению связи не предпринимали.

Роман же регулярно посещал православную церковь, каждый год 17 июля он ставил семь свечей за упокой души рабов божиих Николая, Александры, Ольги, Татьяны, Марии, Анастасии и Алексея. С тоской, горечью и состраданием он вспоминал госпиталь в Санкт-Петербурге, молоденьких сестричек милосердия, великих княжон Ольгу и Татьяну, а также трагическую судьбу семьи последнего русского императора. Неоднократно выходил с частным прошением в Синод русской православной церкви с просьбой канонизировать (причислить к лику святых) семью Николая II. Раза два-три в год он ездил в Париж на клад-

бище «Сен Женевьев де Буа», где все больше и больше появлялось могил с памятниками его соратников по белой армии на Дону и в Крыму, возлагал цветы на могилы товарищей. Жизнь у Романа после войны шла нормально, дети выросли, получили образование, обзавелись семьями. Причем дочь вышла замуж за француза, а сын женился на польке. Появились внуки. Где-то к 1960 году Роман пошел на пенсию, появилось много свободного времени. Ежегодно, как турист, он выезжал за границу, побывал в Испании, Италии, Греции, Германии. Но была у него заветная мечта, побывать в Екатеринбурге и почтить память императора и его семейства.

Эпilog

В начале шестидесятых годов в период «хрущевской оттепели» в Сочи прибыла туристическая группа из Франции. В поле зрения сотрудников сочинского горотдела КГБ, работающих по иностранцам, попал пожилой солидный турист с немецкой фамилией Шлейхер и русским именем Роман. Он активно интересовался у советских граждан на хорошем русском языке городом Свердловском (Екатеринбургом). С учетом того, что этот город был закрытым в связи с солидным военным и промышленным потенциалом, было решено взять Шлейхера в разработку как лицо, проявляющее неоправданный интерес к оборонному и промышленному потенциалу Свердловска. Срочно нашли симпатичную, примерно сорока лет даму, жившую в Свердловске и приехавшую в Сочи в санато-

рий, и в ресторане во время ужина «подвели» ее к объекту заинтересованности. Потирали руки, «вот, мол, выявили устремления спецслужб Франции к оборонной и военной тематике СССР». Но каково было разочарование разработчиков, когда дама рассказала им, что Роман, угощая ее вином, интересовался, знает ли она, где находится дом купца Ипатьева в Свердловске, не снесли ли его, можно ли построить в городе часовенку в память о невинно убиенном императоре Николае II и его домочадцах. Словом, разговор крутился вокруг монарха и отрезка его жизни в Свердловске. Дама на многие вопросы ответить не могла. Тогда иностранец попросил ее выполнить одну небольшую просьбу: будучи в Свердловске, заказать хороший венок с надписью: «Николаю, Александре и детям от Романа Шлейхера», и поставить его рядом с бывшим ипатьевским домом, а лучше прибить к стене дома. Вытащив бумажник, он дал ей солидную сумму денег, которую с лихвой бы хватило на все расходы, в том числе по поездке в Свердловск и еще осталось бы.

На встрече с операми КГБ дама рассказывала: «Какой-то чудной старик, видимо, был влюблен в одну из дочерей царя. В СССР давно социализм, а он все про Николая II, Александру, великих княжон...». Но честно отметила, что никакого интереса к Свердловску как таковому, иностранец не проявил, единственно, что называл его Екатеринбургом.

Больше в Россию Роман не приезжал, чтобы не беречь старые раны и воспоминания. На досуге он

много думал, что явилось причиной трагических событий, к коим он относил октябрьскую революцию. И сделал, на мой взгляд, более объективные и реальные выводы, нежели научно-исследовательские институты марксизма-ленинизма. Его мнение было таковым: неудачи России в войне с Германией, мягкий характер, либерализм царя, болезнь его сына, обнищание, голод и озлобление народа, «распутинщина», заговор международных сионистско-массонских лож и конкурирующих с Россией стран, привели к октябрьскому перевороту. Тем более, за границей он читал много литературы на эту тему, разговаривал со многими эмигрантами-политиками, на основе чего пришел к подобным выводам. Партия большевиков умело воспользовалась складывающейся ситуацией и, располагая большими финансовыми средствами, полученными из-за рубежа и от экспроприации внутри страны, в течение суток без видимых усилий взяла власть в свои руки.

Но эта тема уже другого разговора. В судьбе же русского патриота, немца по национальности Романа Шлейхера сфокусировался и отразился трагизм русской революции и ее горькие последствия для миллионов граждан, таких как Роман...

О СТРАННОЙ СУДЬБЕ НЕСОСТОЯВШЕГОСЯ «КИЛЛЕРА»

Описанные здесь события произошли в одной из казачьих станиц Кубани лет 70 назад.

Михаил Варварин был еще маленьким мальчиком, когда на Дону гремела гражданская война и брат шел на брата по классовым убеждениям. Но он прекрасно запомнил эти события, а также и меры, предпринятые властями для уничтожения казачества, как класса, хотя на деле речь шла просто о гибели множества людей.

Михаил родился слабым ребенком, часто болел, на новолуние его постоянно мучили приступы «падучей». Мать с отцом переживали за сына, возили в город к врачам, посещали знахарок и колдунов, извели уйму денег, но «болячки» по-прежнему так и липли к Михаилу.

Однажды некая старушка на вокзале в Екатеринодаре, выслушав сетования матери Михаила, «о болящем сыне», посоветовала ей посетить православный храм в Ростове и усердно помолиться чудотворной иконе «Божьей матери», и болезнь, де, как рукой снимет.

Спустя пару месяцев, родители мальчика, подкупив денег на неблизкую по той поре поездку, приехали в Ростов и посетили храм. Сразу же увидели икону с изображением молодой женщины, держащей на руках маленького мальчика, поставили перед иконой

свечки, стали усердно молиться и «бить поклоны». Матери Михаила даже показалось, что Божья мать с иконы с состраданием смотрит на её сына, а из глаз у неё катится слеза. Помолвившись несколько часов, Михаил и его родители с облегчением души вышли из храма и направились в свою станицу.

Теперь мать с надеждой и, вместе с тем, со страхом ждала следующего новолуния. Приступ у Михаила все-таки случился, но прошел гораздо легче, чем все предыдущие. На следующий месяц — еще меньше, и спустя несколько месяцев приступы вообще прекратились.

Родители Михаила, да и сам мальчик воочию убедились в чудотворности той иконы и укрепились в своей вере в небесное чудо.

Далее у Михаила жизнь пошла, как у большинства мальчишек, его сверстников. Четыре класса сельской школы, подмога родителям в собственном хозяйстве и на поле, затем служба в рабоче-крестьянской красной армии.

Службу он проходил в большом городе на Украине. По мере возможности при увольнении в город обязательно посещал православные храмы, причем переодевался в штатское платье в домике у одной старушки, жившей неподалеку от церкви. За эту услугу он копал ей огород, рубил дрова и носил воду. Политические органы и отделы военной контрразведки в частях РККА строго-настрого запрещали солдатам посещать какие-либо религиозные конфессии, но Михаил, возможно, благодаря своей искренней вере и

горячим молитвам, ни разу в поле зрения начальства не попадал и, отслужив благополучно, прибыл в родную станицу, где женился и срубил себе дом.

Здесь его настигла другая кампания, организованная ВКП(б) и её генеральным секретарем И. Сталиным — а именно, уничтожение кулачества, как класса и коллективизация сельского хозяйства. Естественно, вначале проводилась активная пропагандистская подготовка с помощью сельского актива, агитаторов, газет и всяких листовок. Широко рекламировалась будущая сытая и хорошая жизнь колхозов и в противовес — пагубность и бесперспективность частных крестьянских хозяйств. Но если бы это «хлопотное» дело ограничилось бы только агитацией...

В станицу прибыл уполномоченный областного ОГПУ с широкими полномочиями и задачей выявить кулаков и всех им сочувствующих. После этого намечалась конфискация имущества у выявленных, а также у «подкулачников», с последующей высылкой их в Сибирь.

Уполномоченный ОГПУ Виктор Сквородов, молодой человек из Орехово-Зуева, ранее работал помощником типографского рабочего. В Орехово-Зуево он воочию столкнулся с революционной деятельностью рабочих, хотя был тогда маленьким мальчиком. Но чрезвычайные и жестокие события 1917-1920-х годов запечатлелись в его памяти и озлобили душу.

В сельской местности Виктор никогда не бывал, тем не менее почему-то был лютым противником единоличного крестьянского хозяйства и так называемых

«кулаков». В органах ОГПУ он вначале работал по линии экономики, а если вспомнить события НЭПа, то работы у сотрудников объединенного государственного политического управления хватало.

Но вот наступило время ликвидации «кулачества» как класса. На этот счет в территориальные органы ОГПУ приходили циркулярные письма и указания, в которых всем сотрудникам предписывалось тщательно изучить теоретические работы В.И. Ленина и И.В. Сталина по этому вопросу, но особенно — выделить резерв оперативных работников, которые должны были выехать в районы с наибольшей концентрацией «кулачества» для проведения оперативной работы по выявлению подозреваемых и пресечению действий «враждебного кулацкого элемента, пособников и сочувствующих им лиц», а также нелегальных организационных звеньев «кулаков», их связей в органах власти и управления. Впрочем, события той поры, хотя и несколько однобоко, хорошо описаны в романе М.А. Шолохова «Поднятая Целина».

Вот так Виктор Сквородов и оказался в областном центре на Дону, а затем и в станице, где проживала семья Михаила Варварина. Областной работник ОГПУ привез Виктора в станицу и представил сельскому активу. Председателю колхоза и сельсовета, агитатору и милиционеру, и прочим «властям».

Следуя руководящим установкам ОГПУ, Виктор вначале изучил оперативную обстановку в станице, выявил наиболее зажиточных крестьян и середняков, «сочувствующих» и зависимых от них людей. Затем

определился с «базой», на которую ему удобней всего будет опираться — это в первую очередь крестьяне-бедняки, сельский актив, финансовые и налоговые инспекторы, которые периодически посещали станицу.

Крестьян-бедняков было не очень много, да и представляли они собою, в основном, пьяниц и совершенно опустившихся личностей, которые живут по принципу: день прошел и ладно...

В руководящих документах ВКП(б) и ОГПУ также уделено было немалое внимание проведению антирелигиозной пропаганды: требовалось до минимума число религиозных объединений и постоянно проводить разъяснительную работу с верующими.

Сковородов почти всё время находился в станице, организуя и проводя оперативную работу, и хотя бы раз в месяц выезжал в областной центр для отчета о проделанной работе и полученных результатах в борьбе с «кулаками».

Как убежденный атеист, сотрудник ОГПУ наметил для себя первоначальную задачу — ликвидировать небольшой православный приход в станице и тем самым лишить «кулаков» и их пособников идеологической базы. Свою задумку он согласовал с секретарем районного комитета ВКП(б) и руководителем идеологического отдела областного отдела ОГПУ, получив от обоих безусловное одобрение.

Станичный православный приход был построен еще до революции жителями станицы добротнo и с большим тщанием. В церкви было достаточно ценных икон и прочей религиозной утвари. Штат церкви был,

однако, небольшой: священник, отец Владимир, старик лет 60, окончивший еще до революции духовную семинарию; его помощник — дьякон Василий Иванович, лет около 40, и привратник, старичок Федор, живший при церкви со времен её стройки и освящения.

Отец Владимир аккуратно и добросовестно справлял службу, проводя практически без отдыха свою богоугодную работу, в которой ему помогал дьякон Василий Иванович.

Подавляющее большинство жителей станицы посещали церковь, особенно на Рождество, Пасху и Троицу и другие религиозные праздники, а в будние дни в церковь ходили, в основном, пожилые люди. Здесь же в крестилке проходило крещение младенцев, а в самой церкви — венчание молодых, вступающих в брак.

Чтобы создать основания для прекращения деятельности православной церкви в станице, Сковородову необходимо было собрать «заявительскую базу». От председателей колхоза и сельсовета, а также от руководителей сельской избы-читальни получить заявления в органы ОГПУ не составляло труда, но это было всего лишь полдела, куда нужнее были заявления от рядовых станичников, что им церковь ни к чему и даже мешает.

С этой целью Виктор стал чаще посещать дома крестьян-бедняков, проводить с ними разъяснительные беседы о вреде религии, начиная с известной цитаты Ленина «религия есть опиум для народа», которую он широко комментировал.

Как мы уже говорили, среди бедняков было много пьяниц, лентяев и прочих деклассированных элементов. Вначале спиртным (в основном самогонном) их угощал Сквородов. Затем они — его; и в результате почти каждый день оперативный сотрудник был «под мухой», а на утро болела голова, требовалось опохмеляться и всё начиналось сначала...

Тем не менее, месяца через три-четыре оперу удалось-таки собрать «заявительские материалы», достаточные, на его взгляд, чтобы перед соответствующими инстанциями возбудить вопрос о ликвидации станичной церкви. «Добро» он получил быстро; на совещании в областном управлении Сквородова даже ставили в пример и обещали представить к поощрению руководства центрального аппарата ОГПУ.

В один из жарких летних дней, когда большинство станичников были заняты на полевых работах, Сквородов, милиционер, председатель сельсовета, заведующий избой-читальней и несколько представителей бедноты пришли в церковь и «представили отцу Владимиру постановление властей, в котором говорилось, что, по настоятельной просьбе большинства жителей станицы, православная церковь «Всех Скорбящих Радость» ликвидируется. Отец Владимир и дьякон Василий Иванович пробовали, было, возражать, но «актив» был непреклонен, несмотря на то, что священнослужители упали на колени и молили бога не допускать кощунственного деяния.

Тем не менее, активисты начали собирать церковные книги, которым было лет не менее чем полтора

века, журналы, иконы, свечи, лампы и прочую утварь. В районном центре «специалисты по атеизму» рекомендовали иконы в позолоченных и серебряных окладах переписать в список и изъять для передачи в область, а всё остальное уничтожить — попросту сжечь.

Несмотря на то, что «акция» проводилась в будний день летней страды, весть о ликвидации прихода быстро облетела все поля. Народ кто на лошадях, кто бегом прибыл к церкви и стал яростно протестовать. Милиционер Карлухин даже вытащил из кобуры табельный револьвер и два раза выстрелил в воздух, чтобы дать «укорот» протестующим, среди которых были и Михаил Варварин, его жена, мать и другие родственники.

Выпившие представители сельской бедноты споро вытаскивали из церкви утварь и книги и складывали всё в кучу для уничтожения. Сквородов с милиционером внимательно следили, чтобы никто из жителей станицы не вздумал вытащить из этой кучи и спрятать подлежащие сожжению предметы. Михаил именно так и пытался поступить, но Карлухин прикрикнул на него и многозначительно потянулся рукой к кобуре. Когда запылал огонь, Михаил увидел, как с иконы Божьей Матери грустно смотрела на него молодая женщина с маленьким мальчиком на руках, как бы укоряя: «что же ты меня предал, ведь я же тебе помогла»... Михаил еще раз рванулся к костру, но отец и брат крепко схватили его за руки, а мать с женой громко заплакали.

Спустя три часа всё было закончено, «актив» разошёлся с чувством исполненного долга, живо обсуждая неординарное для станицы событие, а большинство станичников — в глубоком расстройстве и душевной подавленности. Пожилые люди, особенно женщины, не скрывали слез. С отцом Владимиром случился сердечный приступ, и матушка отпаивала его валерьянкой.

Описанное событие оказало сильнейшее воздействие на душу Михаила Варварина. Хотя по натуре он был человеком добрым и незлопамятным, тем не менее он твердо решил отомстить оперу, как главному зачинщику, организатору и исполнителю ликвидации церкви, за допущенное святотатство и особенно за сожжение полюбившейся ему иконы. Мысль о мести непрерывно преследовала его во сне и наяву. Он заметно похудел, впал в задумчивость, бывшее хозяйственное рвение резко поубавилось, постепенно в голове Варварина вырисовывался план мщения.

У некоего старика, служившего в казачьих частях еще в русско-японскую войну, он приобрел винтовку «трехлинейку», отвез её в город, где знакомый слесарь срезал наполовину ствол и значительно укоротил приклад. Теперь обрез неплохо помещался под полкой полушубка и был почти что незаметен. Далее Михаил приступил к изучению распорядка дня опера ОГПУ, от служебных передвижений до любовных похождения — Сковородов не был женат.

Вскоре Михаил выяснил, что Сковородов в вечернее и ночное время нередко посещает домик на окра-

ине станицы, где жила бойкая вдовушка Дарья Козькина, муж которой безвременно сгинул в огне гражданской войны на Кубани. Одни говорили, что погиб, другие — сбежал вместе с белогвардейскими войсками в Константинополь. Как бы то ни было, но Дарья жила одна и была женщиной привлекательной и жизнерадостной. Опер, хоть и на несколько лет моложе её, тем не менее, подобрал ключик к её сердцу. Правда, вполне возможно, что наряду с амурными делами, Виктор использовал её как оперативного информатора о жизни-бытии в станице.

Михаил Варварин вечерами повадился выходить из дому, якобы прогуляться перед сном и покурить, сам же наблюдал за домом вдовы, а в уме выстраивал план мести Сковородову. Мечтал он застрелить опера из укрытия при выходе его ночью из дома Дарьи. Для этого выходил в лес, тренировался стрелять из обреза, чтобы уточнить, как ведет его оружие при стрельбе, насколько метров поражает, как надо целиться, на каком расстоянии ночью виден нужный объект. Обрез бил безотказно и на довольно солидное расстояние.

Через два месяца план был обдуман до мельчайших подробностей — здесь и маршруты подхода и отхода к засаде, «железное» алиби, объяснение жене и возможным очевидцам, почему он уходит ночью из дому, куда спрятать обрез и патроны. Словом, всё было готово, но перед «днем Икс» во сне Михаилу явилась молодая женщина с иконы, которая успокаивающим и ласковым голосом сказала ему: «Миша, не проли-

вай крови и не сотвори зла, господь сам усмотрит, как поступить с Сквородовым. А ты через неделю окажешься далеко от родного дома».

Утром Михаил долго обдумывал сон, полагая, что это было самовнушение. И потому ночью взял из тайника обрез и окольными путями поспешил к дому Дарьи, где затаился в засаде. Около часу ночи оттуда вышел опер, сильно пошатываясь и что-то бормоча самому себе. Варварин тщательно прицелился, попросил у Бога удачи, и затаив дыхание, плавно нажал курок. Раздался щелчок, но выстрела не последовало. Сквородов, участив шаг, быстро удалялся. «Осечка, — подумал Михаил, — удивительно, ведь такого никогда не случалось». Отойдя на опушку леса, Михаил снова взвел курок, наставил обрез в воздух и выстрелил. Громкий выстрел рванул облака, — обрез был вполне послушен. Спрятав оружие, Михаил пришел домой и лег спать.

На следующий день посыльный из районного военкомата принес ему повестку с предписанием через три дня прибыть в район для дальнейшего следования на двухмесячные военные сборы. «При себе иметь то-то и то-то, в случае неявки будете привлечены к уголовной ответственности». И тут Михаил еще раз вспомнил давешний сон и молодую женщину с иконы...

Военные сборы Михаил проходил в одной из войсковых частей в полевых условиях, километров в 300 от дома. Солдаты-запасники по новой проходили уставы, тактику, практические маневры со стрельбой. Вспомнилась Михаилу срочная служба в большом

городе на Украине, его посещения православных храмов, а также в мельчайших деталях ликвидация их станичной церкви местным пьяным активом и превращение её в колхозный склад.

Спустя месяц, Михаил получил письмо от своей жены Василисы, где, наряду с семейными и станичными новостями и событиями, говорилось, что опер Сквородов Виктор застрелился в своем рабочем кабинете из табельного револьвера. Никаких записок не оставил, но люди считают, что из-за несчастной любви к одной станичной девице, которая наотрез отвергла его ухаживания, хотя ясно, что если бы не отвергла, то в будущем жила бы совсем неплохо, но, увы...

Это известие поразило Варварина и заставило еще раз многое вспомнить и крепко задуматься. Вернувшись с военных сборов, Михаил принялся постоянно и ненавязчиво уговаривать супругу уехать в областной центр, где намерен был устроиться слесарем на фабрику. И Василиса, несмотря на то, что была коренной казачкой, неожиданно легко согласилась сменить место жительства.

Поработав год или два на фабрике, Михаил пришел к правящему епископу православной епархии и попросил принять его диаконом в любую из городских церквей, пояснив, что сам он — православный верующий и даже представил документ о крещении. Епископ благосклонно принял прошение Михаила и дал согласие выполнить его просьбу.

Так одна из православных церквей России получила добросовестного, аккуратного служителя, безупреч-

но выполняющего все религиозные каноны и являющего благой пример своим поведением для прихожан. Прослужив в церкви два или три десятка лет, Михаил почувствовал себя дурно, попросил у священника святого причастия и тихо отошел в мир иной.

Намеренно не делаю никаких выводов по всему описанному в этом повествовании, надеюсь, что читатель сам придет к верным умозаключениям.

Почти по Достоевскому

Оперуполномоченный отдела НКВД по городу и железнодорожной станции Барятин (название станции) младший сержант госбезопасности Николай Фуфайкин сидел в своем кабинете за обшарпанным двухтумбовым столом и занимался крайне важным для себя делом — удлинял собственную роспись. Фамилия Фуфайкин — длинная, но он расписывался всего тремя буквами: «ФУФ» и роспись получалась короткой и несолидной, а документов приходилось готовить множество, причем, очень разного свойства... И везде под ними эта коротенькая ФУФ. А сам Фуфайкин был небольшого росточка, чуваш. Раньше он очень гордился некоторым сходством с наркомом НКВД Ежовым, которого чем-то напоминал. Но по новым временам при Л. П. Берия такое сходство было ни к чему. И росточек и шуплость под новый эталон никак не подходили.

Детство у Фуфайкина было трудное. Его, беспризорного, взяли в детдом, где он и воспитывался. Теперь у него за спиной было 7 классов школы, что по тем временам считалось куда как неплохо. В органы он попал своеобразно: в детдоме на утреннике, посвященном памяти Ф.Э. Дзержинского, Фуфайкин громко и с выражением прочитал стихи Акына Джабаева: «...Отважней барса и зорче орлов, любимец страны зоркоглазый Ежов». Присутствующий на утреннике

средних лет чекист взял себе на заметку бойкого паренька, и спустя несколько лет Фуфайкин был зачислен в органы. Сперва его назначили помощником оперуполномоченного. И, как я понял из его рассказа, удлинял он собственную подпись, видимо, для пушей престижности, именно из-за своего маленького роста. Чтобы хотя бы импозантной росписью повысить свою значимость в иерархии отдела. Вот взять, например, — уполномоченный младший сержант госбезопасности Дуб, бывший пограничник. Фамилия короткая, роспись такая же, но сам то он высоченный и крепкой стати. Так что никакими комплексами не «болел». А у Фуфайкина были проблемы. Удлиняя роспись, он не просто пытался компенсировать недостаток престижности. По его словам, существовала еще одна «закавыка», которую он постоянно со всех сторон обмозговывал.

Дело в том, что отдел НКВД всю свою оперативную работу строил вокруг крупной узловой железнодорожной станции Барятин. Выявлял агентов империалистических разведок, вредителей, антисоветский элемент, — так рассказывал мой собеседник, — а еще обеспечивал воинские перевозки и безопасный проезд членов правительства.

Сотрудники, конечно, вербовали осведомителей. В основном, — среди кассирш, буфетчиц, проводников, техничек, — словом, среди людей, имеющих контакты с «пассажиropотоком» и жителями небольшого городка вокруг железнодорожной станции. В ту пору еще «начинающий» Фуфайкин тоже занимался вер-

бовкой осведомителей, перенимая опыт у более зрелых «спецов». Но вот что его мучило. Зам. Начальника отдела младший лейтенант госбезопасности Г. В. Заяринов, лет 35-40, среднего роста, с военной выправкой, чисто выбритый и всегда благоухающий «Шипром», окончил сельскохозяйственный техникум и потому считался значительно выше по интеллекту. Притом имел большую склонность к женскому полу. Как только кто-то из сотрудников отдела вербовал женщину-осведомителя, Заяринов приказывал организовать ему встречу с новым «источником», а если женщина ему нравилась, брал ее себе на связь, поясняя, что рядовой, де, работник пока еще не сможет ею грамотно руководить и ставить нужные задачи. Закрепив за собою очередную «агентшу», бравый Заяринов совмещал полезное с приятным. Угощал даму спиртным, дарил конфеты — разумеется, на служебные деньги — и в конце концов вступал с ней в интимную связь.

А получилось так, что Фуфайкин недавно завербовал симпатичную молодую официантку буфета-ресторана Зою и, будучи неженатым, даже строил планы на будущее, подумывая о законном с ней супружестве. Но все планы рухнули, и разрушил их Заяринов. Привычным способом — «ты не справишься», он взял Зою себе на связь и даже запретил Фуфайкину контактировать с ней в буфете, «чтобы не расшифровать источника».

И так вот, сидя за столом и машинально удлиняя свою злосчастную роспись, Фуфайкин мучительно соображал: как быть с Заяриновым. Доложить началь-

нику отдела? Или в партийную организацию? Но начальник и зам. живут дружно и — «ворон ворону глаз не выклюет». К тому же Заяринов был членом партбюро отдела, начальник — членом бюро горкома ВКП(б). Как ни крути, получалось плохо. А между тем, сблизившись с Заяриновым, Зоя вообще перестала обращать внимание на Фуфайкина и делала вид, что такого не знает и не замечает его. Комплекс неполноценности низкорослого молодого опера просто-таки сжигал его изнутри. Надо же, — этот жеребец Заяринов перечеркнул все его виды на Зою. Так что, может, подбить Дуба и еще несколько молодых оперов на групповую жалобу: Заяринов, де, бесчинствует, — тоже нереально. У Дуба и прочих проблем с прекрасным полом не было. Используя свой статус сотрудников НКВД, они активно знакомились с дамами и обычно отпора от них не встречали. Так что к маленькой слабости зама относились снисходительно. В общем, — «сытый голодного не разумеет», и свою проблему, которая уже разветвилась в разные стороны; тут тебе и рост, и не та подпись, и коварная Зоя, и наглец Заяринов. Но — «нет человека, нет проблемы». Может, обратиться в самые «верхи»? Но не годилось и это: Фуфайкин резонно опасался попасть под «каток» — еще обвинят в клевете и уж тогда — какие шутки... Поэтому в голову все еще приходила мысль, а не написать ли рапорт прямо наркому Берии Л. П. и изложить в нем все художества Заяринова по женской части, и про «переманивание» осведомителей, и про растраживание служебных денег, как их называли

чекисты, «девятки». Но опять Фуфайкин резонно опасался. А вдруг накажут — зачем, мол, сор из избы выносишь, и сразу полез в Москву, как будто нельзя все порешать с областным руководством НКВД. Все это Фуфайкин бесконечно взвешивал и анализировал — теперь и подпись отошла на второй план, и упражнялся он в ее удлинении чисто по привычке, а сам размышлял: все минусы ситуации — это с одной стороны. С другой же — принципиальность и честность молодого опера, который вскрывает непорядки, как раз может понравиться московским начальникам НКВД. Глядишь, Заяринова уберут, и все сдвинется в нужную сторону в иерархии отдела. И Фуфайкина вполне могут повысить до старшего уполномоченного.

Словом — и хочется, и колется. Но перед глазами так и стояла симпатичная Зоя, капризно отвернувшая головку от влюбленного Фуфайкина. В общем, как ни прикидывай, а действительно «нет человека — нет проблемы». «Эх, — была не была, смелость города берет». Взял он чистый лист бумаги и решительно вывел: «Народному комиссару НКВД товарищу Берия Л.П.» — а далее текст полился как песня...

РАЗГОВОР В ПИВНОЙ

В середине 30-х годов тяжелая промышленность Российской Федерации, согласно руководящим директивам ЦК ВКП(б) и лично генсека И. В. Сталина, увеличила и активизировала выпуск оборонной продукции. Приоритет отдавался самолетам и танкам, где РСФСР значительно уступала Германии и другим странам. Новое оружие периодически проверялось в вооруженных конфликтах на Халхин-Голе, Хасане, военных действиях в Финляндии, при оказании, интернациональной помощи Испании. Борис Петров, с отличием окончивший машиностроительный техникум в одном из небольших городов Московской области, был распределен в 1936 году на солидный уральский завод, выпускающий танки. Перед поступлением на этот завод Борис прошел проверку через органы НКВД и ему было дано разрешение на работу. Уже непосредственно на предприятии отставник НКВД из спецотдела провел с Петровым подробную полуторачасовую беседу, где подробно описал шпионскую и вредительскую деятельность спецслужб империалистических государств, направленную на оборонную промышленность РСФСР и сообщил, как именно должен был Петров вести себя на работе и в быту (не болтать лишнего, в том числе и по телефону, быть разборчивым в связях, не выносить с завода никаких документальных материалов, при намерении вступить в брак обя-

зательно сообщить в спецотдел установочные данные на свою будущую жену). После выхода на работу молодого помощника мастера к нему стали присматриваться как администрация цеха, так и определенная часть рабочих. Отдельные лица вступали с Петровым в разговоры на производственные темы, но странно, в ходе их затрагивались и политические события, направленные на проверку лояльности Бориса. Петров понимал, что завод очень важный и серьезный и органы НКВД, естественно, держат под контролем рабочих и управленческий персонал.

Спустя полгода после прихода Бориса на завод, его пригласили в спецотдел, где вместо отставника сидел молодой мужчина лет тридцати специфической внешности (в гражданском пиджаке, серенькой рубашке и галифе, заправленными в хромовые сапоги).

- Младший сержант госбезопасности Степин Иван Алексеевич, сотрудник опергруппы НКВД, оперативно обслуживающий ваше предприятие, — представился мужчина.

- Очень приятно, — ответил Борис и поинтересовался: Чем могу быть полезен?

Степин пригласил его сесть, предложил чай с сухариками и завел неторопливую беседу примерно такого же содержания, что и отставник. Но если отставник акцентировал внимание на правилах поведения и соблюдении режима секретности, то Степин больше всего «топтался» на обязанностях (!) каждого работника завода выявлять шпионов, вредителей, диверсантов, возможно, засевших на предприятии и исподволь

творящих своё черное дело. Привел пример блестящей операции ОГПУ, разоблачившей разветвленную диверсионно-вредительскую организацию «Промпартия» и рассказал о привлечении к строгой уголовной ответственности её участников. Пояснял, что во враждебные сети попадают не только рядовые граждане страны, но и солидные руководители, в том числе и партийного звена. Молодой человек, каким являлся Борис, был ошарашен свалившейся на него информацией, а также тезисом, который привел в пример Степин, мол, по мере движения страны к социализму возрастает и обостряется классовая борьба, и что эту мудрую мысль выдвинул вождь Иосиф Сталин. Короче, спустя два часа органы НКВД пополнил еще один боевой негласный «штык» под фамилией «Соколов». Степин пояснил, что в помещении спецотдела они будут встречаться в крайнем случае, а в обычном режиме — в одном из помещений рабочего общежития кожевенной фабрики и спросил, знает ли там кого Борис, на что тот дал отрицательный ответ.

В течение последующих трех месяцев «Соколов» три раза встречался с опером, на одной из встреч присутствовал начальник опергруппы, младший лейтенант госбезопасности Рубашкин, бывший выпускник Ленинградского военно-механического института. Рубашкин принял активное участие в инструктивной беседе, не давая практически Степину открыть рта. В заключение он сказал, что органы НКВД, которые они представляют, вправе ждать от помощника «Соколова» конкретных дел по выявлению враждебного эле-

мента. После этого Степин на конспиративных встречах с Борисом всё чаще и строже спрашивал, почему в его поле зрения не попадают затаившиеся шпионы и вредители, ведь их завод недаром является объектом первоочередного устремления разведок Германии и Японии. Петров откровенно отвечал, что в его окружении таких лиц нет, что он назубок выучил рассказанные опером признаки, присущие агентам разведок противника, но, увы... Степин пояснял, что он тоже лицо подчиненное и руководство горотдела НКВД учиняет ему также строгий спрос за результаты оперативной деятельности. Однажды на одной из встреч опер дал указание Борису обратить внимание на инженера техотдела Смышляева, который в составе делегации ряда оборонных предприятий страны месяц находился в Германии на стажировке на заводах Круппа, где, по словам Степина, активно работают разведорганы фашистской Германии. «Соколов» отпарировал, что Смышляеву лет под тридцать, он инженер, а он всего лишь двадцатилетний техник, помощник мастера. Опер сказал, что это не проблема, была бы цель, а тактику всегда можно придумать. К примеру, может же Петров запросить у Смышляева открытую техническую литературу, якобы для поступления в ВУЗ. Борис заметил, что в институт он пока не собирается, рановато. Степин сказал, что это лишь предлог и что он берет отработку линии поведения Бориса на себя. Спустя месяц на одной из производственных планерок старший мастер Куклачев, мужчина лет 40, имеющий партийную закалку, положи-

тельно отозвался о помощнике мастера Петрове, пояснил, что он «парень перспективный и работающий» и может быть рекомендован для поступления по направлению их предприятия в машиностроительный институт. После этого на встрече Степин сказал Борису, что недели через две-три состоится субботник молодых работников завода, после чего намечается товарищеский ужин с употреблением спиртного, шашлыков и т.п. На субботнике и застолье будет объект нашей заинтересованности Смышляев, поэтому для первичного знакомства Борису, как говорится, и «карты в руки».

Субботник молодых работников завода прошел активно, под чутким руководством парткома и комитета комсомола. После этого в заводской столовой состоялся товарищеский ужин. Была водка, для женщин — вино, по небольшой порции шашлыка, а также салаты, винегреты и вареная картошка. Играл патефон с модными в то время мелодиями типа «утомленное солнце нежно с морем прощалось». После физической работы, «хлопнув» по стопке-второй спиртного, молодые люди расслабились, стали вести себя более раскованно. После танцев образовались небольшие группки, где велись различные беседы. Борис присоединился к группе, тон в разговоре которой задавал Смышляев. Во-первых, ему было под 30 лет, во-вторых — инженер, в-третьих — был за границей. Естественно, беседа «крутилась» на зарубежные темы; молодые женщины интересовались модами, «тряпками» и парфюмерией, а мужчины уровнем техники,

вооружением, войсками «вермахта» и т.п. Смышляев, выпив водки, был разговорчив и словоохотлив, ему нравилось быть в центре внимания, особенно молодых дам. Борис, уловив момент, как бы невзначай сказал, что намерен поступить в ВУЗ, но нужно хорошо подготовиться, а для этого требуется соответствующая учебная литература.

- Нет проблем, старик, — великодушно заявил инженер. — Приходи, обращайся, у меня масса справочников и методичек.

«Соколов» вежливо поблагодарил и больше не «засеивался» перед объектом своего интереса. А Смышляев между тем красочно описывал Германию, начиная с организации производства на заводах Круппа, кончая пивом, сосисками, светловолосыми девушками и «фрау». Чувствовалось, что у него много впечатлений, все они положительного плана; осуждений идеологии фашизма и режима Гитлера не высказывал; помните, читатель, что это инженер, а не партфункционер. После субботника Борис рассказал о своем первом контакте со Смышляевым оперу, тот был заметно доволен, и, кроме того, Борис почувствовал, что многие аспекты этой беседы Степин уже знает.

- Хорошо работают, — отметил Борис. — Их не проведешь и ухо надо держать востро.

Согласно следующему заданию, «Соколов» в ходе работы должен прийти в техотдел и попросить у Смышляева учебник и методичку, обусловив, что принесет и вернет их недельки через две-три, заодно даст и вопросы по ним.

Дней через двадцать «Соколов» зашел в техотдел, отдал учебники, поинтересовался несколькими, якобы непонятными, для себя темами, пояснив, что в техникуме они их проходили довольно поверхностно.

- Ну, что возьмешь, техникум есть техникум, — тоном мэтра сказал Смышляев. — Вот поступишь в институт, тогда воочию убедишься, что это две большие разницы, как говорят в Одессе.

По рекомендации Степина Борис ненавязчиво пригласил Смышляева попить пива в пивной, и взял еще учебник для проработки. В этот же день они зашли в пивное заведение, расположенное сравнительно недалеко от завода. Нельзя не отметить, что другой сотрудник опергруппы НКВД, работавший в окружении оборонного завода, «задоверил» всех без исключения работников пивной, начиная от буфетчицы и кончая официантками и техничками. Цель — выявление возможной утечки секретной информации с военного завода в ходе застолий работников. Словом, система была отработана хорошо, услуга пивной держала «ухо остро», зная, что, если что не сообщишь оперу, то можно потерять это доходное место и навлечь на себя серьезные неприятности. Сев за свободный столик, Борис, как хозяин, заказал по 100 грамм водки, кружке пива и незатейливой закуски. Выпили, покушали, поговорили о бытовых делах, откуда родом. Как водится у русских людей, на работе говорят о пьянке, а на пьянке — о работе. Постепенно разговор перешел на производственные темы. Смышляев, как человек, обладающий более широким кругозором, взял «нить»

беседы в свои руки. Захмелев, он заявил, что в отличие от их завода, на «крупповских» организация производства и уровень техники на порядок выше, а у нас многое губит бюрократизм, излишняя централизация и вмешательство парткома в чисто производственную деятельность предприятия. Борис отпарировал, «зато там фашизм и эксплуатация рабочего класса», на что Смышляев заметил, что ему, как «технарю», это глубоко безразлично. Если бы на их заводе организация производства и уровень оборудования хоть ненамного приближался к германскому, то РСФСР была бы неуязвимой в военном отношении державой, а так...

Собеседники не заметили, что в ходе этого разговора к столику излишне часто стала подходить официантка, то навести порядок, то что-то принести, то унести, то порекомендовать еще какую закуску. Посидев часа полтора-два в пивной, они распрощались и разошлись. На следующий день опер Степин, вызвал «Соколова» на связь. Борис был с похмелья, голова была мутной. Почти сразу опер стал интересоваться результатами выполнения своим помощником задания по Смышляеву. Борис рассказал всё как было, ничего не обостряя, а даже пытаюсь смягчить краски, согласившись, что его собеседник, да и он сам были под хмельком. Внимательно выслушав и задав ряд уточняющих вопросов, Степин взял лист бумаги и сказал Борису, чтобы он изложил всё письменно. Петров стал отнекиваться, пояснил, что голова с похмелья «не варит», руки дрожат. Опер взял лист, сам подробно изложил рассказ Бориса, причем в нем фигури-

ровал не Петров, а какой-то мифический «источник» (для конспирации), как пояснил Степин. Борис внимательно прочел, содержание было точным, и по рекомендации опера подписал «с моих слов записано верно», «Соколов», и поставил дату. Степин быстро свернул бумагу и спрятал в карман; по всему было видно, что он доволен «хорошим уловом». Борис уныло спросил, куда пойдет этот документ. Опер пояснил, что этот документ для внутреннего пользования органов НКВД, и никуда за их стены он не уйдет. Но на основании его Смышляев будет взят в разработку по признакам восхваления фашистской идеологии и военной мощи Германии, а, может, еще и прорисуетя шпионаж в пользу Германии. «Да, похоже, влип в историю», — подумал Борис, но опер как будто прочитал его мысли, стал успокаивать, что «Соколов» нигде фигурировать не будет и никаких угрызений совести быть не должно, так как в документе изложена только правда, а долг каждого патриота — сообщать НКВД о лицах и фактах, наносящих урон государству. «Какой урон от нетрезвой беседы в пивной», — подумал Борис, но вслух ничего не сказал.

В начале 1937 г. завод потрясла сногшибательная новость: выявлен агент фашистской разведки Смышляев, завербованный в период нахождения на стажировке в Германии. Он был взят под стражу, велось следствие; вызывались на допрос свидетели, проводились обыски, выемки и т.д.

Финал этой грустной истории: Смышляев сгинул в недрах ГУЛАГа; опер Степин, в числе других разра-

ботчиков и следователей, получил благодарность от наркома НКВД, объявленную в приказе по народному комиссариату. «Соколов» с горя запил, был уволен с военного завода и в начале войны призван в армию. Служил водителем танка, неоднократно ранен. Награжден орденами и медалями. С тоской и унынием иногда вспоминал о своей работе на заводе, контактах со Степиным, несостоявшейся учебе в институте. Старался об этом вспоминать как можно реже, но предыдущие события и разговор со Смышляевым в пивной жгли его душу, приходили во снах и никуда нельзя было деться. Степин во время войны служил в отделе армейской контрразведки СМЕРШ, также получил награды; после окончания войны устроился военруком в среднюю школу; дальше работать в органах госбезопасности не стал.

После 20 съезда КПСС Смышляев по заявлению своих родственников был реабилитирован, но ведь человека уже не вернешь. Вот так на примере жизни простых людей из миллионов российских граждан на практике высветился и сфокусировался тезис «вождя всех времен и народов» об обострении классовой борьбы по мере движения страны к социализму. Наркомы Ягода, Ежов, Берия и другие на «деле» показывали вождю всю «мудрость и прозорливость» его гениальных идей, а исковерканные судьбы миллионов людей их не волновали. Разведка Германии, главного противника того времени молодой Российской Федерации, очень умело подыгрывала «гениальному» тезису Сталина, периодически «вбрасывая» по различным кана-

лам дезинформационные материалы о причастности к шпионажу в пользу её или Японии тех или иных видных советских военачальников и государственных деятелей, дальнейшая судьба которых была очень трагичной.

ПАХАН-ВОСПИТАТЕЛЬ

Рассказ в трех частях с эпилогом

1. Исаак Шлейхер и другие.

Всё это происходило примерно в 1938-1940г. Исаак Шлейхер — в прошлом «первая скрипка» в некоем престижном симфоническом оркестре страны — отбывал наказание в одном из исправительно-трудовых лагерей Мордовии. Повод и причина — якобы участие Шлейхера в «троцкистско-зиновьевской ячейке», финансируемой зарубежной сионистской организацией «Джойнт».

А было то, что Исаак и другие творческие работники — евреи, иногда собирались на одной частной квартире, музицировали, читали стихи, философствовали, обсуждали актуальные события в стране и за рубежом. Пожилой врач-стоматолог Ребан Яков Шмулев, как мог, обучал молодежь «ивриту» и основным постулатам «талмуда».

На сегодняшний взгляд, ничего запретного во всем этом, конечно, не было, но — не в те времена...

Участники отмечали основные иудейские праздники, старались употреблять «кошерную» пищу, а некоторые соблюдали «шабат», то есть в субботу никакой работы не касались, а только молились и читали талмуд.

Почти на каждом собрании прослушивались зарубежные передачи на английском и немецком языках, — большинство присутствующих ими владели, — а

мощный радиоприемник «Грюндиг» хорошо «ловил» дальние радиостанции.

Естественно, органы НКВД заинтересовались этим неформальным объединением представителей интеллигенции. Несложные оперативные меры позволили установить, что большинство в объединении — евреи. Далее — дело техники. Оставалось внедриться в объединение для выявления предполагаемой враждебной просионистской деятельности. Но задача оказалась сложнее, чем думалось: участники состояли между собой в приятельских отношениях и неохотно принимали в свою среду новых людей. Однако в «идеологическом» отделе областного управления НКВД работали профессионалы высокого класса, да и случилось обстоятельство, которое внедрению помогло.

Однажды в поле зрения попал молодой человек, еврей, зубной техник, как сказали бы сегодня, — «голубой». В то время это представляло уголовное преступление. Выявить любовных партнеров зубного техника было несложно, и таким образом сотрудники НКВД заполучили нужное письменное объяснение, в котором, в основном, фигурировал уже знакомый нам зубной техник.

И вот как-то ближе к концу рабочего дня к нему в поликлинику пришли двое в штатском, представившись сотрудниками управления НКВД. Опытные оперработники, которые хорошо владели методикой вербовки и разбирались в национальных особенностях психологии человека — словом, свой хлеб отбатывали «на совесть», приступили к делу. Вначале

поговорили о протезировании зубов, выяснили, откуда и по какой цене поступает золото. Зубной техник насторожился: видимо, настучал на него кто-то из пациентов или коллег, может, о недостатке драгметалла. Но тут у него всё было в полном порядке, и потому он довольно спокойно отвечал на вопросы. Так он окончательно расслабился, и тогда, усыпив бдительность зубного техника, один из сотрудников вытащил из бокового кармана несколько листов и положил их перед медиком. И жестко опросил: «А это как понимать?».

Зубного техника хватил ужас, второй опер вынул уголовный кодекс РСФСР, прочитал и прокомментировал диспозицию статьи «Мужеложество». Словом, вначале оперы «нагнали пургу», а затем предложили замять эту историю, но — взамен потребовали у техника негласной помощи органам НКВД. И он, на смерть напуганный, естественно, без колебания согласился, взяв себе псевдоним «Эскулап».

После тщательной подготовки и перепроверки информатора ему была задана цель и тактика внедрения в просионистскую организацию, как называли её оперы. Получилась многоходовая комбинация с выводом «помощника» на зубного врача Ребана Я. Ш., так чтобы тот сам предложил «Эскулапу» посетить товарищескую встречу.

Информатор мог поздравить себя вдвойне: с одной стороны, он выполняет задание органов, а к тому же заводит новые потенциально интересные для его сексуальной ориентации контакты. Тем более, спросив у

Якова Шмулевича, кто преобладает на вечеринках, с удовлетворением отметил, что в основном, мужчины — женщин раз-два и обчелся.

Через полгода наступил печальный финал для участников собраний и триумфальный для «разработчиков». За контрреволюционную пропаганду, связь с троцкистско-зиновьевским и сионистским подпольем Шлейхер, Ребан и еще трое активных участников были осуждены по 58 статье к различным срокам лишения свободы. Для остальных участников собраний, в том числе и для «Эскулапа», провели профилактические меры в управлении НКВД и по месту работы, через партийные и профсоюзные органы.

И оказался Исаак в Мордовии в поселке Потьма. Сырой холодный климат, комары, слабое питание, суровое отношение администрации и множество прочих тяжких ограничений для политических заключенных, но Шлейхеру еще повезло — он работал всего лишь по пошиву защитного обмундирования для пожарных частей, а не на тяжелой физической работе.

2. «Пахан» Апонькин, Дмитрий Хандурин и другие.

Семен Апонькин за свою 35-летнюю жизнь имел уже четыре ходки в места лишения свободы. С двух лет воспитывался в детдоме, где преобладал культ силы, жестокости и наглости. А Семен был невысокий тщедушный паренёк, отчего подвергался постоянным насмешкам и избиениям.

В 15 лет он из детдома сбежал со своим сверстником по кличке «Червь». Для начала они ограбили при-

вокзальный киоск, — стащили 30 рублей, консервы, конфеты. И это сошло им с рук, так что приятели приободрились — понравилось добывать легкие деньги.

Естественно, «начинающие» сразу попали в поле зрения местного авторитета «Лузана», который привил им азы жиганской жизни: верность мужской дружбе, ненависть к «ментам» и «сукам», презрительное отношение к рабочим, почитание «авторитетов», матерей и т.д. Спустя год, Семен и «Червь» попались при ограблении квартиры, на которую их «навел» «Лузан», и получили по три года. «Лузана» они не «сдали» и прошли по «малолетке».

Освободившись, Апонькин взялся за прежнее, но стал действовать более осмотрительно, хотя вместе с тем и смелее. Начал употреблять «колеса», и в нужной дозе они (таблетки) вполне заменяли наркотики, которые придавали кураж. Так он сошелся с «братвой», начал сдавать ворованные деньги на «общаковские» нужды, причем не жадничал, чем заслужил уважение в воровской среде.

Второй раз в исправительно-трудовой лагерь он попал из-за пьяной драки в пивной, где один из посетителей потешался над его наколками на руках, маленьким ростом и тщедушием. Схватив со стола нож, Семен пырнул обидчика в грудь, тот упал, обливаясь кровью, а другие посетители скрутили хулигана и вызвали милицию. Итог истории: пять лет лишения свободы, но уже на «взросляке».

Так Семен проходил свои тюремные «университеты». В Потьме он сидел четвертый раз. К этому вре-

мени он носил кличку «Сэр». Манерами английского джентльмена он отнюдь не отличался, а «Сэр» означало «Свобода Это Радость, Рай, Рок», или еще что-то в этом же роде. Семен был смел, дерзок, не жаден, отличался справедливостью. Последний раз он и несколько его дружков «взяли» инкассатора с сумкой — зарплатой работников одного из заводов. «Сэр» смело подошел к инкассатору, который был выше его на полголовы и тяжелее пуда на два, и, сунув муляж пистолета «ТТ» в рот служивому, потребовал бросить сумку с деньгами, не то нажмет на спусковой крючок. Инкассатор беспрекословно сдался.

Дальше началась «красивая жизнь», — рестораны, женщины, угощения дружков и подруг, франтовство, поездки на такси и т.д.

Однако, один из его дружков, как-то будучи сильно пьяным, проболтался малознакомой ресторанной девице об истории с инкассатором, а девица была информатором угрозыска. Милицейская разработка прошла быстро, и уже через месяц Семен и три его приятеля предстали перед судом на скамье подсудимых.

Апонькин проявил воровское великодушие, львиную долю вины взял на себя, но купленный «братвой» адвокат отработал свой гонорар сполна, и тут ему помогли многие факторы: не настоящий пистолет, а муляж (шутка), и трудное сиротское детство Семена, его тщедушие, и то, что он никогда бы не смог физически побороть инкассатора, и много еще чего. Короче, он получил 10 лет и был этапирован в ИТЛ в Потьму. Здесь вышестоящие авторитеты назначили его «смот-

рящим» за зоной со всеми вытекающими привилегиями. Конечно, «Сэр» сам не работал, являлся «третейским судьей» для уголовных экзов, постоянно был при папиросах, чае, таблетках и некоторой сумме денег из «общака». Администрация лагеря также относилась к «авторитету» терпимо, хотя несколько раз и садила «Сэра» в БУР (барак усиленного режима) за отказ от работы и нарушение лагерного режима.

Дмитрий Хандурин, 20 лет от роду, высокий художный юноша, воспитывался без отца и матери у бабушки. С детства пристрастился к курению и воровству — иногда снимал с пьяных часы и шапки, виртуозно воровал в киосках мелочь, приготовленную для сдачи и лежащую в жестяной тарелочке. Лет с 16-ти запивал и употреблял «колеса», а потом дебоширил и нарушал общественный порядок.

Бабушка, как ни старалась, ничего с Димой поделывать не могла, несколько раз вызывала милицию, но подержав несколько суток в «КПЗ», Диму отпускали, за отсутствием состава преступления.

Однажды вместе с такими же друзьями он зашел в домик бабушки. Посидели, крепко выпили, показалось мало. Дима стал требовать у бабушки денег, та отказала. Внук разозлился и зверски избил бабушку. Соседи вызвали милицию, и Дима, конечно, схлопотал срок.

Парень он был своеобразный — всегда «косил» под блатного, все руки и тело были исколоты до синевы: обычный набор — змея, обвивающая кинжал, кресты, профиль Сталина, различные надписи типа: «За измену — смерть», «Не забуду мать родную» и «Вот что

нас губит — женщина и бутылка», всё это, конечно, с иллюстрациями «на тему».

В лагере Диме жилось плохо и голодно, не было ни курева, ни чифира, ни тем более «колес». Он дошел до того, что выпаривал из сапожного крема подозрительную жидкость и употреблял ее как наркотик. Лицо его стало землисто-серым, глаза лихорадочно блестели, начал носить очки, так как стал плохо видеть. Однако регулярно читал библиотечные книги на исторические темы, рисовал церкви, лики святых, гладиаторов, римлян и т.п. С великим почтением относился к пахану — знакомому нам «Сэру», периодически рассказывал ему содержание прочитанных книг и оказывал всякие мелкие услуги.

Парень он был «с головой», хоть в лагере ему и дали кличку «Дурень», — так думал про него Семен, — так что вот из кого может выйти толк и реальная польза жиганскому братству. И потому «Сэр» «баловал» Диму — угощал папиросами, давал таблетки и заварки для чифира.

В лагере среди уголовников «Сэр» заявил, что с «суками», т.е. информаторами и доверенными лицами администрации, будет расправляться жестоко вплоть до того, что за это им грозит смерть. Призывал братву не обижать верующих, которых также немало было в лагере: «Если узнаю про такую обиду — избыю до полусмерти», и зэки хорошо знали, что это не пустые слова...

Однажды в лагерь прибыл по этапу новый зэк, некий Васильков, Пахан сразу же провел беседу с но-

вичком, спросил: «За что сел?». «За растрату крупной денежной суммы», — последовал ответ. Кратко обозначив «правила поведения в зоне», «Сэр» отпустил новичка. Одновременно дал задание своим доверенным зэкам присмотреться к Василькову. Те отметили, что Васильков часто шлет письма на волю, а письма пишет в красном уголке. Когда пишет, оставляет открытым только приветствие «Здравствуйте, дорогие родственники», а остальной текст ловко прикрывал ладонью. Кроме того, у новичка стали появляться папиросы, пряники, сухари. «Откуда бы это?» — задумался «Сэр». Ответ и развязка пришли неожиданно быстро. По этапу дошла «малява» (записка), где говорилось, что Васильков бывший учитель физкультуры, осужден за изнасилование и убийство пятилетнего мальчика. Эту категорию осужденных в лагерях не то что не любят и презирают, а в конце концов «опускают» и убивают, а потому «кумовья» и оперы оперчасти завербовали Василькова в «сексоты», взамен пообещав, что никто из зэков не узнает о его настоящем преступлении.

Но, как известно, любое тайное становится явным... Прочитав «маляву», «Сэр» разгневался и собрал авторитетов зоны посоветоваться, что делать с «сукой». Вердикт был единогласный — Смерть. «Заметано», — сказал пахан и авторитетов отпустил.

Спустя несколько дней он вызвал к себе Василькова, который держался недолго — через несколько минут под искусным жигановским прессом «Сэра» раскололся и на коленях умолял пощадить его. «Иди ра-

ботай, сука, я об тебя руки марать не буду!» — последовал ответ. Через несколько часов он пригласил к себе уже знакомого нам «Дурня» и другого своего «шестерку», некоего Казака, молодого крепкого парня, который в прошлом занимался боксом, и по пьянке ударом кулака убил человека.

«Вот что, пацаны, — объявил пахан, — нужно «замочить» суку Василькова, он запродался кумовьям, а к тому же загубил невинную жизнь. Дам вам бритву, полоснете его по горлу, и вся недолга...»

«Тебе, Дима («Дурень»), уже пора менять свою дурную кликуху, какую бы ты хотел выбрать?» — доброжелательно беседовал пахан с Димой. Засмутившись, «Дурень» ответил: «Хочу кликуху Тэртуллиан». «Ты что, оху-л, — сказал пахан. — Во-первых, это кто такой? А во-вторых, — шибко длинно». «Это римский император древности!» — сказал Дима, но тут же предложил, второй вариант: «Дон». «Это река что ли?» — спросил Сэр. Бывший «дурень» длинно и сбивчиво рассказал об испанских аристократах, пока пахану не надоело, и он махнул рукой: «Ну что, «Дон» так «Дон», — и если, разумеется, оба сделаете своё дело и не засыпаетесь». «Всё будет сделано, как вы сказали, «Сэр», кумовья ни за что нас не вычислят», — заверили шестерки.

Дней через двадцать Василькова нашли в безлюдном месте жилой зоны с перерезанным горлом и опасной бритвой в руке. Но под какой бы кликухой ни ходил «Дурень» — он дурень и есть. Он умудрился вложить бритву в руки Василькова так, что по логике тот

зарезал себя тупой нерабочей стороной. Однако администрация пренебрегла такой «мелочью», тем более, что по лагерю прошел слух, что у Василькова будто бы проснулась совесть и он очень переживал за невинно убиенного мальчика и грозился учинить сам себе страшный, но справедливый приговор. «Самоубийство», — констатировал следователь и «Дурень» превратился в «Дона», Казак получил от «Сэра» 25 рублей, пачку чая и пачку папирос — царский подарок!

3. «Опер» Колесник и другие.

Оперуполномоченный Колесник Виктор Михайлович входил в опергруппу НКВД, которая обслуживала исправительно-трудовой лагерь для особо опасных государственных преступников. Родился он и вырос в Москве, окончил ВУЗ, поработал недолго в прокуратуре, откуда его и зачислили на службу в НКВД. Работал он в отделе по обслуживанию оборонного НИИ, участок серьезный и интересный.

Поскольку в довольно короткий срок Колесник зарекомендовал себя весьма положительно, его повысили в звании и должности до старшего оперуполномоченного. Начальник отдела Шарикалов уже всерьез подумывал о выдвижении Виктора на должность заместителя начальника отделения.

Но всему помешала любовь. В общем — «шерше ля фам». Колесник, не женатый молодой человек, встречался с симпатичной девушкой Катей, студенткой медицинского института, и уже подумывал, не

связать ли себя «узами Гименея», и всё шло к тому. Катя понравилась его родителям, а Виктор в свою очередь обаял родителей Кати.

Однажды, Виктор, получив зарплату, пригласил Катю поужинать в ресторан, и она с удовольствием согласилась. Сперва в ресторане всё шло хорошо, влюбленные выпили шампанское, ели, беседовали, танцевали, но на Катю пристально глядел усатый плотный грузин средних лет, который сидел с несколькими солидными мужчинами за столиком неподалеку. Грузин вначале просил у Виктора разрешения потанцевать с его дамой, затем уже приглашал её без всякого разрешения; через официанта прислал Кате роскошный букет цветов и коробку конфет. Всё это понемногу всё более заводило Виктора — он, мол, старший опер НКВД, должен сносить наглости какого-то рыночного торговца — почему-то именно так он охарактеризовал для себя навязчивого грузина.

Тут грузин с товарищем вышли из-за столика в туалет, туда сразу же прошел и Виктор: «Ты, черномазый, отстань от моей девушки, а не то хуже будет». «А пошел ты...», — спокойно и лениво ответил грузин. Виктор съездил ему по физиономии, завязалась потасовка. Швейцар вызвал милицию. Прибывшим сотрудникам Виктор предъявил служебное удостоверение и пояснил, что грузин первый его ударил и оскорбил, а он лишь дал сдачи.

И что же? Вдруг опер Колесник увидел, что у милиционеров вытянулись лица, когда грузин предъявил

им какую-то красную книжечку. Владельцем её оказался не более — не менее чем товарищ Нодарая, заместитель начальника секретариата Наркома Л.П. Берия. Сразу же стали составлять протокол, опрашивать очевидцев. Грузин безмятежно ронял фразы и курил, прикрывая ладонью синяк под глазом.

Наутро, как только он пришел на работу, к Виктору в кабинет влетел в дым расстроенный Шарикалов и стал расспрашивать об инциденте, пояснив, что в Управление к руководству уже был звонок из Приемной наркома НКВД. Вскоре Виктор получил служебное и партийное взыскание за дебош в общественном месте и даже возник вопрос о его увольнении из органов.

Но Нодарая, возможно, понял, что неправ, и посоветовал Виктора не увольнять, а просто переместить по службе из Москвы в какой-нибудь другой город.

Так Колесник оказался в захолустной Потьме, да еще с понижением в должности. Конечно, Катя не захотела ехать в «дыру», и Виктор прибыл в поселок один. На прощание Шарикалов и другие коллеги заверили Виктора — они надеются, что он зарекомендует себя в Мордовии также хорошо, как в Москве и вскоре вернется обратно в столицу да еще приобретет опыт работы с особо опасными государственными преступниками. Хорошо бы, — думал Виктор, — а то, если навечно сюда, — пожалуй, можно сойти с ума и помереть с тоски...

В коллектив опергруппы исправительно-трудового лагеря Потьмы Виктор вписался легко, сразу же

организовал небольшое застолье, рассказал столичные новости, о сути конфликта с Нодария, естественно, помалкивал. А обслуживал он как раз то отделение, где находился упомянутый нами выше Исаак Шлейхер.

Однажды Колесника пригласил к себе в кабинет начальник опергруппы Гуменный, поинтересовался — как жизнь, как настроение. А потом пояснил, что по достоверным оперативным данным в лагере действует тайная сионистская ячейка, во главе с бывшим скрипачом одного из лучших оркестров страны — неким Шлейхером. Конкретизировал, что от его информатора и от лагерной цензуры есть сведения, что Шлейхер, изучая родословную В.И. Ленина, якобы точно установил, что дедом матери вождя, Марии Александровны, являлся еврей Мойша Ицкович Бланк (что, как мы знаем сегодня, соответствует действительности), но по тем временам это сильно компрометировало «вождя пролетариата», а если еще об этом узнают «наверху», сказал Гуменный, — то всем нам, то есть всей опергруппе, несдобровать». Пора, пора пресекать контрреволюционные проделки «Скрипача» — так именовалось досье на Шлейхера.

Через несколько дней Колесник вызвал Исаака на беседу, он хотел убедить того по-доброму перестать «кучковаться» и распространять двусмысленные сведения о происхождении пролетарского вождя. Тон разговора вначале был вполне доброжелательный, но Исаак стоял на своем, а Виктор — на своем. Исаак говорил, что и осужден то он ни за что и что исследо-

вать родословную вождя не криминал. В конце разговор уже звучал на повышенных тонах, и неравные собеседники расстались каждый при своем мнении.

На следующий день Виктор доложил, что убежденный контрреволюционер воздействию оперработника никак не поддается и, значит, нужно действовать по-другому, и поведал Гуменному свой план. Гуменный внимательно выслушал и констатировал, что «перевоспитанию» оперработника Шлейхер никогда не поддастся и тогда, действительно, надо действовать по-другому, то есть поручить политзаключенного Шлейхера «позитивному» воздействию уголовного авторитета Апонькина.

Апонькина, то есть «Сэра», Гуменный охарактеризовал так: «Несмотря на малый рост и худобу», личность сильная и справедливая: нет нужды долго ему втолковывать суть дела. Стоит только поставить задачу, а как её выполнить — он решит сам.

Тщательно подготовившись к разговору с «Сэром», оперработники вызвали его в кабинет административного здания. Представились, пояснили Семену, что разговаривают с ним не как с эком, а как руководители с руководителем, пояснив, что прекрасно представляют себе, кем он состоит в эковской иерархии. Угостили папиросой «Казбек», велели принести чаю, от которого, впрочем, Семен отказался.

«У «нквдистов» — проблемы, — подумал Апонькин, — если вышли на меня: Гуменный и Колесник попросили его, авторитета, оказать «положительное влияние» на осужденного Шлейхера, чтобы удержать

его от еще одного контрреволюционного действия уже в самом лагере, для чего кратко изложили суть «компры» (компромата) на «Скрипача». Взамен пообещали содействие — скостить долгий срок.

Взвесив всё это мгновенно, «Сэр» ответил: «Граждане начальники, я кумовьям никогда не «шушукал» и строго караю за это братву. Но здесь, во имя Родины, я выполню просьбу и «прищемлю нос» троцкисту-утописту!». Гуменный и Колесник заулыбались сентенции пахана, на чем и разошлись.

На следующий день «Сэр» пригласил авторитетов зоны и рассказал о беседе с руководителем опергруппы НКВД. Посоветовался: не будет ли это с его, пахана, стороны элементом «ссучивания» с администрацией, если он выполнит просьбу начальников. Большинство ответило: «Не будет!». Воздержался только вор-одессит, некий Яша Фишман, который заявил, что братве негоже вмешиваться в политику. Братва возразила: «Яша, в тебе говорит еврейская кровь, а не жиганская правда!». На том и порешили на сходке, заставить «Скрипача» «прикусить язык», а как это сделать — пахану виднее.

Спустя некоторое время Апонькин вызвал к себе «на стрелку» Диму Хандурина, «Дурня», он же и «Дон», и, поговорив «за жизнь», пожурил за обиду бабушки — пояснил, что жиган должен любить и уважать мать, а если её нет, то мать матери, то есть бабушку, после чего приступил к делу. Надо, мол, проучить политического, члена контрреволюционной сионистской организации: «Выполнишь мою просьбу,

получишь денег, «колеса» и усиленную жратву, а то лицо у тебя серее асфальта!» — по отечески заметил пахан. «Всё сделаем в лучшем виде, «Сэр», — заверил Дима. Сам же подумал, что начинает набирать жиганский «вес» и через пару лет, возможно, тоже станет авторитетом зоны, со всеми вытекающими привилегиями.

«Сэр» рассказал Диме, в каком отделении лагеря находится Шлейхер, где работает, в каком бараке ночует. Заодно проинструктировал, как себя вести, если, не дай бог, «засыпется».

Дней двадцать «Дон» наблюдал за «объектом» и намечал, где поговорить с ним по душам, то есть «пырнуть ножичком», так он понял указание пахана. После чего вытащил из тайника заточку, выпил чифиру и, хорошенько разозлив сам себя, вышел «на дело». В уединенном месте Шлейхер читал книгу, когда к нему подошел высокий худой парень с неестественно блестящими глазами. Кисти рук у него — сплошь синие от наколок. «Видно, больно было, когда накальвали», — подумал про себя Исаак, а вслух опросил: «Чем могу быть полезен?». Дима сразу же визгливо и нахально стал задирать Исаака: «Ну ты, пидор, троцкистутопист, за сколько родину продал?». «Никому ничего я не продавал!» — отпарировал Исаак. «Ты что, падла, мне темнишь, думаешь, я не знаю, ты за кого меня ставишь?» — всё больше распалялся «Дон». «Идите вон, молодой человек!» — возмутился наконец Шлейхер. И тут Дима выхватил из брюк заточку, ударил троцкиста в бок и бросился бежать. Исаак упал, из раны

пульсировала кровь. Придя к «Сэру», Дима доложил, что задание выполнил и тут же получил 10 рублей, пачку чая, таблеток и банку мясных консервов.

По факту нанесения телесных повреждений Исааку Шлейхеру было возбуждено уголовное дело. Установить, что нанес удар ножом Исааку Хандурин, не представляло труда, благодаря его наколкам и специфической внешности. На следствии «Дон», выполняя наставления Апонькина, твердил, что Шлейхер сам завел разговор, агитировал против Сталина и советской власти. А Дима, якобы, старался его разубедить (это с его-то четырехкласным образованием), но не сумел, расстроился и ударил троцкиста заточкой, которую несколько минут назад нашел на дорожке и хотел сдать администрации лагеря.

Адвокат на суде говорил о трудном детстве Хандурин, об его «психопатическом синдроме», а главное, что, хоть и избил родную бабушку, он всё-таки не утратил чувства патриотизма и только в защиту своих патриотических идеалов, причем в крайнем возбуждении, поскольку не сумел переубедить Шлейхера, прибег к расправе с помощью заточки, которую честно нес сдавать. Просил для Димы минимальный для этой статьи срок, что суд и присудил.

Финал этой истории: «Дон», снабженный «Сэром» соответствующей «малявой», пошел по этапу отбывать второй срок в другую зону. «Грели» его там довольно неплохо, и, выйдя на свободу, он вступил в «жиганское братство», дальнейшая его судьба неизвестна.

Семен Апонькин за примерное поведение получил освобождение из лагеря раньше означенного срока. Затем, сделав еще несколько ходок на зону, был «коронован» вором в законе. В новых местах пребывания жиганам рассказывал о своем богатом событиями прошлом, но почему-то об истории с перевоспитанием «троцкиста» даже не заикался.

Оперуполномоченного Колесника через два года перевели обратно в Москву, но Катя уже успела выйти замуж за другого. А бывший его начальник, да, впрочем, и теперешний, Шарикалов как-то доверительно рассказал Виктору, что высокопоставленный Нодарая простил молодого человека, поскольку у них в Грузии считали за честь заступиться за любимую женщину. Но всё-таки свои два года в Потье Виктор прослужил, что вместе с разладившейся свадьбой послужило, хоть малой, но проучкой для незадачливого опера...

Исаак Шлейхер, отбыв срок, приехал в свой город, устроился в тот же симфонический оркестр, но уже не первой скрипкой. За поврежденное легкое получил инвалидность и крохотную пенсию. Впрочем, к окончанию войны именно из-за этого в армию призван не был. Женился, появились дети. Но до сих пор не может забыть «синих» кистей «Дона»...

«Эскулапу» еще до начала войны каким-то образом удалось эмигрировать в Штаты, где он официально вступил в Нью-Йоркскую ассоциацию гомосексуалистов. О своем участии в «разработке» троцкистско-сионистской ячейки в России, как слышно, нигде и никогда не распространялся. В душе искренне жалел

Шлейхера, Ребана и других участников, но оправдывал себя тем, что такова, наверное, их судьба, что всё делается по воле свыше. Вот так благополучно дожил до 60 лет и тихо скончался.

Эпилог

Вот такая, в общем, простенькая история связала и хитро сплела судьбы весьма разных людей: высокопоставленного функционера НКВД и рядового опера, любовь и ревность, английское и испанское аристократические звания, зазвучавшие в лагерных бараках из уст жиганской братвы, борьбу карательных органов с сионизмом и космополитизмом, да еще такую малость — пробитое легкое и инвалидность на всю жизнь нормального порядочного человека, интеллигента и талантливого скрипача — уже без всяких кавычек — Исаака Шлейхера.

И как тут не отметить удивительные метаморфозы, которые происходили «в процессе действия» с героями этого хитрого «судьбосплетения»: превращение бытового хулигана и мелкого воришки Димы Хандурин в хладнокровного убийцу; по-своему справедливого воровского «пахана» Семена Апонькина — в орудие жестокой политической расправы; перспективного столичного опера Виктора Колесника — в разработчика мифической ячейки троцкистов-сионистов захолустной Потьмы...

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Где-то в 1969—1970 гг. ко мне на прием в одно из городских подразделений УКГБ пришел пожилой мужчина и рассказывал об антисоветских высказываниях мастера стадиона Клокова, в частности, против коммунистов (всех их надо стрелять). Я попросил мужчину написать на этот счет объяснение. Завязалась беседа, Начал он с того, что объявил мне: «Вы беседуете с героем Советского Союза!». Я усомнился. Тех четырех героев СССР, что проживали в нашем небольшом городе, я знал наперечет. Тогда он вытащил из кармана сложенный вчетверо лист, и развернул, показав грамоту Героя Советского Союза. Я запомнил, что на ней были изображены в профиль лица Ленина и Сталина, имелся текст о присвоении Звания Героя и подписи Сталина и председателя Президиума Верховного Совета СССР, — кажется, Шверника, точно не помню.

Я спросил: «Как же так, почему Вы не значитесь в числе Героев Советского Союза нашего города?». И тут он рассказал мне свою историю. Вот ее суть. Воевал он в должности командира танкового взвода. Героя получил за форсирование Днепра. Ближе к концу войны часть, в которой он служил, пошла в некий небольшой югославский городок. Несколько солдат его взвода крепко выпили, и комендантский патруль задержал их и доставил в здание военной комендатуры.

Другие солдаты сообщили о происшедшем Герою, который тоже был сильно пьян. Он распорядился: «По танкам!». И — поехали к комендатуре освобождать сотоварищей, подчиненных нашего Героя. Во время пьяного танкового наезда комендатура оказалась буквально смята и раздавлена, вместе со всеми, кто в ней находился.

О «ЧП» (свои бьют своих же) доложили самому Сталину, предложив два варианта кары: 1) расстрелять Героя и других участников разрушения комендатуры. 2) лишить виновного звания Героя, всех судить и направить в штрафной батальон. По словам моего собеседника, Сталин выбрал второй вариант, Герой был разжалован в рядовые, лишен высшей воинской награды, до конца войны пришлось ему воевать в штрафбате. Золотую звездочку у него изъяли, а вот грамоту о присвоении звания Героя ему удалось — таки спрятать и сохранить. В городе о своем прошлом он никому не распространялся и числился как обыкновенный участник Великой Отечественной войны. Свою историю он рассказал сейчас, чтобы, что называется, «спустить пар» и выговориться. По его словам, зла на военную комендатуру он не держал, что в те дни уже чувствовали «ветер победы» и вообще — «танкистам море по колено». Главное же — буквально «не просыхали», а спьяну чего не сделаешь. В состоянии эйфории, когда перешли за свою границу, занимали селения и города, врывались в дома и давали автоматную очередь. Неважно, старик ли, женщина, дети — так он рассказывал, — в кого попали, или

прошло мимо, заглядывали во все закутки, чего греха таить. Себе в оправдание твердили — «А что, фрицы у нас творили?». Может, если бы трезвые были, по — другому бы рассуждали: «То они, а то — мы». Но куда там! Все же в дым пьяные! Вот такую оборотную сторону начала Победы рассказал мне разжалованный Герой.

ВЫБОР

В начале 70-х годов в городское подразделение УКГБ пришел запрос от коллег из Ростовской области с просьбой допросить жителя нашего города Макарова и провести опознание по прилагаемым к запросу трем фотокарточкам. В запросе значилось, что Макаров 1926 года рождения, во время войны служил в немецко-казачьих формированиях, возглавляемых генералом Домановым, а на фотокарточках — его сослуживцы по казачьему батальону.

Начальник поручил ответить на запрос опытному сотруднику, майору Грищенко, участнику Великой Отечественной войны. Грищенко быстро вычислил Макарова и через отдел кадров шахты, где тот работал, вызвал его в городское отделение УКГБ. По вызову явился мужчина средних лет, с типичной шахтерской внешностью, с вьедшейся вокруг глаз угольной пылью. Чувствовалось, что он волнуется, — лицо вспотело, дрожали руки.

После оформления всяких документальных процедур Грищенко допросил Макарова и произвел опознание, все это оформив протоколом. Затем между ними развязался разговор об участии каждого из них в войне.

В моем кабинете все было хорошо слышно. Тем более, что майор распалялся все больше, будучи по темпераменту выраженным холериком, так что даже переходил на крик. Макаров же приглушенно и тща-

тельно следя за каждым произнесенным словом, рассказал свою историю. А дело было так. Где-то в 42 или 43-м году станицу, где Макаров жил, заняли немцы. Они сразу же выявили всех юношей призывного возраста, собрали их на сход и объявили: либо они вступают в казачьи формирования Доманова, либо им грозит расстрел. Естественно, все вступили в казачество. Всем хотелось жить. Против советских войск им воевать не пришлось, их направили в Югославию для борьбы с партизанами. Затем они попали в плен к американцам, которые и выдали бывших немецких казаков советским войскам. Последовала фильтрация и направление на спецпоселение в Сибирь. Грищенко все запальчивее кричал на Макарова: «Ты предал Родину!». Макаров же, тоже повысив голос, ответил, что выхода не было: «Ведь мне тогда и 18 лет не было, а кто в такие годы жить не хочет!». И тут Грищенко стал предлагать варианты, которые мог выбрать Макаров: бежать от немцев к советским войскам, либо обратить оружие против фашистов. Макаров угрюмо ответил: «Куда от них убежишь — везде охрана, перестреляли бы всех, как курят...»

Но где было Грищенко понять Макарова. У Грищенко была другая судьба: сибирский шахтерский город, техникум, артиллерийские курсы и участие в боевых действиях, за которые получил высокие награды. Перед ним судьба никаких выборов не ставила и никаких испытаний не предлагала. Надо было воевать — и он пошел на фронт. И как фронтовик, естественно, справедливо гордился своим прошлым.

Я же из своего кабинета слушал «выволочку», которую он устроил Макарову, и про себя подумал — кому что суждено. Военный путь Грищенко был инвариантным. А окажись он — 17 лет в обстоятельствах Макарова, кто бы знал, как поступил бы он сам... Во всяком случае, так злобно корить Макарова за его выбор Грищенко никак не следовало. Так думал я тогда. Еще и еще раз шло на ум: совсем неизвестно, как бы повел себя Грищенко, храбрый на фронте, окажись он в ситуации да в годах Макарова.

По голосу было слышно, как Макаров, волнуясь, рассказывал, как после войны попал под надзор спецкомендатуры, как «власовец», и как подозрительно косились на него начальство и многие шахтеры. Но он честно трудился на шахте и с места на место не бегал. На вопрос Грищенко, ездил ли он в свою родную станицу, Макаров ответил: «Не к кому, там из близких никого не осталось».

Я потом долго еще помнил про эту драматическую «стыковку» военных судеб двух фронтовиков, волею случая оказавшихся по разные стороны баррикады. И вообще, сейчас, когда более полвека прошло с окончания войны, похоже, все мы склонны поэтизировать и идеализировать военную пору. А на самом деле обстоятельства, в которых оказывался человек на фронтах, зажимали его в такие тиски, что все высокие слова про славу, героизм, подвиг, на ум не шли вовсе. И часто именно случай определял поведение бойца. Я думаю, уже пора не просто кричать «Ура, Победа!», а осмысливать войну. Не просто как факт истории, а как

трагическое ее явление. И прежде всего с точки зрения того, что она калечила судьбы людей — героев и негероев, победителей и побежденных.

Вскоре после этого случая меня перевели в другой город, и я не знаю, как обернулась судьба Макарова.

СИТУАЦИЯ

Эрнст Клейстер

Эрнст Клейстер родом из города Энгельса автономной республики немцев Поволжья. Был вполне интеллигентным юношей, учился хорошо. Однажды мальчишки-сверстники устроили вечеринку, кроме одноклассников (Эрнст учился в последнем классе), пригласили и ребят из техникума. Все были навеселе, — «что бы еще придумать»? На спор стали метать нож в портрет «вождя всех времен и народов». Пытались попасть ему в глаз. После чего безобидная вечеринка юных гуляк закончилась весьма плачевно. Невдолге информатор местного подразделения НКВД сообщил в отдел про надругательство и умышленное повреждение портрета Сталина. Так как Эрнст (1923 года рождения) по возрасту подпадал под уголовную ответственность «за контрреволюционную агитацию и пропаганду», он был взят «в разработку». Цель — выявить конкретные факты враждебных проявлений фигуранта, что труда особенного не составляло, — компания на вечеринке была не только весьма юной, но и разношерстной, так что операм и следователю отдела НКВД в ударные сроки удалось собрать достаточно материала о контрреволюционных действиях Клейстера.

Возбудили уголовное дело. Последовал показательный суд со всеми «атрибутами». Общественные обви-

нители демонстрировали возмущение публики в зале судебного заседания. В итоге — 6 лет лишения свободы (с учетом возраста Клейстера и отсутствия у него «жизненного опыта»). Наказание он отбывал в Дубравном ИТУ в Мордовии. Грамотный юноша исполнял обязанности учетчика — фиксировал выполнение работ осужденными. Должность была «непыльная». Сочинял вирши по просьбе замполита лагеря, а замполит от своего имени посылал их потом в стенгазету Управления. Незатейливые опусы имели успех: «Пристальный взгляд сквозь пенсне, характер тверже олова. Не даст страну в обиду нигде нарком товарищ Молотов». Или: «Одолеют империалистического зверя НКВД и Лаврентий Берия».

Естественно, питание в лагере было скудное, переписка и получение посылок с воли строго регламентировалось. Существовали замкнутые кланы, например, троцкисты, участники религиозных сект, якобы занимавшихся контрреволюционной деятельностью, так называемые вредители, а также «агенты империалистических разведок» и растратчики социалистической собственности. ИТК обслуживался оперативной группой сотрудников Управления НКВД республики Мордовии, которая активно вербовала осведомителей среди осужденных, вела оперативные разработки и возбуждала уголовные дела в отношении эзков за новые преступления. Уголовники в лагере держались высокомерно, называли политических «троцкистами-утопистами», «святошами» и шпионами, продавшими Родину.

Между уголовниками и политическими нередко вспыхивали конфликты и стычки; администрация лагеря отнюдь не спешила их гасить, действуя по принципу «разделяй и властвуй». Эрнста Клейстера взял под свою опеку землячок с Поволжья Роберт Гамм, севший за ограбление магазина, злостное хулиганство и избиение собственной тещи. Из-за своего нахрапистого характера, смелости и знания воровских законов Роберт пользовался особым уважением в зоне и Эрнста в обиду не давал. А поползновения такие были постоянно — некоторые зэки всё пытались ограбить и отобрать вещи и продукты у молодого смиренного парня. В то же время оперы вели подборку материалов на Клейстера, в будущем его можно было привлечь к вербовке или разработке, на контакт с самим Эрнстом пока не выходили.

Освободился Клейстер после Великой Отечественной войны, и так как автономная республика немцев Поволжья была ликвидирована в августе 1941 года, все родственники Клейстера оказались сосланными в Сибирь. В один из городков Кузбасса направлен был и Клейстер, устроился слесарем на шахту, встал на учет в спецкомендатуру. Через некоторое время поступил на вечернее отделение горного техникума. Конечно, местные оперы отдела НКВД получили из Дубравлага подборку материалов на Клейстера и держали его в поле зрения.

Через год-полтора во время отметки в спецкомендатуре Эрнста пригласили в один из кабинетов. Два человека в штатском представились сотрудниками

отдела НКВД. Один — резкий и грубый, второй — довольно интеллигентный, всё старающийся сгладить острые углы. Старая как мир техника — злой и добрый следователи применяли тактику кнута и пряника. Тут-то игодились собранные в лагере материалы на Клейстера. Опера за 2-3 часа завербовали Эрнста, присвоив ему псевдоним «Волжский». Впрочем, и сам Клейстер особо не сопротивлялся, считал, что он сам — неглупый человек и в особо неприятные ситуации в отношениях с органами не встрянет. Вообще же — пообвыкся и для органов оказался просто находкой...

Василий Россомаха

Вася Россомаха родом из города Трубчевска Орловской области. Учился школе, окончил ФЗО и получил специальность кузнеца. Всё шло хорошо, но началась война, и вскоре парень 1922 года рождения был призван в армию. Через несколько дней после пребывания на фронте батальон, где служил Россомаха, попал в окружение и почти в полном составе взят в плен. Вполне объяснимая по тем временам ситуация, т.к. командование и рядовой состав батальона не имели ни военного опыта, ни выучки и явились куда как легкой добычей для хорошо обученного и надежно оснащенного противника. Далее — лагерь для военнопленных. Бараки, голод, болезни.

В один из этих тяжелых дней в лагерь прибыли эмиссары «российской освободительной армии» (РОА) под командованием генерал-лейтенанта Власова. Непло-

хия психологи, они умело использовали положение пленных и напоминали о политической обстановке в СССР до войны (голод, репрессии, раскулачивание и т.п.). Так что агитировать пленнх вступать в РОА было нетрудно, особенно пообещав хорошее содержание, питание, обмундирование. Большинство пленнх и не колебалось — тут же вступило в РОА и были направлены на формирование.

Во время прохождения своеобразной фильтрации Васю, довольно грамотного и смышленного парня, заметили представители немецкой разведывательно-диверсионной школы, один немец, второй русский, и предложили Россомыхе обучаться на курсах разведчиков-диверсантов. С их слов, условия там были куда лучше, чем в РОА. Семь бед — один ответ, Вася согласился и месяц-полтора на курсах обучался. После чего в составе группы разведчиков-диверсантов, одетых в форму красной армии, был заброшен в тыл советских войск. Но Вася не провел ни одной диверсионной операции, а из группы сбежал и добровольно явился в отдел контрразведки СМЕРШ («смерть шпионам»). Далее — фильтрация, осуждение за переход на сторону врага и срок порядка 7-8 лет. Наказание Россомыха отбывал в Скальнинском ИТУ Пермской области, где наряду с такими же, как он, сидели каратели, полицаи, участники националистического подполья на западной Украине и в Прибалтике. Василий сетовал на свою судьбу; ничего враждебного в отношении Родины не совершил, сам пришел и сдался в СМЕРШ и... получил срок, а вот солдаты-«власовцы»

даже не все привлекались к уголовной ответственности и находились в основном на спецпоселении после проверки и фильтрации. Но что сделаешь, — такая планида...

После освобождения из ИТУ Васю направили кузнецом в механический цех в тот же маленький шахтерский городок и на ту же шахту, где трудился уже знакомый нам Эрнст Клейстер. Конечно же, Василий и Эрнст познакомились, хотя особой дружбы не водили. Однажды на 23 февраля 1949 или 50 года слесари после работы собрались в мехцехе, купили водки и закуски — отметить День красной армии. Компания собралась разношерстная, тут и бывшие фронтовики, и «власовцы», и труженики тыла. Вначале разговор шел, как водится, про шахту и женщин. Бывший кубанский казак Краморенко, воевавший в немецко-казачьем формировании в Польше и Франции, со знанием дела сравнивал достоинства и недостатки французенок и полек, притом что и те и другие не в пример русским — б...и. И, конечно же, как всегда, разговор перешел на тему минувшей войны. Фронтовики сетовали, что Сталин не послушал маршала Жукова Г.К. — после Германии завоевывать бы другие страны, особенно Америку, пока всё «по горячему», надо бы использовать воинскую мощь, доблесть и опыт. Власовцы и казаки тоже не молчали, не последние сошки были в войне. Василий Россомыха, уже изрядно выпивши, так даже стал задирать названного Краморенко: ты, мол, «серая мышь», ничего на войне не сделал и не видел, только под юбки полькам и фран-

цуженкам заглядывал. А я, де, Россомаха, самому генерал-лейтенанту Власову коней ковал...

Клейстер, как человек не воевавший, притом интеллигентный, выпивал в меру и рассудок не терял, и особенно же на тему войны не распространялся. Но откровения Рассомахи его насторожили. Он знал о его власовском прошлом, а опер давно уж нацеливал обратить внимание на бывшего немецкого агента-диверсанта Россомаху. Эрнст лихорадочно прокручивал в голове варианты: вдруг кто-то из участников застолья тоже связан с НКВД и сообщит о суждениях Россомахи и он, Эрнст, окажется «крайним» и привлекут его за доноительство. Словом, проинформировать опера о Россомахе — конечно, плохо, сам тоже не ангел. Промолчать — весьма и весьма чревато непредсказуемыми последствиями. Не зря же опер неоднократно предупреждал — за доноительство по головке не погладят. Притом органам НКВД всё равно через другие источники рано или поздно всё становится известным.

Клейстер решил — всё нужно взвесить на трезвую голову, притом как бы выработать такую тактику, чтобы «волки были сыты, и овцы целы».

На следующий день долго мучился, взвешивая, анализируя вчерашнюю ситуацию, и вроде бы нашел гениальный выход: заболеть надо и взять больничный. Он хорош был с шахтовой медсестрой Розой Шмидт, так что мигом заполучил бюллетень. Обострение, мол, радикулита, неделю сидел дома, приходя только в медпункт на процедуры. А потом просто пошла везуха:

позвонил оперу по телефону, а его не оказалось на месте, трубку кто-то другой взял. И Эрнст «на голубом глазу» попросил передать, что «Волжский» тяжело заболел, находится дома и на связь временно не выйдет. Донёс ли на Россомаху кто другой из сотрапезников, история умалчивает.

ЗАЛОЖНИКИ

Планида податливого Ильи Казьмука. — В 1931 году на Западной Украине в деревушке близ города Стрый — тогда Станиславская область, потом переименованная в Ивано-Франковскую — родился мальчик. Илья Козьмук, судьба которого сложилась, может быть, и типично, но весьма несчастливо.

Более или менее всем известны сейчас обстоятельства и история этого края и беды его народа.

Побывал Илья подданным Речи Посполитой (Польши) до 1939 года, когда Западная Украина была занята Красной Армией и присоединена к РСФСР. Как и все сельские ребятишки, Илья вместе с родителями ходил в костёл, хотя особого рвения к вере и не испытывал. Летом, да и зимой помогал родителям по хозяйству, а работы в семье Казьмуков было достаточно — коровы, свиньи, куры, гуси и большой надел под пахоту требовали сил и ухода. Жизнь шла по накатанному кругу, всё было хорошо — школа в районном центре, домашние работы, мальчишьи забавы. Но в 1941 году началась война. Стрый и прилегающие к нему районы почти сразу заняли немцы. Основные их силы засели в городе и районном центре, а в селе они бывали лишь эпизодически, в основном, чтобы собрать «дань» у крестьян продуктами и фуражом. Верховодил в деревне полицейский из «фолькодойче» некий Роман Шмидт, который вёл себя вполне при-

стойно и служебной исполнительностью не отличался. В ту пору Илье еще было безразлично, какая власть в деревне. Но родители немцами были недовольны — те бессовестно конфисковали на нужды армии муку, сало, хлеб, яйца, т.е. плоды семейного труда.

Всё это — бытовая сторона. Какова же была политическая обстановка тогда на Западной Украине? Давней мечтой и целью её народа было обретение независимости «неньки» (матери) «Вкраины» и чтобы «ни под кем не ходить» — ни Россия, ни Германия, ни Польша симпатий не вызывали. Вот такую цель и преследовала организация украинских националистов (ОУН), разветвления которой имелись по всей Украине, особенно же в её западных областях, и назывались они — центральный провод-районные проводы-областные проводы-референтуры. Борьба за самостийность вела не только идеологически, но и силовыми методами. В ОУН активно привлекали молодежь, особенно желательно было заинтересовать студентов вузов и техникумов. Организацией руководили грамотные и опытные люди, такие как Степан Бандера, Коновалец, Хмара, и им подобные, которые изучали и писали книги и статьи на тему истории и культуры Украины, причем хорошо знали то, о чем пишут. К тому же одной из основных тем были теоретические труды о праве наций на самоопределение. оуновские лидеры также были умудрены по организационной работе и конспирации. Вот ОУНу как раз и не было безразлично, кто являлся противником независимости Украины. И потому они вели постоянную борьбу с

поляками, русскими, немцами для достижения заветной цели — самостоятельности своей родины. В помощь их идеологи использовали ссылки на деяния Богдана Хмельницкого, Тараса Бульбы, Гетмана Скоропадского и других колоритных героев украинской истории.

Конечно же, мальчик Илья о существовании такой организации по малости лет ничего не знал, но был приметлив и любознателен. Так что уже в 1941 году столкнулся с деятельностью оуновцев по противоборству с немецкими оккупантами. Боевые группы («боёвки») их были в каждой деревне, у них имелось оружие, конспиративные связи, причем соблюдалась строгая централизация и организованность всех действий. Так, днём жители деревни работали по хозяйству, жили себе и жили. А ночью, состоя в членах боёвки, участвовали в вооруженных вылазках против немцев и в различных идеологических акциях. Любопытно, что все без исключения жители деревни, каждый по мере своих возможностей, помогали оуновцам — кто продуктами, кто в качестве связника или распространителя листовок и прокламаций, а нередко выступали с оружием в руках.

Боёвку в деревне, где жил Илья, возглавлял «вуйко» (дядька) Опанас Стрех, в мирное время — обыкновенный сельский кузнец, Опанаса знали все жители села, и пользовался он непререкаемым авторитетом. Нередко наезжали к нему работники референтуры из районного центра, видимо, для координации действий и для сбора сведений о немцах и о ходе борь-

бы с ними, а также доставляли идеологические материалы. Таким образом, в поле зрения дядьки Опанаса попал и смысленый мальчуган Илья. Вначале Опанас вел с ним «исторические беседы», красочно рассказывал о наиболее ярких исторических фактах и событиях борьбы с польскими шляхтичами и другими врагами Украины. Затем стал давать незначительные поручения: отнести записку, что-нибудь передать на словах по известному адресу, доставить продукты. Но шло время, поручения усложнялись, и Илье уже приходилось ездить даже в районный центр и передавать сообщения от Опанаса в «почтовый ящик», который содержала молодая «учителька» Любовь Виньковецкая.

Все это было Илье интересно — такие захватывающие приключения! — тем более что Стрех постоянно поощрял его и нахваливал толкового хлопца и даже несколько раз давал пострелять в цель из своего «Вальтера». А еще Стрех говорил, что, как только Илья еще подрастет маленько, ему доверят оружие и он сам будет бороться с немцами. Мальчик очень гордился дружбой с дядькой Опанасом.

Мать Ильи, конечно, очень волновалась и боялась за судьбу сына. О своих опасениях и сомнениях рассказывала в ночной тиши мужу Юрию, но тот её успокаивал: ничему плохому Вуйко Опанас их сына не научит и уж точно ни в какие переделки не вовлечет. Возможно, что и сам Юрий тоже выполнял задания и поручения Стреха, поскольку — повторюсь — всё население деревни, кроме стариков и младенцев, в какой-то мере участвовало в делах оуновцев.

К осени 1944 года Красная Армия очистила Западную Украину от фашистов — советская власть начала восстанавливаться. В деревне опять появился сельсовет, назначили председателя, милиционера. Периодически появлялись «ястребки» из частей НКВД, что никого не радовало. Невдолге люди Опанаса привлекли на свою сторону милиционера, пытались найти общий язык и с председателем, но это им не удалось. Ближе к зиме 1944 года председателя нашли в его кабинете с удавкой на шее и с запиской, что так, де, будет с каждым, кто запродался москалям и «нкавудистам». Органы НКВД среагировали немедленно, «схватили» несколько мужчин и выселили их семьи в Сибирь за пособничество «бандеровцам».

Так борьба с немецкими оккупантами трансформировалась в борьбу с «москалями», которых тоже называли не иначе как оккупантами, и с их структурами: сельсоветами, милицией, агитаторами и т.п. А Илья к этому времени подрос. Ему уже было 14 лет и теперь Опанас поручал ему всё более ответственные задания: например, выяснить, к кому в деревне навдываются нквдисты, проследить, куда и в какие адреса заходит в райцентре тот или иной житель деревни. Цель — выявить работников НКВД и места их встреч с сельскими осведомителями.

Жизнь деревни по-прежнему была двойкая: днем мирная, власть советская, а ночью — листовки и прокламации ОУН, военные действия, выступления боёвки против частей НКВД и милиции. Соответственно ужесточилось выселение жителей деревни, как

членов семей участников ОУН — УПА (украинская повстанческая армия). Выселяли в Сибирь, и мирные сельские жители назывались теперь спецпереселенцами, а действующих националистов объявляли уголовниками и привлекали к ответственности. Меньше 10 лет никому не давали, а в основном — 15 и более. Опанас с помощью своих осведомителей тоже выявлял «пособников москалей». С такими поступали жестоко: душили удавками, резали животы и насыпали туда зерно. И везде — угрожающие записки.

Весной 1945 года люди Опанаса выследили и захватили сельского активиста-агитатора, который прибыл в деревню из Восточной Украины, в селе его презрительно называли «схидняк» (восточник) и устроили над ним показательный суд. Приговорили к расстрелу. Приговор Опанас поручил привести в исполнение 14-летнему Илье. Возможно, полагал, что если попадетя, то по юности лет наказание получит не слишком суровое. При скоплении жителей деревни возле колодца мальчику дали винтовку, и он без колебаний активиста расстрелял. Его тут же перевели на конспиративную квартиру в город Стрый, но пробыл он там недолго. Через месяц его выследили и арестовали органы НКВД. Опанас перешел на нелегальное положение, находился «в схроне» в густом лесу, и по-прежнему возглавлял боёвку.

Следствие и суд были недолгие, свидетелей было предостаточно. В обвинительном заключении прокурор объявил, что юный Казьмук заслуживает высшей меры, поскольку из антисоветских побуждений совер-

шил теракт против сельского активиста Кучеренко, но учитывая его юный возраст, запросил 15 лет ИТЛ строгого режима, с чем суд и согласился, не снизив Илье из наказания ни одного года. Адвокат подсудимого подавал кассационные жалобы вплоть до Верховного Суда Украины, даже продиктовал Илье письмо на имя Сталина, но приговор остался без изменения.

Наказание парень отбывал в Степлаге (Казахстан) для особо опасных государственных преступников. В лагере его тут же взяла под опеку оуновская «семья» (сообщество заключенных). В «семье» тоже соблюдалась строгая иерархия, был референт, начальник службы «безпеки» (безопасности), пропагандисты. Референт — Олэкса Крячко, лет 35, бывший сельский учитель, выпускник педагогического института во Львове, ревностно пропагандировал заключенным теорию и практику украинского национализма, усиленно изучал — в нужном для своих целей ключе — труды Ленина, Сталина и других теоретиков марксизма-ленинизма. Ни руководство лагеря, ни замполит не могли ни на йоту переубедить идейного оуновца. И тогда пригласили специалистов из центрального аппарата НКВД, но все усилия были тщетными.

В лагере оуновскую службу безпеки возглавлял тезка первого учителя Ильи — Опанас Высовень, который сразу же поведал хлопцу, что заочно хорошо знал Опанаса Стреха и передал Илье от него привет, объявив, что ждет от него стойкости и благих дел для «неньки» Украины. В прошлом сельский счетовод,

Опанас Высовень уже успел поднатореть в конспирации, знал формы и методы работы НКВД, не только в ИТЛ, но и «на воле». Особый авторитет завоевал себе в других эковских землячествах тем, что выявил «почтовый ящик» оперчасти НКВД в ИТЛ, который содержал фельдшер медпункта, — к нему могли ходить якобы для лечения сексоты оперчасти и передавать информацию для «кума». Кроме того, Опанас сумел благодаря недюженному аналитическому мышлению, и, конечно, с помощью своих осведомителей разоблачить сексота оперчасти, уроженца Восточной Украины, которого внедрили в оуновскую «семью» для изучения авторитетов и процессов в среде заключенных. Но непомерное усердие по заполучению информации, слишком частые посещения санчасти, а также очень уж бодрый вид, чему способствовал дополнительный паек «кума», сгубили сексота. И вскоре его нашли повешенным в туалете, хотя и без предупредительной записки. Но все догадывались, кто был организатором и исполнителем этого акта.

Илья по своей юности значительной роли во всех этих действиях не играл и особой активности в оуновском землячестве не проявлял, к сотрудничеству с «кумом» и администрацией лагеря не рвался и о малейших контактах о «ворогами» Высовеню докладывал.

Пребывая в лагере, Илья очень редко получал весточки от родителей, сосланных на спецпоселение в Сибирь, как члены семьи активного участника ОУН. Видимо, родители и особенно мать, как бы чувствовали свою вину: не смогли отвратить сына от контак-

тов со Стрехом и другими националистами, и тем самым предопределили ему судьбу вечной марионетки в чьих-нибудь руках... Несколько раз Илье писали дивчины-заочницы, передавая привет от дядьки Опанаса. Девочки явно хотели завязать переписку и морально поддержать Илью. Но особо опасным преступникам письма разрешалось получать очень редко, причем все они проходили цензуру. Так что переписка с дивчинами длилась недолго, но может, прерывалась и оттого, что девочки просто выходили замуж и семейные житейские дела и заботы быстро уводили их от проблем национализма.

Где-то в 1950-1951 гг. в лагерь попал земляк Ильи, который рассказал, что органы в конце концов выследили боёвку и Стреха, причем во время боя с чекистами в руках у «вуйки» взорвалась противотанковая граната, которую он собирался метнуть в красноармейцев. Не приходя в сознание, Стрех скончался. В середине 1950-х вооруженное оуновское движение на Западной Украине пошло на убыль — на славу поработали органы госбезопасности. Это чувствовалось и в самом лагере — всё меньше прибывали «новички»...

В 1960 году Илья отбыл срок, и направили его на жительство в один из городков Сибири. Окончив курсы шоферов, он устроился водителем в пожарную охрану. Женился на одинокой женщине, старше его на несколько лет. Работала она кассиром на железнодорожной станции, к тому же была неосвобожденным секретарем партийной организации предприятия. Детей у супругов не было. Исправительно-трудовой ла-

герь особо на характер и поведение Ильи не повлиял, хотя когда он с шоферами-любителями в гаражном кооперативе изрядно употреблял спиртное за оказанную помощь в ремонте их автомобилей, затягивал песню «спасла его не финка, не пуля, не бутылка, а девушка с малины воровской». Молодые ребята спрашивали, кого спасла, и шутили: «Дядя Илья, ты что под блатного «косишь?»» Но Илья ничего не отвечал и только загадочно улыбался. Кстати, ни уголовного жаргона, ни наколок на теле, ни склонности к употреблению чефира у Ильи не было, старался разговаривать интеллигентно и употреблять водочку и самогон. Илья стал попивать, в политику не лез — знал, что всё равно находится под негласным надзором у КГБ. Однажды учинил скандал с одним из водителей пожарки, за то, что тот обозвал его «бандеровцем» и сказал, что «руки у тебя по локоть в крови». И тут Илья не выдержал — набрался удали и пожаловался на обидчика в местное городское отделение КГБ, хотя прекрасно знал, что «обидчик» как раз и является их осведомителем. Органы не дремали — хорошо изучив Илью и зная всю его поднаготную, тут же решили его использовать в контрпропагандистских целях: пусть бы разоблачал реакционную сущность украинского «буржуазного национализма». Так сказать, на собственном примере.

Ежегодно перед днем конституции в местной газете появлялась статья Ильи, написанная, конечно, не им самим, а местными «борзописцами» и «спецами» кгбэшного подразделения. Естественно, покаяние

бывшего националиста-террориста (это в 14-то лет!) высоко ценились руководством областного Управления КГБ, а еще пуще партийными органами, и местных чекистов периодически ставили в пример как хорошо они сработали с Ильёй.

Умер Илья в середине 90-х годов в небольшом шахтерском городе, свою родину, «нэньку Вкраину» так больше и не увидев...

Такова правдивая и грустная история слишком податливого украинского «парубка» Ильи Казьмука, который так легко превращался в марионетку в любых более сильных руках. Впрочем, — его ли вина, что он оказался заложником трагических обстоятельств смутного времени...

Зорян Охримюк — фанат свободы. — В отличие от сельского паренька Ильи Казьмука, Зорян Охримюк родился в 1954 году в городе Ужгороде, областном центре Западной Украины в весьма интеллигентной семье. Учился в школе, рьяно посещал спортивную секцию и драматический кружок. Семья была дружная. Отец — техник на заводе, мать — врач, бабушка, тоже жившая с ними, бывший провизор аптеки, вышла на пенсию. Словом, по тем временам вполне благополучная советская семья.

В 1971 году Зорян окончил среднюю школу и поступил в педагогический институт на исторический факультет. Его давно влекла история, особенно же — его родины, — Украины. Нередко на уроках истории и обществоведения дотошный Зорян и другие любознательные «отроки», его друзья, задавали учителям

такие щекотливые вопросы, что вгоняли их в жар: например, почему, мол, Болгария и Румыния, где население на порядок меньше, чем на Украине, являются самостоятельными государствами, а Украина — всего лишь одна из союзных республик СССР и полностью под юрисдикцией центральной власти. Учителя, конечно, отвечали, что такова воля самого украинского народа и объективная историческая реальность. «Отроки» же возражали, что это «не совсем так», и приводили примеры постоянной борьбы украинского народа за независимость и «самостийность» Украины. Дискуссии не столько давали ответы на вопросы школьников, сколько порождали новые...

Явление искusstителя. — В ту пору в многоквартирном доме, где проживали Охримюки, с середины 60-х годов замелькал некий Филипп Химица, бывший националист, отбывший 15-летний срок за участие в ОУН, и после освобождения оказавшийся поселенцем в Сибири, а сейчас приезжал он в гости к своей престарелой матери.

В 40-е годы Филипп был чуть ли не заместителем руководителя областного провода ОУН — отвечал за агитацию, пропаганду и работу с молодежью. Был он интересным собеседником, мастером риторики и хорошо разбирался в исторических событиях, особенно касавшихся Украины. Никаких уголовных манер, словечек, наколок — никаких следов лагерного бытия. Просто благообразный интеллигентный человек — недаром окончил во Львове музыкальное училище, хорошо играл на скрипке, пел народные песни, и рас-

сказывал, что в сибирском шахтерском городке даже организовал народный хор.

Во время визитов Филиппа к матери его навещали бывшие друзья, единомышленники, обменивались воспоминаниями о прошлом, «спивали украински письни». Зорян и еще несколько ребят и девчат из того же двора познакомились с Химицей и его друзьями. Молодежи нравилось общение с ними и их беседы. Иногда Филипп затрагивал своё прошлое и всегда подчеркивал, что никак не был преступником, хотя и отсидел 15 лет на Колыме. Просто он пострадал в борьбе за свободу и независимость Украины. Пояснял, что Украине исторически не везет и потому она постоянно была то под поляками, то под немцами, то под «москалями». Красноречиво рассказывал о Богдане Хмельницком, об Алексее Довбуше, Петлюре, а также о более поздних видных деятелях движения — Степане Бандере, Симоне Коновальце, Иване Хмара. Поведал Филипп ребятам и про то, как «иезуиты-чекисты» через своего агента отравили Бандеру в Германии, как вели национальную борьбу с ГБ, а до того с фашистскими палачами.

Друзья Филиппа тоже рассказывали о своем прошлом, о лагерях, о спецкомендатурах, «кумовьях». Мать Филиппа, бывшая учительница, на пасху и другие праздники приглашала ребят в гости и угощала чаем со всякими вкусностями, где также были друзья Филиппа из числа националистов.

Листая фотоальбомы. — Во время чаепитий она нередко рассказывала о прошлой жизни, показывала

фотокарточки, причем указывала пальцем — вот этот уехал в Америку, этот в Канаду, а этот погиб во время захвата «схрона боёвки» чекистскими «ястребками». На фотографиях были не только мужчины, но женщины и девушки, и мать Филиппа говорила, что некоторые из них тоже самоотверженно боролись за независимость родины, были пропагандистами и хозяйками конспиративных квартир ОУН, связными, внедрялись в контразведывательные органы и полицию поляков, немцев, а потом и «москалей». Листая альбом, старая женщина поясняла, что вот этот, де, человек отбыл десять лет лагерей, этот — 15, этот — погиб, но никто из них не запродался властям и «не зробив зраду» (т.е. не изменил) национальной идее.

Все обитатели и посетители этого дома внушали ребятам, что советская власть и её репрессивный аппарат насколько сильны, настолько и слабы, потому что любая власть, основанная на штыках, недолговечна, и приводили примеры из завоеваний Древнего Рима, Греции, Персии и т.д. Говорили также и о ленинских работах по национальному вопросу. Подчеркивали, что и конституция СССР объявляет право нации на самоопределение, но выходит, что это — только на бумаге и всего лишь «лживые декларации».

В конце концов Зорян твердо склонился к идее оуновского движения, и Филипп познакомил его с несколькими единомышленниками в Ужгороде, работавшими на производстве, а также в сфере культуры.

Стезя. — Дальше больше, Охримюку поручалось доставлять или получать от конкретного человека —

по паролю — идеологические материалы ОУН, кое-что переписать или перепечатать на машинке. Важным поручением была организация ячейки в педагогическом институте, но так, конечно, чтобы никак не попасть в поле зрения КГБ; при этом дана была полная инструкция по формам и методам работы, начиная от функции сексотов, и кончая наружным наблюдением и прослушиванием телефонов.

Зорян, натура увлекающаяся, полностью отдался политической борьбе. Забыты были и занятия спортом, и драмкружок, и девушки, которых в педвузе было предостаточно. И многие из них «строили ему глазки» и проявляли всяческие знаки внимания. Им нравился живой, остроумный, хорошо воспитанный и симпатичный юноша — тем более непьющий и не склонный к амурным похождениям.

Его куратор — зубной техник, был доволен стилем работы Зоряна, постоянно подхваливал его и нередко подбрасывал денюжку на командировочные и прочие расходы — на благо движения. На кого «замыкался» сам техник, Зорян не знал, поскольку в иерархической лестнице ОУН соблюдалась строгая конспирация, у участников имелись псевдонимы. Романтический Охримюк избрал себе псевдоним «Довбуш» и под именем этого легендарного мятежника постоянно фигурировал в Ужгородской структуре.

Не реже раза в квартал с Зоряном беседовал референт службы безпеки ОУН Ярослав Шмаль, который работал дворником в ЖЭКе. Ярославу было под 50, в прошлом имел «боевое ранение» в руку и 15 лет лаге-

рей. Хорошо ориентировался в психологии, поскольку, по его словам, «жизнь учил не по учебникам». Именно он посвящал Зоряна в сильные и слабые стороны Комитета госбезопасности Украины, во главе которого в то время стоял генерал-лейтенант С. Н. Муха. Он сообщил Зоряну, что какой-либо информационной базы на Западной Украине КГБ не имеет, а в основном пользуется услугами осведомителей-«схидняков» из восточной Украины, которых они вербуют, а потом внедряют в освободительное движение в западных областях. Попутно Шмаль ненавязчиво выяснял у паренька круг его связей и характеристики, поведение, направленность интересов — бытовых и политических. Поучал, как выявлять следующий за тобой «хвост» чекистов и вообще их людей, да и многие прочие «тонкости» профессии...

«Под колпаком». — Конечно же, комитет госбезопасности Украины вполне владел обстановкой по ОУН в республике и концентрировал оперативные и прочие сводки по делу групповой разработки «Блок», в которой числилось примерно 100 фигурантов и их связей из различных областей, в основном на Западной Украине.

Где-то в 1971-1972гг. началась реализация дела «Блок». Использовались уголовно-правовые, профилактические, контрпропагандистские меры по обезвреживанию оуновского подполья, а также для пресечения каналов связи с зарубежными националистическими организациями в США, Канаде, Германии.

Под жернова КГБ попал и Зорян Охримюк. Арес-

товали его по статье «антисоветская агитация и пропаганда». Арест сына буквально подкосил родителей и был полной неожиданностью для соседей и сокурсников Зоряна. Тем более, что внешняя его жизнь никак не отличалась от жизни и поведения прочих интеллигентных молодых людей. Он не пьянствовал, не хулиганил, охотно участвовал в различных общественных мероприятиях и вдруг, как снег на голову — арест по антисоветской статье.

Суд проходил в Ужгороде, в зал допускались только родственники подсудимых и партийно-комсомольский актив, которому отводилась роль возмущенных честных советских граждан, осуждающих оуновцев. Перед судом сидели Зорян, Ярослав Шмаль и руководитель Ужгородской структуры ОУН Богдан Тхир, артист местного драмтеатра.

Соблазн. — Богдану и Ярославу дали по 8 лет, а Зоряну — 6, учитывая юный возраст и невеликий жизненный опыт. Во время пребывания в СИЗО до вступления приговора в силу, однажды его пригласили в один начальственный кабинет административного корпуса. За столом сидел солидный, средних лет мужчина в штатском, назвал себя подполковником Петровым — ответственным работником комитета Украины. Спокойно и доверительно повел разговор с Зоряном о сложившейся с ним ситуации, о жестоком ударе для его родителей, о будущей лагерной жизни... Ненавязчиво подчеркивал, что Зорян, наверное, просто-таки случайно попал в сети буржуазных националистов, а потому врагом советской власти считать его

не следует и всё можно еще локализовать и уладить. А всего-то надо выступить в средствах массовой информации (печать, радио, телевидение) с разоблачением столь вредного течения и, на своем примере, обличить «ловцов душ», т.е. оуновцев.

Взамен Петров гарантировал освобождение из-под стражи по помилованию Президиума ВС Украины, смену фамилии и однокомнатную квартиру в одной из центральных или восточных областей Украины. Предложение звучало заманчиво, но Зорян интуитивно чувствовал, что его втягивают в дурную игру, что от друзей, знакомых, родителей, можно скрыться, но от себя никуда не убежишь. Он вежливо, но твердо ответил чекисту, что отказывается, потому что не желает поступаться ни честью, ни принципами. Петров заметил, что всё это понятия растяжимые, а жизнь-то одна, и 6 лет в ней — не шутка. Впрочем, простился дружелюбно, объявив, что на этом расстаются они не навсегда и рекомендовал подумать, а недели через две они снова встретятся.

В камере, куда попал Охримюк, сидел еще один подследственный, который представился «фарцовщиком», с Зоряном он вел пространные беседы, лишь вскользь упоминая о неудачно сложившейся роковой ситуации Зоряна, всё больше переводил разговор на прелести свободы, при наличии денег, и на девушек, «которые тоже чего-нибудь да стоят». Зорян, хоть и не сразу, а всё же понял, что за птица этот «фарцовщик», но виду не подал, а всё выстраивал мысленно свой будущий ответ чекисту.

Выбор. — Через две недели его действительно пригласили в тот же кабинет и гэбист, хотя и старался скрыть разочарование, был явно расстроен прямым и бесхитростным ответом Зоряна на вновь повторенное предложение. Вскоре после встречи последовала пересылка по этапу в Магаданскую область и лагерь. Следом за Зоряном в местное управление КГБ, конечно же, поступило и досье на него.

Молодому неокрепшему организму юноши трудно было переносить столь отличный от Украины жестокий климат — повышенное магнитное поле этой местности сгущает кровь и затрудняет её пульсацию по организму, — к тому же непривычен был тяжелый труд и скудное питание.

В ИТЛ Зорян записался в библиотеку, изучал английский язык, а еще весьма добросовестно трудился в мастерских по производству электровентилаторов. В беседах с зэками, да и с администрацией тоже, своих убеждений никогда не скрывал, находчиво ссылаясь на труды теоретиков марксизма-ленинизма (право народов на самоопределение) и доказывал правомерность деятельности ОУН, тем более, что после войны её методы были вполне цивилизованны — не было ни насилия, ни вооруженной борьбы, ни схронов, ни боев.

Словом, 6 лет пролетели отнюдь не птицей, но тем не менее Зорян освободился и попал на поселение в деревню в Иркутской области. Руководящие «вуйки» всё время держали Зоряна в поле зрения и были довольны его идейной стойкостью и прямоотой.

На поселении жизнь стала получше, Зорян работал сторожем в библиотеке — появилась уйма времени для самообразования. Вскоре в сибирскую деревню зачастили курьеры с Украины, привозили литературу, продукты, вещи, магнитофон и кассеты. Несколько раз Охримюк давал записанные на пленку интервью о своей жизни в лагере, об отдельных теоретических вопросах, касающихся национальных «трудностей» в СССР и призывал своих единомышленников к стойкости.

Голос диссидента. — Интервью с Зоряном передавалось по зарубежному радио «Голос Америки», «Немецкая волна», молодой человек, — а ему было не более 23-24 лет — вышел на международную орбиту и нередко материалы о нем, а также его статьи публиковались в зарубежной и самиздатовской печати. Всё это оперативно и официально документировалось органами КГБ и, конечно же, не прошло безнаказанно. Против Охримюка опять возбудили уголовное дело по статье 70 («антисоветская агитация и пропаганда») УК РСФСР. Суд проходил в одном из райцентров Иркутской области, под лупу рассматривались и анализировались все доказательства по делу — учитывалась и прошлая судимость Зоряна. В итоге последовали 7 лет лишения свободы и трехлетнее поселение после отбытия срока.

И опять лагерь. Теперь в поселке Потьма в Мордовии. Народ там сидел «пестрый» — украинские, прибалтийские и еврейские националисты (сионисты), представители разных религиозных конфессий (бап-

тисты-инициативники, свидетели Иеговы), крымские татары-экстремисты, бывшие военнослужащие советских войск, которые дислоцировались в ГДР, но пытались бежать на Запад, причем их обвиняли в том, что они намеревались продать собранную военную информацию, — ну и прочие такие же лица из гражданских. Здесь Зоряну приходилось тяжелее. Опять другой климат, сырость, комары...

Испытание. — И отсидел Зорян в Потьме 4 года, и начался у него туберкулезный процесс в легких, и пришлось сделать хирургическую операцию, удалив пораженное легкое. Зорян худел, появилась неприсущая его возрасту бледность и слабость. И всё это фиксировалось дотошно опергруппой КГБ Мордовии, работавшей в лагере для особо опасных преступников.

Притом при всем свою националистическую деятельность Зорян не прекращал. Ближе к концу второго срока в командировку в Потьму прибыли аж на месяц два оперативных сотрудников КГБ Украины, оба кандидаты наук, защитившие диссертации по перевоспитанию участников националистического подполья. Наряду с другими зэками, встречались они и с Зоряном. Доказывали, разубеждали. К беседам готовились тщательно, как на экзамен. Использовали фактор пошатнувшегося здоровья и естественное желание молодого человека создать семью, устроить быт и иметь детей. Но Зорян отвечал им примерно в таком ключе: «Жить без борьбы — всё равно, что гнить заживо». И напрочь отметал все контрдоводы и предложения кgbистов.

В своих документах те окрестили Охримюка «закоренелым фанатиком — националистом, не поддающимся перевоспитанию...

Фанат. — Далее — та же схема: освобождение, трехлетнее поселение уже в Красноярском крае. Зарубежные националистические организации рекомендовали Зоряна как видного правозащитника, по мере возможности, поддерживали продуктами, одеждой, деньгами, которые Зоряну привозили бывшие участники ОУН-УПА, проживающие в Сибири и выдававшие себя за его дальних родственников.

Канадско-украинские «вуйки» даже пытались усыновить Зоряна заочно, чтобы после освобождения вызвать его на жительство в Канаду, подлечить здоровье «борца» и обустроить ему обеспеченную жизнь. Но Зорян от всех предложений отказывался...

После освобождения Зоряна со второго поселения следы его затерялись, тем более, «архитектор перестройки» в СССР фактически легализовал националистическую деятельность в стране (события в Нагорном Карабахе, Баку, Тбилиси, Вильнюсе и т.д.). В 1991г. на тройственном совещании в Беловежской Пуще сбылась-таки мечта Зоряна — Украина стала самостоятельным государством под желто-блакитным стягом.

Подводя черту под повествованием о судьбах Ильи Казьмука и Зоряна Охримюка, приходишь к выводу, что обстоятельства отнюдь не от них зависящие, сложились так, что лучшие годы оба провели в заключении, наивно — а может быть и нет — полагая высо-

кую цель своих действий достойной того, чтобы пожертвовать собственной жизнью.

Правда, один из них в конце концов сам стал разоблачать (только вот честно или нет?) буржуазный национализм, что несомненно было для него моральным самоубийством, а второй остался верен своим убеждениям до конца, поступившись здоровьем, семьей и просто нормальной человеческой жизнью...

Вот такая невеселая история. Две жизни — две судьбы. Откровенно, мне, как личности, импонирует «фанат» Зорян, не кидавшийся из стороны в сторону и не выторговавший себе, как многие диссиденты, безбедную жизнь на Западе...

САТИСФАКЦИЯ

(1952 год)

Оперуполномоченный одного из городских подразделений МГБ СССР младший лейтенант Алексей Вершков пришел в органы госбезопасности в 1950 году по направлению горкома комсомола одного из шахтерских городов Кузбасса. За плечами были и фронт, и награды, а также успел он окончить Горно-машиностроительный техникум. Начал Алексей службу с помощника оперуполномоченного, получил повышение.

Оперативная работа Вершкову нравилась. Не столько привлекала своей сложностью, сколь многообразием вереницы событий и неожиданностью поведения людей, а еще пуще из-за уважения, граничащего со страхом со стороны знакомых, бывших одноклассников и сокурсников и даже преподавателей — особенно женского пола. Да и кто в ту пору не испытывал некоторого трепета при слове «опер»...

По своим обязанностям Алексей обслуживал несколько угольных предприятий: шахту, обогатительную фабрику, склад взрывчатых материалов. А в то время для восстановления разрушенного войной народного хозяйства страны нужно было как можно больше угля. Горно-геологические условия в Кузбассе сложные, добычная техника была изношена и потому мало надежна, так что призывы «план любой ценой» и «даешь стране угля» приводили к крупным

авариям, причем с немалыми человеческими жертвами. Но органы МГБ старательно «привязывали» эти беды к проидам «враждебного элемента», то есть так называемого «спецконтингента», читай бывших власовцев, участников националистического подполья Западной Украины и Прибалтики, а также всяческих умело придуманных агентов империалистических разведок. В виновники малейшей аварии «вписывали» всех ранее проходивших по политическим делам троцкистско-зиновьевских центров и т.п. Словом, поле для оперативной работы было широкое и оперработники экономического отделения горотдела МГБ честно старались отрабатывать свой хлеб, пресекая воображаемые «преступные намерения» и разбирая — в нужном свете — уже свершившиеся факты, то есть случаи экономического ущерба, нанесенного стране.

Вершков, как и все прочие сотрудники, имел на шахте и обогатительной фабрике свои агентурные и доверительные связи, поддерживал контакты с руководителями участков и представителями администрации. По шахте имелась оперативная справка, в которой подробно расписывались «спецконтингент», оперативные позиции оперработников. Но из-за своего невысокого воинского звания и рядовой должности в иерархии МГБ, с первыми руководителями Вершков лично не контактировал — не по чину было. Однако, как-то начальник горотдела МГБ, подполковник Бояркин, поручил Вершкову встретиться с начальником курируемой им шахты — членом горкома ВКП(б) и выяс-

нить ряд вопросов, необходимых Бояркину для выступления на бюро горкома. Там должна была обсуждаться обстановка на угольных предприятиях города, уровень аварийности и травматизма, а также меры по их устранению. Бояркин горного образования не имел, а окончил всего лишь военное училище и потому передал Вершкову приказ: подготовить с начальником экономического отделения ГО МГБ ряд конкретных вопросов, которые опер должен был выяснить и обсудить с руководителем шахты...

Начальник горотдела долго и тщательно инструктировал Вершкова, несколько раз повторив, что от его выступления на бюро горкома многое будет зависеть в отношениях между руководителями города, в первую очередь первым секретарем горкома и председателем горисполкома и представителем органов госбезопасности и оценке их оперативно-служебной деятельности. В заключение подчеркнул, что сведения от Вершкова в письменном виде нужны ему к такому-то часу. Вершков по военному ответил: «будет сделано, товарищ подполковник» и пошел выполнять задания начальства.

Начальника шахты он лично не знал и потому позвонил молоденькой секретарше Тоне и официальным тоном объявил, что завтра к 10.00 будет на приеме у начальника шахты по ряду конкретных вопросов по линии компетенции органов МГБ. Несколько раз пересказал свою просьбу предупредить начальника шахты Тоне и, убедившись, что она всё уяснила, принялся готовиться к предстоящей аудиенции.

На следующий день Вершков явился на работу в отутюженном костюме и светлой рубашке, весьма верно полагая, что человека встречают по одежке, а провозжают по уму, но прежде чем проводить, надо же, чтобы встретили...

С запасом в 20 минут наш опер заказал у коменданта горотдела служебный автомобиль и, предупредив начальника экономического отделения капитана Задонских о цели своей миссии, выехал на шахту. Задонских, окончивший высшие инженерные курсы (ВИК), также дал ему несколько наставлений и посоветовал не волноваться, а в своем лице представить начальнику шахты ГО МГБ в наилучшем свете. Походя минут 15 по коридорам комбината шахты, без двух минут десять Вершков зашел в приемную, поздоровался о Тоней и вознамерился пройти в кабинет. Но Тоня, встав у двери начальника и растопырив руки, залепетала, что «Иван Иванович сильно занят, ведет важное производственное совещание и Вершкову придется подождать». Вершков сел на свободный стул в приемной, принялся ждать, делая вид, что изучает свои записи. Минуты тянулись мучительно долго. Известно — нет ничего хуже, чем ждать и догонять. Прошло 10 минут, полчаса, час, а совещание всё продолжалось. Вершков занервничал и заволновался. Но вот к половине двенадцатого из кабинета, наконец, стали выходить участники совещания. Вершков вошел в кабинет и, не выдавая обиды, представился и рассказал о цели визита. Начальник шахты, как мог, разъяснил оперу положение с аварийностью и травматизмом на шахте,

акцентируя внимание на нереальных планах добычи и на износе горношахтного оборудования, притом ни словом не обмолвился о возможных враждебных действиях представителей «спецконтингента». Вершков делал пометки в рабочей тетради, чтобы максимально точно всё доложить Бояркину. Словом, пока беседа продолжалась, пока Вершков обратно добирался до горотдела (служебная машина его не ждала), пока у себя в кабинете приводил в порядок свои мысли, то намеченное начальником ГО МГБ время доклада безвозвратно ушло.

Бояркин встретил его у себя в кабинете раздраженный и в повышенном тоне принялся выговаривать оперу. И тут Вершкову ничего не оставалось, как честно рассказать, что полтора часа просидел в приемной начальника шахты из-за какого-то якобы важного производственного совещания. Скорее всего, если бы реакция Бояркина была бы иной, а встреча более «ласковой», наш опер ни за что бы не рассказал, что битых полтора часа просидел в приемной начальника шахты на виду у молоденькой секретарши. Он, демобилизовавшийся из армии в звании старшего сержанта, командира артиллерийского расчета — и такой конфуз! Словом, Вершков был очень уязвлен случившимся, но виду не подавал и достойно «держал удар».

А Бояркин меж тем поручил «через его каналы» выяснить, какие-такие вопросы обсуждались на совещании полтора часа и насколько уж они были важны и неотложны. У Верškova среди участников совещания было несколько доверенных лиц. Через них он,

конечно, не откладывая, выяснил, что каких-либо важных вопросов на совещании не обсуждалось, была обычная планерка и, кроме того, «травили анекдоты», как про женщин, так и сомнительного политического толка (про доярок, колхозников, советских служащих).

О собранной информации опер сразу же доложил Бояркину, конечно, сгустив краски — не зря же терпел обиду. Бояркин был взбешен — его ведомство не уважают, стало быть? — и едва сдерживал свой норов. Тем более, что психика у него была расстроена от упорной и изнурительной оперативной работы в армейском отделе контрразведки «СМЕРШ» во время войны. Отпустив Вершкова, он доложил по телефону о изложенном событии первому секретарю горкома Колтунову, последний заверил Бояркина, что сам проведет воспитательную беседу с начальником шахты. Но Бояркин сказал, что органы МГБ способны сами постоять за свою честь и объявил, что с начальником шахты разберется сам. Колтунову того и надо было, зачем ему ссориться с уважаемым начальником шахты — и он согласился с начальником ГО МГБ.

На следующий день Бояркин позвонил в кабинет начальнику шахты и ледяным тоном предложил ему быть к такому-то часу в приемной начальника горотдела. На вопрос руководителя шахты, по какому вопросу, Бояркин, чтобы «нагнать жуть», кратко пояснил, что там, де, «будет видно»...

Ровно в назначенное время руководитель шахты сидел в приемной. Бояркин принял его и спросил, каким транспортом он добирался до отдела. Начальник

ответил, что служебным. Бояркин приказал ему ехать обратно на шахту и повторно добраться сюда, но либо пешком, либо общественным транспортом. На вопрос «почему», начальник ГО холодно ответил, что коль скоро он не ценит служебного времени сотрудника органов Вершкова, то и органы в свою очередь не намерены жалеть рабочего времени начальника шахты. Сконфуженный начальник, что-то пробормотав, удалился и вновь прибыл в отдел спустя полтора-два часа. Рекомендацию Бояркина о средствах передвижения он выполнил в точности и шел в горотдел пешком, поскольку никак нельзя было исключить, что ГБ выслало за ним «хвост», и, если он снова приедет на служебной машине, то еще более разъярит Бояркина, и тогда кто бы знал, чего можно ждать от «психованного» начальника городской госбезопасности.

Весь в поту, он снова прошел в кабинет Бояркина, где тот в назидательном ледяном тоне изложил ему ситуацию с посещением шахты оперуполномоченным Вершковым, пояснил недопустимость сути анекдотов, рассказываемых в кабинете начальника шахты. Последний был ошарашен, долго извинялся, после чего Бояркин, милостиво приняв извинения, перешел к обсуждению вопросов, которые он намеревался поднять на бюро горкома партии.

Естественно, информация о «событии» тотчас же распространилась по горотделу. Все, начиная от водителей и кончая зам. начальника, обсуждали эту ситуацию и хвалили «отца-командира» подполковника

Бояркина, так находчиво и решительно поставившего на место зарвавшегося начальника шахты. Часть одобрения и обсуждения (незначительная) досталась и Вершкову, и рейтинг его в отделе повысился. Но бурные политические события 1952-53 годов постепенно сгладили эту историю, и она забылась.

Развязка изложенной ситуации: бюро горкома партии прошло по отработанной схеме, выступление Бояркина было принято «на ура», почти всем начальникам и парторгам города были вынесены партийные взыскания за ослабление контроля, приведшего к росту аварийности и травматизма на вверенных им предприятиях.

Вершков еще некоторое время курировал эту шахту, но с начальником по-прежнему не общался; затем был переведен в пятое отделение, ведущее политическую контрразведку.

На праздниках, посвященных годовщине образования органов ВЧК-ОГПУ-НКВД-КГБ он, будучи «под шофэ», всегда рассказывал молодым чекистам эту историю, однако сильно преувеличивая при этом свою роль и несколько преуменьшая роль Бояркина. Но это уже были его проблемы, а в изложенном выше замысловатом сюжете есть как положительное, так и отрицательное резюме, не говоря уже о вкладе органов ГБ в обеспечение экономической безопасности в угольной промышленности Кузбасса.

«БАЙКА»

В 1971 г. я находился в доме отдыха КГБ «Дубрава», недалеко от Москвы в районе Клязьменского водохранилища. Общался с широким кругом сотрудников, приехавших из различных уголков страны. Один полковник из Москвы, лет за 50, как-то за кружкой пива и чего покрепче рассказал одну смешную байку.

Где-то в 1950-51 гг. он служил в личной охране маршала К.Е. Ворошилова, который в то время занимал важный государственный пост. Как-то летом Ворошилов выехал на одну из своих загородных дач в Подмоскowie. Естественно, там находились сотрудники его охраны, — молодые, крепкие ребята, как на подбор. И вот Ворошилов приказал им скосить траву в районе дачи, все, конечно, дружно взялись за косы и айда. Где-то после обеда вышел к ним маршал, крепко выпивший, в холщевой рубахе навывпуск, в мятых брюках и сандалиях на босу ногу. «Здорово, молодцы!». «Здравия желаем, товарищ маршал!». «Ну, как косится?». «Хорошо, товарищ маршал». Хитро прищурившись, Ворошилов спросил: «А что труднее, девок трахать (по-русски) или косить?». Ребята растерялись и аж онемели. Скажешь девок трахать, подумает — плохие работники, скажешь косить — подумает, что слабаки. Так и стояли, не зная, что сказать. И тогда Ворошилов, ухмыльнувшись, заявил: «Эх вы, не знаете, что отвечать, а отвечать надо так: А нам все

равно, что косить, что девок трахать, и то работа, и это не отдых. Вот и все!». И сам же засмеялся своему остроумию. Смех его, конечно, дружно поддержали, а как иначе...

Вообще, со слов полковника, Ворошилов был очень даже прост в обращении, любил и умел материться. Общее развитие его было не ахти, но обладал он хорошей сметкой русского человека, имел и большой жизненный опыт — во многом почерпнул его из общения с «вождем всех времен и народов». «Все мы думаем, — усмехнулся полковник, — что наши вожди сделаны из особого теста, что они не такие, как простые смертные, а оказалось... Байка с Ворошиловым — это что, есть и похлеще!»

МАЛЕНЬКОЕ СОБЫТИЕ ОТТЕПЕЛИ

Эти события произошли в начале 60-х годов, т.е. в самый разгар хрущевской оттепели. Люди старшего и среднего возраста, вероятно, помнят так называемых «стиляг» — представителей молодежи того времени, одетых в узенькие короткие брюки, клетчатые пиджаки, яркие носки и галстуки, туфли на толстой подошве, и на голове — набриолиненные коки, а представительницы слабого пола — в узенькие короткие юбки, яркие кофты и на голове прическа с «хвостом» и подстриженной челкой. К стилягам в основном относились студенты ВУЗов, учащиеся техникумов, да и определенная часть молодых рабочих и ИТР. Н.С. Хрущев, будучи первым секретарем ЦК и председателем Сормина СССР, развенчал культ личности И.В. Сталина, реабилитировал многих жертв политических репрессий и дозволил определенное свободомыслие среди народа. Но тем не менее он — дитя 30-40-50-х годов, и потому как бы ни старался прослыть демократом, ввевшаяся и впитанная с молоком матери коммунистическая идеология довлекла в его характере. Не забыты по сей день его гонения на художников — абстракционистов, поэтов, писателей и драматургов, не приемлющих принцип «соцреализма». Поэтому идеологический отдел ЦК вменял в обязанность структур ЦК и ВЛКСМ, а также Комитета госбезопасности выявлять и пресекать чуждые соцреализму идеологи-

ческие явления и события в жизни страны. Но как известно, события и явления связаны с конкретными людьми и поэтому сами собой не происходят.

...Виктор Воронов, примерно 1930-35 г.р., после окончания средней школы и истфака педагогического института был зачислен на службу в органы госбезопасности СССР, пройдя годичную подготовку в одном из учебных заведений КГБ. Вступая в ряды ГБ одного из небольших шахтерских городов Кузбасса, Виктор думал, что ему придется выявлять шпионов и агентов империалистических разведок, притаившихся бывших пособников фашистских оккупантов времен Великой Отечественной войны, участников националистических формирований и т. д., но был назначен на участок по выявлению и пресечению враждебных и идеологически вредных проявлений среди определенной части молодежи, увлекающейся западным образом жизни, или попросту — «стиляг».

Направление это в деятельности органов было новым, каких-либо методических наработок и опыта работы по этой линии у сотрудников КГБ не было. Вначале Воронов по совету старших товарищей начал изучать и уточнять оперативную обстановку на порученном участке, т.е. их какой среды выходят «стиляги», сколько их примерно в городе, где собираются, какие идеологические постулаты проповедуют, кто являются авторитетами и активистами в этой среде.

Нужные сведения он без труда почерпнул в отделе по работе с молодежью местного горкома комсомола. Но оперативная обстановка это только первоначаль-

ный этап деятельности молодого оперработника; в конце концов нужны конкретные материалы на конкретных лиц, «сигнальные» оперативные сведения, профилактические мероприятия, а в идеале и возбужденные уголовные дела. Виктор сам прекрасно понимал, что без помощников-информаторов в этой среде ничего не добьешься — это же ему неоднократно говорил начальник городского подразделения УКГБ майор Землянухин, опытный оперработник, участник Великой Отечественной войны. Землянухин в душе хорошо понимал, что увлечение узкими брюками и пестрыми рубашками, дисками с записью западной музыки на рентгеновских пленках ни в коей мере не подрывают устои государства; тем более, командуя во время войны взводом разведки, он видел, что молодые солдатики, несмотря ни на какие идеологические выверты (увлечение стихами Есенина, песнями Лещенко, склонность к амурным похождениям и т.п.), никак не перестают быть патриотами Родины, готовыми отдать за нее все, включая жизнь.

Землянухин, основываясь на своем жизненном и оперативном опыте, справедливо полагал, что стиляжничество — явление, присущее молодому возрасту и проходящее со времен: мол, молодая кровь перебродит и успокоится. Но в горкоме партии, членом бюро которого он являлся, постоянно давали «накачки» на необходимость пресекать чуждое идеологическое явление среди молодежи. Работа есть работа, и начальник стал все чаще и строже интересоваться положением дел на участке Воронова, в частности, работой с

доверенными лицами и подбором кандидатов в информаторы. Виктор завел несколько подборочек оперативных материалов на кандидатов, пытаясь выбрать из них самого перспективного и информативного. Однажды в его поле зрения попал молодой врач Денисов Евгений, прибывший в шахтерский город по распределению после окончания Саратовского медицинского института. Как «пришелец» из европейской части страны и областного центра, он обладал довольно широким кругозором, был приятен в общении, играл в баскетбол и одевался точно так, как изложено в начале повествования. Вокруг него постоянно «тусовались» молодые люди и девушки, и не только медики, но и представители других слоев. Словом, Виктор остановил свой выбор как на потенциальном информаторе на Денисове.

Но как познакомиться с кандидатом, чтобы не «засветить» его перед окружением и преждевременно не выдать своих намерений. Воронов долго думал, советовался со старшими товарищами, и один из них — старший оперуполномоченный капитан Коньшин, посоветовал использовать для первоначального знакомства с кандидатом его увлечение баскетболом.

Виктор не был спортсменом, тем более баскетболистом, но придя в городскую библиотеку, он в читальном зале взял подборку журналов «Спортивные игры», прочел там несколько статей о баскетболе, запомнив имена и фамилии знаменитых американских и советских баскетболистов, таких как Боб Коуси, Уилт Чемберлен, Янис Круминьш, Арменак Алачачан и др.

Придя однажды в городской спортзал, где проводилась очередная игра по баскетболу, Воронов улучил момент, подошел к Евгению и завел разговор о баскетболе (где, мол, ранее играл и тренировался Денисов, кого из игроков он знает, как ему нравится уровень местного баскетбола и т.д.). Денисов пошел на разговор свободно, в свою очередь поинтересовался, кто его собеседник и почему его ранее не видно было в спортзале. Виктор представился оперативным работником КГБ, предъявив свое удостоверение лейтенанта. Денисов был несколько смущен и даже шокирован, но старался не подавать вида и продолжал беседу. В заключение Виктор предложил встретиться еще раз и обсудить некий вопрос, входящий в компетенцию госбезопасности.

Евгений был озадачен, но согласился встретиться с сотрудником КГБ, после чего Воронов как бы вскользь пояснил, что о намечающейся встрече не стоит делиться с окружением. Дней через десять состоялась вторая встреча в помещении одного из рабочих общежитий. Естественно, все это время Евгений размышлял, зачем же он понадобился Комитету ГБ. Приходила даже мысль, что хотят пригласить на работу в органы, либо предложить служебную командировку за рубеж, словом, терялся в догадках. За собой он ничего «крамольного» не имел, в конфликты с Законом не вступал как в Саратове, так и здесь. «Ну ничего, все прояснится и не стоит мучить себя сомнениями».

В то же время Воронов тщательно готовился к встрече с Евгением. Проштудировал информационные

сборники КГБ, открытые печатные материалы по стилям, но на самый главный вопрос ответа так и не нашел — чем же стилиаги опасны для общества и для страны. Ну ладно, западная музыка и одежда, вольные танцы, рукописные самиздатовские журналы, обсуждение зарубежных радиопередач, стремление почитать произведения М. Булгакова, А. Платонова и других неиздаваемых писателей. Ну и что? — мучился Виктор. — Какой урон государству это наносит? На эти вопросы не сумел четко ответить даже Землянухин, который выразился обтекаемо, что на «стиляг» могут ориентироваться спецслужбы и идеологические центры империалистических государств и что они активно выходят на иностранцев с целью приобретения импортной одежды и пр.

Но время шло, и встреча неумолимо приближалась. Виктор полагал, что все пройдет гладко и он сумеет установить с Евгением хороший психологический и оперативный контакт. Встреча с кандидатом действительно прошла нормально, обсуждались разнообразные вопросы (учеба в ВУЗах, житье в шахтерском городе, — где, кстати, иностранцы никогда не появлялись, — спортивные события и т.п.). Затем Воронов ненавязчиво начал направлять разговор в нужное для себя русло, т.е. в отношении стилиаг. Рассказал о самиздатовском журнале «Грыжа», издаваемом в областном центре студентами медВУЗа, стремлении спецслужб капстран инициировать конфликт поколений в СССР и так далее. Евгений слушал довольно внимательно, но задал только один вопрос — а причем здесь

он. Виктор, несколько смутившись, пояснил, что, судя по одежде и кругу общения, Евгений относится к стилиагам и мог бы помочь органам в освещении обстановки в этой среде. «Вот куда он клонит», — подумал Евгений, но вслух посоветовал Воронову приобрести модную одежду и даже предложил свести его со знакомыми парнями и девушками, и тогда можно будет воочию убедиться, что «стиляги» шахтерского городка никакой опасности для государства не представляют.

Виктор был озадачен таким поворотом разговора, смешался и залепетал, что в среде стилиаг узнают, что он сотрудник КГБ и не будут доверять ему. Евгений спросил, — что доверять? Но вразумительного ответа не получил. Видя такое развитие разговора, Воронов пояснил Евгению, что он сам — сотрудник молодой и с Евгением хотел бы встретиться начальник горотделения УКГБ майор Землянухин. Денисов усомнился, чем он может заинтересовать такую важную персону, но на встречу согласился.

В горотделении Воронов сразу же прошел в кабинет к Землянухину и подробно рассказал о беседе с Денисовым. Начальник внимательно выслушал, задал ряд вопросов и высказал замечание, что не стоило сразу переводить разговор на стилиаг, можно было затронуть тему шпионажа, ведь у всех был на слуху разведывательный полет Гарри Пауэрса над СССР, а также проблемы выявления и наказания бывших карателей и других фашистских пособников, сумевших затаиться и уйти от справедливого возмездия. Пояснил, что в

местной больнице работает молодой доктор Довбета, выходец из семьи украинских националистов, который на одном из застолий, будучи под «шофэ», заявил, что он никогда не простит «коммунягам» поругание «неньки»-Украины и выселение их семьи в Сибирь, жизнь в землянке и под спецкомендатурой, укоры и насмешки в школе, а над родителями — на работе.

Тем не менее, Землянухин согласился провести совместную встречу с Денисовым, полагая, что первая «осечка» может негативно сказаться на дальнейшей чекистской судьбе Воронова.

На следующую встречу Евгений пришел в нормальной «нестильной» одежде, с начальником местной госбезопасности держался вежливо, но скованно. Землянухин доходчиво пояснил, что стилияги, как таковые, органы ГБ не интересуют, а у него к Евгению есть один вопрос, касающийся доктора Довбеты. Мол, не распространяет ли он в медицинском коллективе идеи украинского буржуазного национализма, как настроен к советской действительности. Денисов согласился помочь в этом вопросе.

Но на следующую встречу Денисов не пришел. Как выяснил Воронов, Евгений срочно рассчитался с работы, якобы в связи с семейными обстоятельствами, оставив в отделе кадров свою трудовую книжку, т. к. не отработал положенных трех лет после распределения из ВУЗа.

Через несколько лет Воронов уволился из органов КГБ и устроился учителем истории в школу. К тому времени стилиажничество само по себе прекратилось.

Бывшие стилияги стали примерными тружениками и семейными людьми, с усмешкой вспоминали пестрые галстуки, носки и «роки» на рентгеновской пленке.

В 1964 г. Хрущев был снят с должности, и главой КПСС и государства стал Л.И. Брежнев. Постепенно оттепель стала заменяться «холодком», критиковался волюнтаризм Хрущева и его «глумление» над «вождем всех времен и народов» Иосифом Сталиным. Землянухин также к тому времени ушел на пенсию, активно участвовал, как ветеран войны, в патриотическом военном воспитании школьников и учащихся СПТУ.

В 1969 г. в город приехал стройный высокий майор пограничных войск — медик Евгений Денисов. Служил он на одной из погранзастав на Дальнем Востоке, показал себя достойным хирургом при оказании помощи раненым воинам в ходе советско-китайского конфликта на реке Уссури. С учетом того, что погранвойска тогда относились к Комитету госбезопасности СССР, Денисов пришел отмечать отпускное удостоверение в горотделение УКГБ, но ни Воронова, ни Землянухина там не встретил, а интересоваться ими не считал нужным. Попив водки и погуляв со своими бывшими знакомыми, в том числе и молодыми дамами, он благополучно отчалил к своим родителям в Саратов.

Вот вам и бывший стилияга, а затем патриот и хороший офицер-медик. Мягко выражаясь, не прав был ни Хрущев Н.С., ни идеологический отдел ЦК и нижестоящие структуры КПСС и ВЛКСМ, высосавшие из

пальца потенциальных врагов устоев государства, так называемых «стиляг». Вроде бы простая и непритязательная история имеет глубокий смысл как для представителей контрразведывательных органов, так и обыкновенных россиян. Хотя опора спецслужб любой страны на население не имеет альтернативы, и так работают государственные органы со времен зарождения человечества.

ДВЕ СУДЬБЫ

Эту грустную историю рассказал мне житель одного из маленьких кузбасских городов Евгений Яковлевич Альшиц, 1906 г.р., которого давно уже нет в живых. Родился он в Бердичеве, там и провел детство, и был у него брат Лев, чуть его помоложе. После школы из захолустного Бердичева братья уехали в Питер, где продолжили образование в техникуме. После техникума оба занялись бизнесом. При НЭПе сфера медицинской аппаратуры и лекарств сулила успех. Всё шло хорошо, но вдруг Лёва нутром почувствовал, что их коммерческие успехи вскоре могут кончиться плачевно, скопил сколько-то денег и несмотря на своё еврейское происхождение эмигрировал в Германию. Правда, он предусмотрительно женился на девице немецкой национальности Раисе Браун. А Женя продолжал жить в Питере и заниматься бизнесом, жениться не спешил. Вскоре между братьями установилась переписка и в одном из писем Лёва предложил Жене небольшую коммерческую схему: Лёва в Германии передает лицу, имеющему родственников в Питере, определенную сумму в рейхсмарках, а родственники передают Жене эквивалент в рублях. На взгляд сегодняшних юристов, ничего крамольного в такой сделке не было, но в ту пору органы ГПУ набирали силу в борьбе с экономическими преступлениями, что предопределяли новую экономическую политику, и под

их каток попал Женя. Далее — возбуждение уголовного дела, активное и быстрое следствие и — итог: 12 лет лишения свободы. Наказание Женя отбывал в одном из лагерей на Колыме. Деревянные бараки, трехъярусные нары, матрацы и подушки, набитые полусгнившей соломенной трухой, истертые грязные одеяла. Постоянная пища — вареная треска, зачастую какой-нибудь «третьей свежести». В лагере сидели как политические, так и уголовники. Из политических — троцкисты, участники других антисоветских организаций и блоков, авторитеты различных религиозных конфессий, вредители, агенты империалистических разведок, начиная от Германии и кончая Японией — каких только статей не навешивали тогда... Уголовники вели между собой бесконечные разборки, играли в карты, пили чефир, а иногда и водку, многие уголовные авторитеты не работали, но питались намного лучше остальных зэков. Политические регулярно получали продуктовые посылки и большую часть отдавали уголовникам, чтобы откупиться от возможных покушений.

Срок Жени подходил к концу, и тут началась Великая Отечественная война. В одной из бесед с сокамерниками Женя, как «великий стратег», заявил, что немецкая военная и политическая машина гораздо выше по уровню советской, и что Советскому Союзу придется в этой войне очень туго. В кругу собеседников, конечно, оказался осведомитель, и на следующий день высказывания Жени стали известны «куму», т.е. оперу. Далее — возбуждение уголовного дела по статье

58-10, контрреволюционная агитация и пропаганда, производство следственных действий, в основном допрос свидетелей. Если политические из числа свидетелей не видели в суждениях Жени ничего враждебного и всячески пытались обелить своего коллегу, то уголовники, видимо, получившие от следователя чай и курево, топили и гнобили политического, обостряя и «закручивая» свои показания. Выездное заседание суда проходило в зоне, и приговорило Евгения Альшица за пораженческую антисоветскую агитацию к 10 годам лишения свободы, так что срок Жени автоматически продлился на «червонец». Освободился Женя в начале 50-х годов, в Питер ему ехать не разрешили, а направили в маленький сибирский городок, поселили в шахтерское общежитие. Устроился фотографом в комбинат бытового обслуживания. Фотографировал в основном детишек в школах и детсадах. Видимо, 20 с лишним лет лагерей в отсутствие «прекрасного пола» наложили отпечаток на психику и поведение Жени. Словом, его как педофила за развратные действия в отношении детей осудили еще на три года с отбыванием в ИТК общего режима.

Вскоре по выходе Жени из лагеря началась хрущевская оттепель; Женя и Лёва списались и тут произошел казус: старший брат Евгений обвинил младшего Льва во всех своих бедах и злоключениях, начавшихся с той финансовой операции незапамятной поры. Лёва даже не стал оправдываться, понимал несправедливость претензии, но, жалея брата, принял вину на себя и даже «каялся», чтобы тому потрафить. А был

он владельцем косметологической клиники, так что жил — куда лучше. Несмотря на недружелюбные выпады Евгения, помогал ему, слал вещевые посылки — денежные переводы из-за рубежа облагались крупным налогом, а Лёва — крупный предприниматель, деньги считать умел. Коврики, гобелены, рубашки, обувь и многие другие вещи Евгений сбывал по сходным ценам врачу-стоматологу Басе Абрамовне Шиколович, а та в свою очередь, уже с накруткой, продавала заграничные вещи пациентам и медработникам. Лёва, в письмах именовавший себя на немецкий манер Лео, выслал Жене цветные фотографии: на фоне виллы и клиники, роскошной машины, в окружении импозантных дам, может быть, пациенток косметологической клиники. Женя, большой любитель шахмат, в шахматном клубе и во дворе коммунальных домов, где играли в шахматы, обязательно показывал фотографии из Германии: вот, мол, посмотрите на кусочек заграницы, и гордо тыкал пальцем в своего брата. Времена были уже брежневские и за восхваление западного образа жизни в столь демонстративной форме Женя местным отделением УКГБ был приглашен на «профилактику», где и поведал свою трагическую судьбу.

Умер Женя в возрасте 60-ти с небольшим лет, здоровье его было подорвано лагерями, на вид был щуплый и изможденный седой старичок. Похоронили Женю соседи по общежитию и городская коммунальная служба. Вот так судьба распорядилась двумя родными братьями: преуспевающий доктор-коммерсант

Лёва и «закоренелый» зэк, прошедший лучшие годы своей жизни в лагерях, бобыль-одиночка Женя.

Осмысливая и осмысливая эту грустную историю, мне было откровенно жалко Евгения Альшица, тем более что никаким врагом советской власти он, конечно, не был, а попал под каток репрессивной машины ОГПУ-НКВД по стечению обстоятельств. Кстати, во время хрущевской оттепели он был реабилитирован, чем очень гордился и постоянно носил с собой справку о реабилитации. Как окончил свой земной путь Лёва, неизвестно, можно только предположить, что жизнь его в Германии сложилась очень удачно.

Вот так: два брата, два мира, две судьбы.

ФЕДЯ

Федя Оплеухин, студент 3 курса филологического факультета, насмотревшись сериалов «17 мгновений весны» и «ТАСС уполномочен заявить», всерьез решил стать разведчиком. Правда, он не совсем четко представлял, как воплотить в реальность свою мечту, непринужденно беседовал с преподавателями и студентами, авось те что присоветуют. Вывод получился однозначным: нужно встретиться и переговорить с «куратором» госуниверситета по линии КГБ майором Мартыщенко. Федя долго стеснялся, комплексовал, но в конце концов набрался-таки смелости и постучался в кабинет рядом с первым отделом, где, бывало, занимался и Мартыщенко.

Перед Федей сидел плотный, круглолицый мужчина, лет 30-35, в сером костюме и такая же рубашка, при галстук. Смущаясь и краснея, Федя рассказал про свою мечту. Мартыщенко внимательно его выслушал, уточнял, в какой группе и на каком факультете учится Федя, где проживает, с кем дружит, каково его здоровье. Затем пояснил: прежде чем попасть в службу внешней разведки КГБ, нужно успешно окончить ВУЗ и показать себя о наилучшей стороны как в общественной жизни, так и во взаимоотношениях с органами КГБ. Федя внимал советам и спросил, с чего же реально начать подготовку к службе в КГБ. Опер сказал, что нужно вести себя общительно, расширять круг

связей, особенно со студентами факультета романо-германской филологии. Студенты хотя и редко, но выезжали на языковые стажировки за рубеж, да и у себя в городе контактировали с иностранцами. Мартыщенко особо подчеркнул, что о своих намерениях и о контакте с оперработником Феде надо помалкивать. Потом Мартыщенко дал ему свой служебный телефон и разъяснил, как нужно вести беседу. На том и расстались.

Далее Мартыщенко несколько раз конспиративно встречался с Федей, давал ему ряд незначительных поручений, — особого труда они не составляли. Во время бесед опер разъяснил Феде, каковы методы выявления агентов противника, враждебно настроенных лиц, показывал популярную литературу, где описывались «происки» империалистических разведок и имеющаяся у них на вооружении техника. Феде было интересно, но опер подчеркивал, что всё это не самоцель — необходим конкретный результат, т.е. выявление лица, либо связанного со спецслужбами противника, либо занимающегося антисоветской агитацией и пропагандой. Федя «входил в курс». Он даже получил псевдоним «Студент», как настоящий будущий разведчик. Мартыщенко резонно пояснил Оплеухину, что все знаменитые разведчики работали под псевдонимами, например, Р. Зорге — «Рамзай», Л. Е. Маневич — «Этьен» и т.д.

Теперь дело было за конкретным результатом, и Федя мучительно соображал, как его раздобыть и доложить в органы, потому что как на беду интересу-

щих КГБ лиц в его окружении не водилось. В общезжитии и университете шла обычная студенческая жизнь, занятия, экзамены, отдых, вечеринки, любовь... Но однажды Федору пришла в голову гениальная мысль: самому составить антисоветский документ и самому же его выявить. Тем более на одной из встреч с Мартыщенко последний в доходчивой форме рассказал диспозицию статьи 70 Уголовного кодекса РСФСР «антисоветская агитация и пропаганда», пояснив, что она может быть в устной, письменной и наглядно-демонстративной форме. Федя всё усёк, и решение созрело мгновенно. Зря что ли имел некоторую склонность к стихосложению? Вот и решил он сочинить антисоветские стихи. И сочинил: «Трещите вы, что коммунизм построим, учение Ленина воткнем в сердца людей, а между тем людей по тюрьмам гноим и создаем сообщество зверей». Но слово «сообщество» Феде не понравилось. После творческих мук он сочинил другое: «Чинуши, начальники, их замы и помы, почти господа и почти что наркомы, грабят народ и царствуют всласть, олицетворя советскую власть». Вот это — другое дело, решил Федя, и переписал вирши в нескольких экземплярах печатными буквами.

В один из воскресных дней, когда большинства студентов в общезжитии не было, он расклеил стих на доску объявлений, а также на стены кухонных комнат общезжития, где студенты готовили еду, в комнатах пользоваться электроприборами запрещалось. Далее Федя стал осторожно следить за дальнейшей судьбой

своих «произведений». Кое-где они продолжали висеть, с доски объявлений их кто-то сорвал. Спустя несколько дней Федя осторожно снял стих со стены кухни на этаже, где он жил, позвонил Мартыщенко и попросил о срочной встрече. Вытащил из кармана стихотворение и отдал оперу. Мартыщенко, прочтя его, «сделал стойку», как боевой конь при звуке трубы, он ринулся «в суть задачи». Задал Феде ряд уточняющих вопросов (когда, где обнаружил стихи, кто еще их читал, не являлось ли распространение массовым, реакция на «произведение» студентов, кто мог его исполнить и с какой целью). Далее за подписью «Студент» Федя написал надлежащее письменное сообщение, втихаря наблюдая за реакцией Мартыщенко и чувствуя, что опер доволен, — как-никак выявил факт распространения антисоветского документа в студенческом общезжитии. Мартыщенко же разработал Федору тактику и линию поведения по выявлению автора и исполнителя документа. «Студент» делал вид, что активно занимается проблемой, но — «трудно ловить черную кошку в темной комнате, если она там вообще отсутствует».

И всё бы хорошо, но сгубило Федю женское коварство. «Шерше ля фам» французы не даром придумали. Оплеухин дружил с Катей Лисициной по кличке «Лиса», училась она в параллельной группе. Однажды за столиком в молодежном кафе, куда Федя пригласил подругу, разговор зашел о поэзии. Федя, желая показать «лисе», что он не «лыком шит», зачитал ей два сочиненных им стихотворения и рассказал, что

одно из них расклеил в людных местах. Катя восхитилась смелостью приятеля и даже сравнила его с поэтом-декабристом. Федя убедительно попросил её никому не рассказывать об услышанном и «лиса» твердо обещала.

Но судьба сыграла с Федей злую шутку. Он, человек влюбчивый и романтичный, закрутил втихаря от Кати роман с математичкой Людой Кох. Но всё тайное, как известно, становится явным. «Лиса» узнала об измене приятеля. От любви до ненависти один шаг, и вчерашняя нежная подруга превращается в злейшего врага. Так всё и получилось. Однажды Федя и математичка Люда веселились на вечеринке в одной из комнат общежития. К разгару и слегка «под шофе», явилась и Лисицына. Улучив момент, она, сгорая от ревности, громко окликнула Федю: «ну ты, поэт, Пушкин № 2, инакомыслящий Солженицын, расскажи, как своими бездарными стихами обклеил общежитие! То же мне, борец с режимом... только девкам головы дурить». Федя сперва оледенел, потом попытался обернуть слова «лисы» в шутку, и, кажется, ему это удалось, разговор перешел на другую тему.

На следующий день он маялся тревогой: не дойдут ли слова «лисы» до КГБ. И как в воду глядел. На вечеринке оказался еще один информатор Мартыщенко, тоже нацеленный им на розыск поэта и автора антисоветского документа. Тот и рассказал оперу о выпаде Лисицыной на вечеринке. Далее «машина» ГБ сработала четко, взяли объяснение от Лисицыной, добыли печатный почерк Федеи и направили его на

экспертизу вместе со стихотворением. Заключение было однозначным: текст стихотворения исполнен Оплеухиным. Федя всем нутром чувствовал опасность. Не вызывал его на встречу и Мартыщенко, настороженно поглядывали преподаватели. Спустя некоторое время Федю пригласили в деканат, где находились декан, секретарь комсомольской организации факультета и Мартыщенко.

Разговор сразу пошел о стихотворении. Федя пытался отнекиваться, но был, что называется, приперт к стене объяснением Лисицыной и заключением экспертизы. Дали ему строгий выговор по линии комсомола и пригрозили отчислением из университета, но всё-таки оставили и дали возможность исправиться. Естественно, больше он с Мартыщенко не встречался, но чувствовал, что находится под его негласным контролем. Через полтора года Федя окончил университет, женился на Люде Кох, и молодая учительская семья была распределена в один из районных центров области. Федя преподавал русский язык, пописывал стихи, некоторые из которых опубликовала районная газета. Появился первенец, возросли бытовые проблемы. Федя с долей иронии вспоминал историю со своим антисоветским стихотворением, «лисой», Мартыщенко и своём желании стать разведчиком. Но однажды ночью ему приснился сон, что всё это случилось с ним в 37 году, что возбуждено уголовное дело, ведется следствие и ему за антисоветчину припаяли десять лет. Он проснулся в холодном поту и еще долго не мог заснуть...

Давние и страшные события прочно держат нас в своих тисках, гнездятся в подсознании и «вспыхивают» в памяти, когда и не ожидаешь. Наверное, это и есть «генная память»...

РОКОВЫЕ ДЕНЬГИ

Сергей Ястребцов родился в 1945 году в Москве в семье военнослужащего госбезопасности. Успешно окончил школу, затем высшее техническое училище им. Баумана. Женился, будучи студентом. Вскоре родилась дочь. В 1971 году по протекции папаши был зачислен на службу в органы КГБ и направлен на годичные высшие курсы Комитета в Минск. Там зарекомендовал себя толковым и талантливым слушателем, — буквально с полуполета схватывал премудрости чекистской науки. В группе исполнял функции «финансиста», раз в месяц выдавая денежное содержание слушателям. Вел себя общительно, поддерживал ровные отношения с широким кругом курсантов.

После окончания курсов его зачислили в один из райотделов Управления КГБ по Москве и Московской области. Как молодой оперативный работник, быстро освоился с оперативной обстановкой на своем участке, активно работал с действующими информаторами и приобретал новых помощников. Проработав несколько лет в райотделе, был переведен старшим оперуполномоченным в службу контрразведки Управления КГБ. Все шло хорошо, дочь закончила школу и институт, жена также работала на хорошо оплачиваемой должности; супруги получили благоустроенную квартиру в Чертаново. Будучи с какой-либо оказией в Москве, бывшие слушатели минской груп-

пы обязательно звонили Ястребцову, встречались с ним, устраивали товарищеские застоля. Естественно, велись разные разговоры, Сергей у всех своих одноклассников по курсам всегда интересовался должностью, зарплатой, участком работы и так далее. Было видно, что он вовсе не равнодушно, а, вернее, со скрытой завистью относится к служебному росту товарищей и, следовательно, более высокой, чем у него, зарплате. Он все пребывал старшим оперуполномоченным, а некоторые его сокурсники уже выросли до начальников отделов и отделений. Служебный застой, финансовая неудовлетворенность, повышенная самооценка привели Ястребцова к трагическому финалу, о чем ниже.

Ястребцов, работая в окружении американского посольства, знал по ориентировкам и другим документам контрразведывательной структуры разведчиков-агентуристов, работавших в посольской резидентуре США. И однажды ему в голову пришла отнюдь не новая, но, на его взгляд, «гениальная» мысль: выйти на одного из американских разведчиков-агентуристов и договориться о продаже ему некоторых документальных оперативных материалов КГБ.

Сергей прекрасно понимал всю опасность такого шага, но посчитал, что с его «светлой головой», контрразведывательным опытом и смекалкой он не попадется.

«Мастера» современных детективов, которых в России развелось сейчас немеренно, могли бы «раскудрывать» этот «простой» сюжет страниц на двести,

если не более. Но я не привык к измышлениям и различного рода писательским ухищрениям для «утолщения» книги. Я всего лишь стремлюсь к лаконичному изложению достаточно трагического факта, — чтобы не утомлять уважаемого читателя, но и для того, чтобы не принизить мрачный пафос несчастной судьбы Сергея Ястребцова...

Однажды, зная, что по разведчику — агентуристу «наружка» КГБ не работала, он из телефона-автомата позвонил ему на квартиру и, изменив голос, назначил встречу через час-полтора в одном из многолюдных районов Москвы. Агентурист прибыл на встречу, Ястребцов кратко изложил суть предложения — информировать разведчика (конечно, за денежное вознаграждение) и тут же передал ему подлинник одного из служебных документов госбезопасности. Кроме того, агентуристу он высказал настоятельную просьбу не прибегать ни к каким «тайникам» для передачи материалов, и платить за них только путем личных встреч. Разведчик согласился. В ответ Ястребцов заявил, что будет называться «Стасом» (так звали начальника службы контрразведки УКГБ).

У читателя, видимо, возникает вопрос, каким образом Ястребцов смог отдать документ строгой отчетности с учетным номером и грифом. А схему он придумал такую: будучи членом комиссии по уничтожению утративших оперативную ценность служебных документов службы контрразведки, он после соответствующе комиссионной сверки номеров предлагал сам пойти в кочегарку и сжечь их, чтобы всем членам ко-

миссии уже не «коптиться и не дышать гарью». В большинстве случаев сотрудники соглашались, так как доверяли Ястребцову и к тому же считали, что утраченные значимые документы никому не нужны. Уничтожая документы один, Сергей выбирал наиболее значимые, на его взгляд, для американцев материалы, прятал их под майку и выносил из кочегарки. После этого вся комиссия дружно подписывалась под актом, что столько-то документов на столько-то листах уничтожены путем сожжения.

Сотрудничая с разведчиком ЦРУ, Ястребцов провел с ним несколько конспиративных встреч, до и после которых пристально старался выявить возможный «хвост» КГБ. Кроме того, ненавязчиво и конспиративно снимал информацию о работе по разведчикам-агентуристам в беседах со своими коллегами и на оперативных совещаниях.

На полученные от американца деньги Сергей купил «Жигули» шестой модели, автомобильный магнитофон, кожаное пальто, норковую шапку, придел жену. Не надо забывать, что события происходили в конце 80-х годов, и все это в то время стоило довольно дорого и привлекало внимание.

Но с ясного неба грянул гром: однажды при подходе к зданию Управления КГБ несколько крепких молодых профессионально взяли Ястребцова «под белые руки» и затолкали в тут же подъехавший автомобиль, на что Сергей только успел иронично заметить: «взяли профессионала», имея в виду себя. Сразу же в квартире Ястребцова и его служебном кабинете был про-

веден обыск, обнаружили якобы уничтоженные, но фактически реальные секретные документы, предназначенные для продажи разведчику-агентуристу. В этот же день изменника представили тогдашнему председателю КГБ СССР В. М. Чебрикову.

В начале на допросах Ястребцов заперся по заранее отработанной схеме, но следствие вели профессионалы высокого класса, предъявлялись неопровержимые доказательства по шпионской деятельности, в том числе процессуально оформленные видео- и аудиоматериалы. В конце концов Ястребцов признался в шпионаже в пользу США. Однако не переставал твердить, что нанести урон Родине не хотел, а думал всего лишь подзаработать, поскольку документы, проданные им разведчику-агентуристу, якобы не имели оперативной ценности. В заключение состоялось закрытое судебное заседание военного трибунала Московского военного округа, приговорившего Ястребцова к расстрелу за измену Родине в форме шпионажа в пользу США.

На суде Сергей достойно и достаточно стойко воспринял приговор. После всех апелляций Ястребцова, в том числе в Президиум Верховного Совета СССР, приговор оставили в силе, и Сергей ушел в небытие. По представлению МИД СССР на основании судебных доказательств разведчик-агентурист посольской резидентуры был объявлен персоной «нон гра-та» и выслан из СССР. Супруга Сергея сменила квартиру и взяла свою девичью фамилию. Горько пережили родители Сергея, особенно мать.

Напрашивается вопрос, как провалился «Стас». Конечно, ни один, какой бы то ни было гениальный человек, не сможет обвести вокруг пальца хорошо отлаженную и оснащенную мощную государственную структуру, какой являлся в то время Комитет госбезопасности СССР. К тому же, якобы соседи, да и сослуживцы Сергея заметили явный резкий рост его материального благосостояния (то ходил в кроличьей шапке и скромном пальто, и вдруг...), и, говорят, на этот счет даже было анонимное письмо в КГБ. По-видимому, из посольской резидентуры также могла «уйти» информация об утечке документов из КГБ. И, наконец, высокая квалификация и профессионализм разработчиков «Стаса», не допустивших ни малейшей «засветки» интереса советской контрразведки к Сергею и его партнеру американцу, тоже сыграли свою роль.

В период зарождения гласности случай с Ястребцовым был освещен в средствах массовой информации, в том числе и в журнале «Огонек» для очернения и компрометации Комитета, когда только ленивый борзописец на «пинал» наших разведчиков. Но люди понимали, что этот случай не правило, а исключение.

Естественно, в каких бы я нормальных отношениях ни был с Сергеем, его измену и предательство осуждаю и считаю, что алчность к деньгам (вспомните — «финансист группы»), интерес к заработкам коллег, повышенная самооценка своей личности) привели его к трагическому финалу. Хотя, в целом, людей с такими чертами у нас миллионы. Но из них только едини-

цы вставали на путь измены. Поистине, у каждого своя судьба...

Все пытаюсь взглянуть в прошлое: предвещало ли что-нибудь такой разворот судьбы Ястребцова. В Минске Сергей вел себя достойно, как порядочный семьянин, на белорусских дивчин особого внимания не обращал. Все денежное содержание отправлял жене в Москву. Спиртное употреблял в меру, но от дружеских застолий в кругу слушателей не отказывался. Более тесные отношения поддерживал с земляками — москвичами. Сергей имел приятную внешность и нравился людям: худощав, подтянут, аккуратен. От встреч с однокашниками с периферии никогда не отказывался, более того — вот с ними как раз крепко «употреблял» за счет гостей спиртное.

Коллеги Сергея по контрразведке болезненно восприняли столь неожиданное предательство, и один из них даже застрелился.

Был ли Ястребцов знатоком своего дела? Конечно. Напомню: о разведчике-агентуристе Сергей предварительно собрал богатый материал, знал о его безупречном владении русским языком, не забывающей внешности, стремлении неброско одеваться при выходе в город, знал его повадки, наклонности. Словом, Ястребцов был опытным оперработником, учитывал все и всерьез полагал, что задуманная акция беспроигрышна.

Неизвестно, как долго Сергей рассчитывал сотрудничать с американцем (ведь «сколько веревочке навиться...»), но, видимо, вкус легких денег прочно за-

сосал его и вряд ли он смог бы сам прекратить начатое дело.

Самый же главный урок этой кровавой драмы, закончившейся смертным приговором Сергею и самоубийством его коллеги, заключается, однако, в ином. Нельзя не задаться вопросом, стоили ли «секреты», содержащиеся в предназначенных к уничтожению «не имеющих оперативной ценности» бумагах, двух жизней, и не слишком ли высока цена, сполна заплаченная Сергеем? ...

Почему же бывший первый секретарь Кировского, а затем Кемеровского обкомов КПСС, назначенный Горбачевым М.С. председателем КГБ СССР после августовского 1991 г. путча с целью развалить Комитет изнутри из-за участия в ГКЧП его бывшего председателя Крючкова В.А. «сдал» американцам спецтехнику Госбезопасности в посольстве США, поставив под удар, возможно, смертельный, десятки причастных к оборудованию людей, и не «получил» за это ничего, кроме порицания чекистов? (Уголовное дело даже не возбуждалось). А содеянное Бакатиным не в какое сравнение не входит с передачей Ястребцовым утративших ценность материалов. Ущерб, нанесенный Бакатиным, — «слон», а Ястребцовым — «муравей»...

ВИТЕК-ТЕРРОРИСТ

Витек Цырульников родился в 1940 году в шахтерском городе. Здесь же окончил 7 классов, затем горное профтехучилище. Отслужил 3 года в советской армии в саперном батальоне. Придя с военной службы, поступил на шахту забойщиком и вскоре женился. Словом, жизнь у Витька вначале складывалась как у тысяч шахтеров этого города.

Однако дальнейшие события, о которых ниже, в корне изменили жизнь Цырульникова. Посещая своих родителей, проживающих в двухэтажном бараке неподалеку, Виктор познакомился с их соседом Вадиком Носиковым, по кличке «Нос». Вадик был лет на пять старше Цырульникова, не женат, работал ночным сторожем в детском саду, снимал одну комнату у старушки в бараке, где и жили родители Виктора. Многим было непонятно, почему молодой, физически крепкий мужчина не идет работать на шахту, а живет на небольшую зарплату сторожа и полностью удовлетворен своим положением. Но дело было в том, что «Нос», побывав два или три раза в местах не столь отдаленных, и зарекомендовав себя только с положительной стороны у «авторитетов», был назначен «смотрящим» за шахтерским городом и отвечал за приток денег в воровской «общак». Вадим был совершенно не похож на жиганского «авторитета», на руках никаких татуировок, подстрижен под «полубокс», чисто

выбрит, благоухал «Шипром», неброско одет. Единственно, - во всю грудь у него был выколот массивный синий крест с распятым на нем Иисусом Христом. Периодически его посещали мужчины разных возрастов, о которых местный опер уголовного розыска в своих отчетах писал так: «Тогда-то Носикова посетил неизвестный лет 30-35, чей внешний вид заслуживает сомнения...», хотя можно было бы написать четче и яснее, что «Носа» периодически посещают лица, освободившиеся из мест лишения свободы, и сообщают ему о «положении дел» в том или ином исправительно-трудовом лагере и необходимости пересылки конкретной денежной суммы на подогрев «братвы».

Вадик был конспиративен и осторожен, встречи с жиганами проводил либо в ночное время в сторожке детсада, либо у себя в комнате, включая громко музыку. Все это обставлялось так, как будто встретились два старых товарища, взяли бутылку водки и разговаривают «за жизнь». Виктор неоднократно бывал у Вадика в гостях, выпивали, вели беседы. «Нос» интересовался шахтерским трудом, зарплатой, семейной жизнью Витька.

А вот семейная жизнь у Цырульниковова складывалась не ахти как. Женился он на продавщице продмага Наташе Гринмайер, бойкой и разбитной женщине. Ближе к окончанию работы продавщицы и технички складчину покупали спиртное, закуски и чуть ли не каждый день были навеселе. Ну а когда женщина выпивши, ее тянет на амурные похождения. Естественно,

но, все это не нравилось Витьку, он неоднократно выговаривал свои претензии супруге, скандалил и даже бил ее. Но у Натальи был «твердый нрав», так что она никак не поддавалась перевоспитанию мужа и продолжала употреблять спиртное и «хороводиться» с кавалерами.

Однажды Виктор в гостях у «Носа» познакомился у него с двумя молодыми женщинами Катей и Ларисой, последнюю еще звали «Лориком». Женщины примерно раз в две недели приходили к Вадиму делать генеральную уборку квартиры, так как хозяйка-старушка была уже не в силах убираться. Естественно, после каждой уборки Вадик, как истинный джентльмен, угощал дам, благо деньги у него имелись всегда. По приглашению «Носа» Виктор принял участие в застолье. Присмотревшись к дамам, Витьку бросилось в глаза, что поведение у них своеобразное. К мужчинам они не проявляли никакого интереса, хотя были довольно миловидны, и неплохо одевались. Во время вечеринки, в основном, разговаривали между собой, проявляя повышенные знаки внимания друг к другу. Витек заметил, что у них между пальцев на кистях рук были наколоты только женские имена. Из деликатности он никаких вопросов по поводу наколок Кати и «Лорика» не задавал.

Когда Катя и «Лорик» повеселели от выпитого, Вадик снял со стены гитару и попросил девушек спеть. Они охотно согласились, пели про смелых и ловких жиганов, про мать-старушку, которая долго и безнадежно ждет из тюрьмы сына, а он умирает в тюрьме-

ной больнице, про жигана, пытавшегося бежать из тюрьмы, упавшего с высокой ограды и разбившегося, про сиреневый туман и разлуку, про девушку Аленку, уезжающую далеко от сердечного друга-жигана и тому подобные песни. Вокальными данными и умением играть на гитаре они особо не отличались, но пели с большим чувством и некоторой артистичностью. Подвыпивший Вадик, будучи по характеру насколько жестоким, настолько и сентиментальным, расчувствовавшись, даже заплакал. Витька тоже брали за душу жиганские песни в исполнении Кати и «Лорика». Крепко подвыпив, Витек стал приставать к Кате, но неожиданно встретил неадекватную реакцию не от объекта своего ухаживания, а от «Лорика». Та жестко сказала Виктору, «мол, прекрати лезть к Кате, а лучше присмотришься к своей жене Наташке и ее взаимоотношениям с «химиком» Мишкой Матыгиным». Нужно отметить, что Катя вначале довольно благосклонно воспринимала ухаживания Витьки. Видя назревающий конфликт между «Лориком» и Виктором, Вадик пригласил его выйти на улицу покурить. Там он пояснил Витьку, что дамы являются «лесбиянками», поэтому не надо «рушить» их взаимоотношения и лезть с приставаниями к Кате. Мол, «нормально озабоченных» женщин хоть пруд пруди.

Когда они вернулись в комнату, то поведение Кати тоже изменилось, она вовсе перестала обращать на Витьку внимание, видимо, под влиянием внушений от «Лорика». Словом, вечеринка окончилась без эксцессов. Женщины ушли вдвоем, шутливо отказавшись от

предложений Витьки и Вадика проводить их до дому, а кавалеры сильно и не настаивали.

Когда Виктор в следующий раз пришел к Вадиду, и, естественно, в разговоре коснулся Кати и Ларисы, «Нос» пояснил ему, что дамы отбывали наказание в одном из женских лагерей, там полюбили друг друга и после освобождения живут вместе, работая штукатурами в ЖЭКе. Поэтому не надо обращать внимание на их отношения, это их личное дело.

В этом же разговоре Вадик, применяя крепкие выражения, рассказал Виктору, что отношения его жены Наташи и «Матыги» зашли довольно далеко и народ уже смеется над Виктором. Витек и сам знал это, но слова «Носа» еще больше подогрели его злость и ревность. Сбегав за бутылкой, Витек в ходе выпивки советовался с Вадиком, что ему делать, чтобы прекратить отношения «Матыги» и Натальи. «Нос» сказал, что «я в чужую жизнь не лезу, тем более сам не женат, но посоветовать могу: тебе нужно проучить «Матыгу», а как именно – тебе лучше знать». После этой беседы Витек стал мучительно размышлять, что делать с любовником жены. Набить ему морду? Но Витек был физически слабее «Матыги». Подговорить товарищей шахтеров? Тоже неудобно, да и вряд ли они пойдут на такое дело. Переговорить с «отморозками», с которыми периодически вел «разборки» «Нос»? Тоже не годится, так как Вадик очень неодобрительно отзывался об «отморозках», говоря, что у них нет ничего «святого» и напроочь отсутствуют жиганские «понятия» о чести и совести.

Однажды перед сном, когда Наталья уже мирно посапывала, Витьку в голову пришла гениальная мысль: послать «Матыге» посылку со взрывным устройством, якобы от его приятеля, с которым он отбывал наказание на «химии». Идея показалась Виктору очень реальной, и он с глубоким удовлетворением заснул. В следующие дни он подробно обдумывал конкретику своего замысла, с тем, чтобы не строить «замки на песке». Взрывчатку было найти на шахте не трудно – мастера-взрывники («запальщики») нередко выбрасывали неиспользованные патроны аммонита и детонаторы в добытый уголь с тем, чтобы не нести и сдавать их обратно на склад взрывчатых материалов, так как бюрократических «заморочек» это сулило предостаточно. Соорудить с помощью батарейки и проводов электрическую цепь, которая бы замыкалась при вскрытии крышки посылки, также труда не составляло, если вспомнить, что Виктор проходил военную службу в саперном батальоне. Когда Виктор был дома один, он рисовал схемы взрывного устройства в посылке, критически оценивал их, пока не придумал оптимальный вариант.

Короче говоря, через два месяца посылка была готова. Купив на рынке несколько вяленых вобл, он положил их на дно посылки для запаха, а поверх соорудил взрывное устройство. Адрес «Матыги» узнать было не сложно, его Витек написал на крышке посылки измененным печатным почерком, также заполнил и бланк извещения. Но как отправить «подарок»? Впервые, неизбежно «засветится» перед почтовыми

работниками. Во-вторых, поселок, где ранее отбывал «химию» «Матыга», находился часах в трех езды от города, поэтому придется отсутствовать в городе как минимум часов семь, а это тоже не останется незамеченным. Но и тут Витек нашел выход из положения.

Придя однажды к родителям, когда мамы не было дома, он «поговорил по душам» с отцом-пенсионером, взяв с него слово никому никогда не рассказывать об их беседе. Попросил отца съездить в поселок «Волчий» и отправить оттуда посылку на имя Матыгина с «сюрпризом». Назначил точный день выезда и дал отцу денег, которых с лихвой хватило бы и на поездку, и на водку с хорошей закуской, и на курево. За два дня до выезда отца в «Волчий», Витек после смены с двумя товарищами по работе зашел в пивную неподалеку от шахты. Заказали бутылку водки, пива, бутербродов с дешевой колбасой. Витек быстро опьянел, «разбушлатился», стал придирается к буфетчице, что, мол, разбавляете пиво водой и обсчитываете клиентов. Матерился, громко пел песни. Задрался с пожилым посетителем, сделавшим ему замечание. В итоге буфетчица вызвала наряд милиции, сама дала заявление и указала очевидцев хулиганства Витька, в том числе и пожилого мужчину. Короче говоря, Витька погрузили в «воронок» и увезли в дежурную часть. На следующее утро его и несколько подобных хулиганов и дебоширов увезли в суд, где Цырульников за мелкое хулиганство схлопотал десять суток.

Занимались мелкие хулиганы уборкой улиц, обустройством территории горотдела милиции и тому по-

добными работами. Наталья, чувствуя, что муж переживает из-за ее поведения, ежедневно готовила для супруга хорошую еду и передавала ее мужу. Витек брал передачи, но был хмур и неразговорчив, интересовался только детьми и возможными последствиями на работе. Жена, как могла, успокаивала Витьку, вела себя ласково, чтобы как-то загладить свою вину. За день до освобождения Цырульникова, город потрясло сенсационное событие. Житель «Матыга», получив на почте посылку, с помощью обувной ложки стал вскрывать ее прямо на месте. Раздался взрыв, «Матыге» оторвало пальцы рук, выбило глаз. Легко пострадали от щепок посылочного ящика и другие посетители почтового отделения.

Освободившись из милиции, Витек пришел домой, вел себя спокойно, сразу же ушел «каяться» начальнику участка, чтобы не увольняли его с работы. Начальник уважал безотказного работягу Цырульникова и, что называется, «вошел в его положение». Дал ему выговор в приказе по шахте, лишил премии и 50 процентов надбавки за выслугу лет. К своему удивлению, Витек работы не лишился, пообещал исправиться и честным трудом искупить свои прогулы. Через неделю он зашел к своим родителям, а потом посетил «Носа». Распили с ним бутылку водки, в ходе беседы Вадик как бы вскользь намекнул, что здорово ты «фривернул» «Матыгу», но Витек сделал вид, что это его не касается, и пропустил слова «Носа» мимо ушей.

Естественно, после взрыва посылки в городе была создана опергруппа, состоящая из работников обла-

стного и городского КГБ, милиции, прокуратуры с целью скорейшего расследования этого дерзкого преступления и наказания виновных. Витек Цырульников в первую очередь попал в число подозреваемых, от него негласно заполучили образец почерка (с почерком на посылке не совпал), выяснили, где он находился в день отправки посылки (отбывал наказание десять суток). Опросили работницу почтового отделения, принимавшую посылку. От нее узнали, что посылку посылал пожилой мужчина лет шестидесяти пяти, похожий на киноартиста Крючкова, которого она ранее нигде и никогда не видела. Отметила, что бланк извещения пожилой мужчина на почте не заполнял, вел себя спокойно, интересовался, сколько дней будет идти посылка и не испортится ли находящаяся в ней рыба. Допросили Виктора, его супругу, а также «Матыгу», но ничего заслуживающего внимания не узнали. Витек на сто раз все продумал и психологически подготовился к допросу. Наталья в действительности ничего не знала, а «Матыга» терялся в догадках, хотя как возможного отправителя посылки со взрывным устройством он назвал Цырульникова, пояснив, что находился в интимных отношениях с его женой, и Виктор вполне мог отомстить ему. На вопрос, были ли угрозы ему со стороны Цырульникова, ответил отрицательно, не покрывив душой.

Короче говоря, первая и самая реальная версия зашла в тупик. Стали отрабатывать и другие версии, в частности, возможная месть солагерников «Матыги» за неоплаченные долги, его возможное «ссучивание»

с администрацией и тому подобные действия. «Нос» умело через свои связи поставлял «дезу» в милицию, а та в свою очередь информировала КГБ. Дошло до того, что якобы «Матыга» в поселке «Волчьем» нелегально в реке мыл золото, продавал его старателям, но с администрацией спецпоселения, несмотря на свои обещания, не делился, и один из оперов внутренних дел таким образом отомстил ему. Словом, версии были самые невероятные, но по своей сути тупиковые, т. к. искусно придумывались «Носом» и его авторитетными консультантами из числа «братвы». К слову, много сил и времени члены опергруппы потеряли, работая вхолостую в «Волчьем».

Уголовное дело по факту взрыва «зависло», а опергруппа получала справедливые нарекания со стороны начальства, к тому же неоднократно тасовался ее состав, что, безусловно, достижению результата в расследовании не способствовало.

Прошло несколько лет. Однажды «Нос», чего раньше не бывало, сам встретил Витьку по пути с работы. Пригласил к себе поговорить, взял бутылку водки, хорошей колбасы, консервов, помидор. В разговоре он поделился с Виктором своими проблемами, вот, мол, кавказцы заполонили городской рынок, торгуют «наркотой», фруктами, овощами, «шмотками», деньги уходят в их республики, а в «общак» голодающей братве не сдают ни копейки. Я, мол, несколько раз вызывал «на стрелку» их главного Ахметгали, толковал ему «понятия» и возможные опасные последствия уклонения от подпитки «общака», но «чернож.й» даже и

думать не хочет, чтобы помочь «зэкам», а ведь там могут быть и кавказцы. Ахметгали приглашал в город для переговоров «вора в законе» «Сосо» из Грузии, Вадик российского «Матвея», но воз и ныне там. «Короче говоря, Витек, сделай Ахмету такую же подянку, как ты сделал «Матыге», а мы тебя хорошо отблагодарим, так что сможешь купить себе машину», - предложил «Нос». Витек поморщился, напоминание о «Матыге» вызвало неприятные ассоциации, и он снова промолчал. «Нос» был напорист, видимо, получил от вышестоящих «авторитетов» соответствующие инструкции и полномочия. Витек понемногу соглашался, в конце концов обговорили сумму (пять тысяч рублей, а это была середина семидесятых годов) и конкретные детали воздействия на Ахметгали.

Спустя несколько месяцев под окно особняка, где проживал главный кавказец, была подложена самодельная мина, сторожевую овчарку предварительно усыпили снотворным, заделанным в кусок свежего мяса. От взрыва Ахмет, его родственники и домочадцы получили серьезные ранения, дом был сильно разрушен.

На этот раз «кавказец» в переговорах с российской «братвой» был более сговорчив, и деньги от кавказской диаспоры потекли в воровской «общак». И сейчас Витек в поле зрения правоохранительных органов вообще не попал. Спустя некоторое время он приобрел с рук «Жигули», увлекся рыбалкой, еще чаще стал употреблять спиртное. Однажды с глубокого похмелья он ехал на своем авто, сбил пешехода, нанес тяже-

лые повреждения. Получил четыре года общего режима, отбывал наказание в соседней области.

В лагере ни к каким группировкам не примыкал, добросовестно трудился, выполняя нормы. Несколько раз «бугор» зоны передавал ему приветы от «Носа», а с ними водку, сигареты, чай. Однажды Витек участвовал в небольшом «междусобойчике» зэков. Вначале пили чефир, потом откуда-то взялся спирт. Закуска была слабой, Витек охмелел. Один из участников застолья начал похваляться своими «подвигами» на дамском фронте, цинично и грубо отзывался о всех без исключения женщинах и возвеличивал себя, как Дон-Жуана. Витек заявил ему, что, «мол, я несколько лет назад хорошо проучил подобного тебе фраера, послав ему посылку с «фейерверком», да так, что ему оторвало яйца». Почувствовав, что сболтнул лишнего, осекся, моментально протрезвев. Мельком посмотрел на собутыльников, вроде бы никто не обратил внимания на его «откровения». Но он глубоко ошибался. Среди участников застолья находился информатор оперчасти колонии, который, хотя и был пьяный, но держал ухо востро. Завербован он был благодаря тому, что обладал непомерным аппетитом, постоянно просил жратву у солагерников, клянчил деньги, обещал выполнить любую работу и услугу для зэков. Короче говоря, нарушал одну из заповедей зэка «не верь, не бойся, не проси».

Опер, обслуживающий колонию, получил информацию о зэке, готовом за еду сделать что угодно, умело использовал его слабость. Из отряда, где числился

обжора, он по одному вызывал осужденных на беседу, в том числе и кандидата в информаторы. Когда тот зашел, в нос ударил запах консервов «шпроты» и свежевареной картошки. На столе лежали хлеб и огурцы. Остальное было делом техники, и за такое же время, как и предыдущие беседы с зэками, был приобретен информатор, на которого впоследствии нарвался Витек.

Информатор спустя несколько дней сообщил об услышанном «куму», а тот – далее по инстанции. Получив информацию от коллег из УВД, сотрудники горотделения УКГБ шахтерского города вернулись к оперативной проработке факта взрыва посылки в адрес «Матыги». Заполучили прижизненное фото отца Виктора Цырульникова (он к тому времени умер) и тоже удивились его сходству с артистом Крючковым. Предъявили фотокарточки для опознания почтовой работнице, принимавшей злополучную посылку, она твердо опознала в отправителе отца Виктора. Короче говоря, дело «раскрутили», но логического завершения оно не получило.

Суть в том, что от информатора не стали брать официального заявления, опасаясь серьезных последствий к нему от мести зэков; Витек на допросе у следователя заявил, что по пьянке «ляпнул» о посылке «Матыге», о которой знает полгорода, но какого-либо отношения к ней не имеет. Когда ему показали протокол опознания его отца, сказал примерно следующее: «Я за отца не отвечаю, так же как он за меня, тем более что он уже умер».

Таким образом, фактически преступник был установлен, но задокументировать в уголовно-процессуальном порядке причастность к взрыву посылки Цырульниковца Виктора не представилось возможным. В процессе оперативно-розыскной работы органов госбезопасности и внутренних дел такие случаи не единичны, но закон есть закон, а оперативные данные от информаторов значения не имеют. Так судьба смиловилась над шахтером-работягой Витьком, а то бы как минимум лет семь ему еще пришлось бы отсидеть.

Матыга» – инвалид второй группы – к тому времени с города съехал, говорят, что стал крепко попивать. Супруга Витька – Наталья в конце концов взялась за ум, из магазина рассчиталась, бросила амурные похождения и устроилась ламповщицей на шахту.

Вадик-«Нос», вовремя почувствовав повторную «раскрутку» дела Витька, выехал в неизвестном направлении, но своего дела не бросил и еще более повысился в жиганской иерархии. Факт взрыва дома Ахметгали органы справедливо списали на криминальные разборки между представителями группировок и больше к нему не возвращались, объективно считая, что междоусобица между ворами в первую очередь ослабляет их самих, тем самым оздоравливая оперативную обстановку в городе.

После освобождения из лагеря Витек прибыл в свой город; на шахте его работать уже не взяли. Устроился слесарем-сантехником в ЖЭК. В информационных анналах органов КГБ и ВД он прошел как лицо, владеющее навыками взрывного дела и склонное к терроризму.

Так, в силу субъективных обстоятельств и в первую очередь своей ревности, разгильдяйства отдельных мастеров-взрывников, разбрасывающих взрывчатку, знакомства с «Носом» Витек оказался главным участником серьезных событий, могущих иметь еще более трагичные последствия.

Но – повторяю: судьба не стала жестоко наказывать в принципе безобидного шахтера-работягу, хотя все же показала ему, какова жизнь в местах не столь отдаленных...

ОПЕР-ДИССИДЕНТ

Описываемые в рассказе события включают в себя период т.н. застоя (хотя жизнь в то время была ничем не хуже, а может быть и лучше, чем сейчас, когда на дворе гласность, свобода и демократия), перестройки, распада Советского Союза и начала демократизации нашего общества.

Сергей Валишевский с отличием окончил исторический факультет Новосибирского госуниверситета в 1970 году, поработал некоторое время учителем истории в средней школе одного из сельских районов НСО. Детство и юность Сергея приходились на «хрущевскую оттепель», как и все молодые люди он зачитывался «Одним днем Ивана Денисовича» А. И. Солженицына, «Повестью о пережитом» Б. Дьякова и другими произведениями, отображающими мрачные времена 1937-1953 годов в истории нашей страны. Сергей еще с класса седьмого взял за правило составлять краткие аннотации прочитанных им книг, которые записывал в специальную тетрадь. Естественно, периодически он перечитывал и анализировал свои записи.

Учась на истфаке, Сергей также скрупулезно изучал послереволюционную историю России, сопоставлял мнения многих ученых-историков, в том числе и зарубежных, о событиях в нашей стране после 1917 года. В отдельных песнях В. Высоцкого, Ю. Кукина, Визбора, Кима и других «бардов» в песенной форме

также освещались исторические события, особенно запомнилась Валишевскому песня Владимира Семенича «Протопи ты мне баньку по-белому». Короче говоря, Сергей, как личность мыслящая, выстроил для себя довольно стройную логическую схему событий в России, начиная с первой русской революции 1905 года.

Но вернемся к работе Сергея в районной школе. Все, казалось бы, шло по накатанной дороге: подготовка к занятиям, составление конспектов к конкретной изучаемой теме, проведение самих уроков, постановка домашних заданий. Уроки молодого педагога-историка были содержательными и интересными. Со школьниками он поддерживал ровные деловые отношения, не панибратствовал, но и особо не строжился. Когда он освоился в педагогическом коллективе и завоевал авторитет среди учителей и учеников, директор школы предложил ему классное руководство в одном из седьмых классов. Несмотря на бытовые и семейные проблемы (Сергей жил в доме без удобств, у супругов был маленький ребенок), Валишевский с должной самоотдачей отнесся и к классному руководству. По мере необходимости, но не реже одного раза в четверть, молодой педагог проводил родительское собрание.

Отцом одной из учениц класса являлся начальник районного отделения Управления КГБ, который вначале на родительские собрания не ходил, а посылал на них супругу. Но услышав от нее, а также от дочери положительные отзывы о Сергее Валишевском, май-

ор сам решил сходить на очередное родительское собрание. Манера общения Сергея с аудиторией, четкое выражение им мыслей, приятная внешность и аккуратная одежда произвели положительное впечатление на чекиста. Он после соответствующих проговоров с работниками отдела кадров областного Управления госбезопасности решил провести беседу с Сергеем с предложением поступить на службу в органы КГБ. Тем более что старший оперуполномоченный районного отделения УКГБ майор Ануфриев Василий Яковлевич, участник Великой Отечественной войны, засобирился уходить на пенсию и в райотделении в перспективе намечалась вакансия, о заполнении которой надо было думать уже сейчас.

Однажды вечером в учительской школы раздался телефонный звонок и солидный мужской голос попросил пригласить к телефону Валишевского. Представившись, майор пояснил, что хотел бы переговорить с Сергеем по одному служебному вопросу. Сергей без особого энтузиазма, но вежливо согласился встретиться с сотрудником ГБ, после чего договорились на конкретное время, к которому Валишевский придет в райотделение УКГБ. Начальник райотделения, опытный оперативный работник, хорошо подготовился к встрече и беседе с кандидатом на службу. К тому же взаимоотношению способствовало то, что начальник также окончил Новосибирский ГУ, только геологический факультет. На предложение перейти в перспективе на работу в органы госбезопасности СССР Сергей ответил, что хотел бы некоторое время обдумать и посоветоваться с супругой. Тем более что, видимо, придется расстаться с исторической наукой, которая так нравилась ему. Начальник пояснил Сергею, что и в органах КГБ имеется структурное подразделение, где приоритет отдается сотрудникам, имеющим гуманитарное образование.

В итоге договорились, что недели через две-три Валишевский даст конкретный ответ по поводу поступившего предложения от начальника райотделения. Супруги Валишевские подробно обсудили предложение от представителя КГБ, жена интересовалась заработной платой, возможными перемещениями по стране, бытовыми условиями сотрудников и т.п. вопросами. Между собой порешали, что Сергей дает положительный ответ начальнику, тем более что, по всей вероятности, и из органов всегда можно уйти, если работа по каким-то причинам не понравится или будет не по силам и способностям Сергея. Тем более что начальник районного ДОСААФа Гапоненко ранее работал в органах госбезопасности, но по каким-то причинам ушел оттуда в добровольное общество содействия армии, авиации и флоту.

Через две недели Сергей, придя к начальнику РО УКГБ, дал твердое согласие перейти на службу в органы. После этого его направили на окружную военно-врачебную комиссию (оказался годным к военной службе). Некоторое время проходила проверка кандидата и его близких родственников. В заключение его пригласили на «смотрины» к начальнику областного Управления госбезопасности. Опытнейший опера-

ботник, прошедший путь от рядового опера до генерала, участник ВОВ, в течение часа разговаривал с Сергеем, причем «приземлил» проблемы деятельности органов госбезопасности к местным условиям и даже привел несколько примеров из деятельности возглавляемого им Управления. Валишевский произвел на генерала положительное впечатление, после чего было принято решение о направлении материалов на кандидата в центральный аппарат КГБ с предложением зачислить его в штаты.

После подписания приказа заместителем председателя КГБ СССР по кадрам Валишевский был зачислен младшим оперуполномоченным районного отделения УКГБ по месту своего жительства (Ануфриев В. Я. к тому времени ушел на пенсию). Был составлен план первоначальной профессиональной подготовки молодого опера, «кураторство» над ним взял сам начальник райотделения. Сергей изучил и «перелопатил» много архивных оперативных материалов, а также учебников, составленных «учеными мужами» органов госбезопасности. Проработав год, Валишевский был направлен на шестимесячные курсы КГБ в город Киев. Общение с молодыми операми-курсантами, прибывшими в Киев со всех уголков необъятного Союза, а также с преподавателями, большинство из которых были майорами, подполковниками и полковниками и имели солидный практический и теоретический опыт оперативной деятельности, во многом расширило общий и контрразведывательный кругозор Сергея. Причем он не механически запоминал услышанное и про-

читанное, а с аналитических и осмысленных позиций оценивал деятельность Комитета госбезопасности СССР. Несколько критически и недоуменно он воспринял постулат, что КГБ – вооруженный отряд КПСС, задав себе в уме вопрос, а ЦРУ, ФБР и другие спецслужбы США чьим же вооруженным отрядом являются, ведь в Америке со времен ее образования существует многопартийная система. Вслух вопрос преподавателям по вполне понятным причинам он задавать не стал. Нередко перед курсантами выступали руководящие работники Комитета госбезопасности Украины, курирующие те или иные направления оперативной деятельности. Отдельные из них были одеты солидно и доброту: импортные костюмы, галстуки, часы, что в то время еще было редкостью.

Через полгода в районное отделение УКГБ прибыл уже хорошо теоретически подготовленный молодой опер и приступил к самостоятельной оперативно-розыскной работе. Работал Валишевский по линии борьбы с идеологической диверсией противника, по т.н. «пятой линии», но особо четкой градации в райотделении не было, т.к. численность подразделения была небольшой и на период отпусков оперативных работников приходилось их замещать и вести другие направления контрразведывательной деятельности. Сергей активно включился в оперативный процесс, приобретал информаторов, работал с действующими источниками информации. Спустя некоторое время Валишевский был избран заместителем секретаря партийной организации райотделения, которая насчи-

тивала пять членов КПСС. На ежегодные отчетно-выборные собрания приглашали первого секретаря райкома КПСС, который ставил конкретные задачи перед чекистами, как боевым отрядом партии. Тут тоже приключился небольшой «казус». Первый секретарь РК КПСС Белохвостиков «прихлестнул» за молоденькой секретаршей, был застигнут женой в период их теплой встречи и снят с должности. Устроили проштрафившегося партийца председателем РайПО, и как же быть со сведениями, почерпнутыми им в период партсобраний райотделения, а также путем ознакомления с основополагающими приказами КГБ СССР, где имелась пометка «с приказом ознакомить первых секретарей райкомов, горкомов, обкомов и компартий союзных республик»?

Запомнился Сергею и первый полученный им оперативный сигнал. Специалисты-почерковеды выявили анонима, направившего письмо с террористическими угрозами в адрес первого секретаря соседнего райкома партии. Им оказался слесарь «скорой помощи» района, где работал Валишевский. Слесарь Котиков, видимо будучи крепко выпивши, собрав в кулак всю свою злость и фантазию, выплеснул их на первого секретаря, здесь были и взрывчатка и снайперская винтовка и группа НТС («народно-трудового союза» – зарубежной антисоветской организации). Котиков по своему умозаключению полагал, что, коль скоро он проживал не в том районе, где он направил письмо, то его никогда не найдут, но глубоко ошибался, т.к. чекистами обрабатывались и жители соседних

с анонимным проявлением районов. Котикова профилактировали в помещении РО УКГБ начальник и Валишевский. Слесарь все свалил на свою пьянку и, кроме того, привел конкретные примеры аморального поведения и хищений первого секретаря, которому он направил анонимку. Тем не менее он был строго предупрежден о недопущении впредь антисоветских проявлений, в т.ч. и угроз, и от него взято письменное объяснение. Разработку и профилактику Котикова положительно оценили в областном Управлении, начальнику РО дали грамоту начальника УКГБ, а Валишевского повысили в должности до старшего оперуполномоченного.

Но спустя года два с Котиковым опять получилась незадача. Его задержали сотрудники охраны посольства США в Москве при попытке проникнуть в ограду посольства. Котиков честно пояснил, что хотел предложить свои услуги разведке США (это слесарь «скорой помощи»!), чтобы заработать несколько тысяч долларов. Побудил его к попытке проникновения в ограду представительства фильм «ТАСС уполномочен заявить», где сотрудник МИДа СССР был завербован американской разведкой. Котикова в сопровождении милиции направили в московскую психбольницу, где его обследовали в течение месяца и поставили диагноз: «вялотекущая, периодически обостряющаяся шизофрения». Сергей подумал, что надо было обследовать Котикова сразу же после выявления его, как автора анонимки, а не тратить время на разработку и профилактику шизофреника. Но начальнику райотде-

ления ничего не сказал, а для себя сделал необходимые выводы. Кстати, Валишевскому еще раз встретился в ходе оперативной деятельности психически больной человек. Так, однажды к нему пришел плотник ЖЭКа Катигробов и заявил, что двое сантехников (назвал их фамилии) подстрекают его взорвать местную нефтебазу. Сергей сразу понял, что за птица Катигробов и посоветовал ему выехать в областной центр и сделать заявление на сантехников в психбольницу, т.к. они, по всей вероятности, психически ненормальные люди. Посоветовал Катигробову отпроситься с работы для поездки в областную психбольницу и на приеме там пояснить, что его послал к ним сотрудник райотделения УКГБ Валишевский. Катигробов твердо и с видимым удовольствием пообещал выполнить рекомендацию оперработника. Спустя несколько дней зам. главного врача психбольницы позвонил Сергею и сказал, что Катигробов госпитализирован для медицинского обследования и у него имеются признаки психического расстройства, что и подтвердилось в окончательном диагнозе. Сергей был удовлетворен таким исходом, ведь он хорошо помнил историю слесаря Котикова. Приходилось Валишевскому сталкиваться и с представителями религиозных сект, чья догматика носила антисоветский и антиобщественный характер (так они упоминались в информационных документах КПСС и КГБ).

Ничего враждебного в их деятельности не проявлялось, а что некоторые из них не пускали детей по субботам в школу и собирались по частным домам на

моления, то это было их личное дело. Сергею запомнилось, как один из верующих «баптистов-раскольников», имеющий за плечами среднее техническое и заочное высшее образование, с фанатично горящими глазами заявил, что он верит только в Христа распятого и каких-либо отношений с «силами тьмы», к которым он относил всех представителей властей и неверующих людей, он никогда поддерживать не будет.

Но встречались среди верующих и лояльные трезвомыслящие люди, которые готовы были оказывать посильную помощь органам госбезопасности по местам своей работы.

Однажды Сергей принял участие в обыске, проводимом органами милиции у участников одной нелегальной секты «истинно-православных христиан-странствующих». Пожилая верующая женщина на предложение одного из обыскивающих встать в полный рост, чтобы ее сфотографировали, простодушно спросила, а можно взять в руки кошечку, чтобы запечатлеться вместе? Литература и предметы церковной утвари были XVII, XVIII, XIX веков, и Сергей справедливо подумал, а что в них антисоветского и антиобщественного, ведь в те старые времена и в помине не было никакой советской власти. Но он прекрасно понимал политику отдела агитации и пропаганды ЦК КПСС в отношении религии и верующих, а ведь функционеры, видимо, забыли роль иконы «Казанской Божьей матери» в разгроме фашистов под Москвой. Здесь Сергей сделал однозначный для себя вывод, что такой мощный контрразведывательный орган, коим

являлся Комитет госбезопасности СССР, не может быть «инструментом» в чьих-то руках, а должен служить исключительно интересам народа и государства.

Внес Сергей свою, хоть и небольшую лепту в выявление конкретных форм и методов работы спецслужб Западной Германии, когда они организовали вызов в гости в г. Франкфурт-на-Майне объекту их вербовочной разработки из числа советских граждан русской национальности, выдав его за дальнего родственника приглашающей старушки Марты Фишер. И это при аккуратности и дотошности немецких чиновников городской управы, которые «семь раз отмерят и один раз отрежут». Но если это нужно работникам спецслужбы – «бундес нахристен динст», то можно закрыть глаза на то, что русский гражданин никоим родственником Марты не являлся, а нужно было просто «вытащить» его для разведопроса на территорию Западной Германии. Если это в интересах государства, то педантизм и скрупулезность чиновников городской управы отодвинулись на второй план. Информацию, полученную Сергеем в ходе оперативного изучения советского гражданина, положительно оценили в контрразведывательном управлении центрального аппарата КГБ.

Но время шло, Валишевский получил звание майора и где-то в 1980 году был переведен в пятый отдел областного Управления КГБ. Запомнилась Сергею одна разработка, реализованная профилактикой объекта. Пожилой преподаватель вуза, кандидат экономических наук и участник ВОВ, имевший несколько ра-

нений и боевых наград, в лекциях перед студентами, апеллируя цифрами и фактами, делал выкладки, что среднестатистический рабочий и колхозник в СССР получают мизерный процент от заработанного, что невероятно раздутый госаппарат и многомиллионная Советская армия «замыкают» на себя громадные финансовые ресурсы, что наметилась стойкая тенденция отставания страны Советов в социально-промышленной сфере, исключая оборонную и космическую тематику.

Разработка «экономиста» была на контроле в центральном аппарате КГБ и у секретарей обкома партии. Было принято решение профилактировать объекта путем вызова в здание Управления КГБ и проведения с ним соответствующей беседы. Кандидат наук, фронтовик, прибыл в УКГБ в точно назначенное время, на строгом костюме были приколоты орденские колодки, свидетельствующие о том, что их обладатель был храбрым солдатом. В беседе с представителями КГБ он держался спокойно и с достоинством, аргументированно отстаивая свою точку зрения. Но когда один из чекистов в запальчивости назвал его «враждебным элементом», то «экономист» резко парировал: «Я, молодой человек, защищал Родину в окопах с оружием в руках, демобилизовался по ранению в звании старшего лейтенанта, а Вы, извините за выражение, молокосос, учите меня, как жить». В своем объяснении по сути состоявшейся беседы в УКГБ «экономист» четко изложил, что он является патриотом, а свои теоретические выкладки на лекциях он доводит студентам для того, чтобы они научились думать, анализировать

и прогнозировать экономические проблемы. О результатах профилактики доложили в обком, там снисходительно сделали вывод, что «экономист» выживает из ума и его надо потихоньку отправлять на заслуженный отдых, поручив это «важное дело» отделу науки и учебных заведений обкома.

Сергей к тому времени приобрел солидный опыт работы, неоднократно бывал на курсах переподготовки, где общался с коллегами и преподавателями, читал учебную литературу КГБ и не только по пятой линии, но и по проблемам выявления и пресечения шпионской деятельности, контрразведывательного обеспечения важных промышленных объектов и т.д.

Постепенно в его голове начала складываться логическая схема, суть которой заключалась в следующем: сотрудникам «пятой линии» в своей оперативной работе следовало бы делать акценты на пресечение различных видов терроризма, призывов и попыток свержения государственного строя путем совершения насильственных действий, например, взятия заложников, массовых беспорядков и т.п. действий. А изучать процессы в среде студентов, творческой, научной и медицинской интеллигенции, верующих людей, различных самостоятельных объединений не стоит, т.к. это только отвлекает усилия многочисленной части профессионально подготовленных оперативных сотрудников, а их можно было бы «бросить» на другой участок борьбы, к примеру, с организованной преступностью, экономическими преступлениями, наркоторговлей, радикальными формами национализма.

Будучи человеком неробким и не стесняющимся выражать свое мнение, пусть отличающееся от общепринятого, Валишевский в вежливой и корректной форме довел свои мысли и взгляды как до руководства Управления, так и до рядовых оперработников. Многие позитивно оценивали выкладки Сергея, отдельные же работники, в основном из числа руководителей критиковали логические схемы Валишевского, апеллируя это тем, что не зря, видимо, председатель КГБ Ю. В. Андропов создал в структуре Комитета пятое подразделение. Сергей очень уважительно относился к Андропову, в период руководства которого КГБ достиг значительных конкретных результатов по многим направлениям своей работы, но на своем стоял твердо, что не дело Комитета принимать участие в идеологической борьбе и быть «помощником» КПСС. Пусть они сами займутся идеологическим воспитанием населения и борьбой с инакомыслием, не «подпрягая» для этого мощную спецслужбу. А партийные органы к тому времени все более «обюрокративались» и отрывались от народа.

Сергею особенно запомнился такой случай. Жарким летним днем несколько сотрудников Управления поставили свои личные автомобили в тень рядом со зданием обкома. Партийцами сразу же был вызван сотрудник ГАИ, который снимал номера с машин и прикрепил соответствующие записки на лобовые стекла, куда нужно придти за ними. Когда сотрудники УКГБ приехали в ГАИ и стали апеллировать, что, мол, знака «стоянка запрещена» не было и стало быть мож-

но ставить авто, то «гаишник» пояснил, что женщинам, работающим в обкоме, не нравится запах испарений бензина, идущий от стоящих машин, и они вызвали представителя ГАИ. Дело, конечно, уладили, номера вернули, но неприятный осадок у оперов, в том числе и у Сергея, остался.

Через несколько лет началась перестройка, одной из важных вех которой являлась борьба с алкоголизмом. Мало того что в стране вырубали почти все виноградники и другие плодовые деревья, из которых можно было делать вино, но партийные структуры активно использовали силы КГБ в освещении результатов противоалкогольной кампании и выявлении лиц, особенно и числа руководителей различного ранга, стоящих в длинных очередях за спиртным. Сергей опять, еще с большим энтузиазмом стал продвигать свои взгляды, что «гребем не туда», и собирать реакцию населения на те или иные важные политические события, в том числе и смерть «вождей», не входит в компетенцию Комитета ГБ. Вначале его мягко журили, «перевоспитывали», затем все жестче критиковали, в том числе и на партсобраниях. Валишевский стойко и аргументированно отстаивал свою точку зрения, апеллируя приказными требованиями Комитета и Законом о КГБ.

После августовского 1991 г. путча отдельные оперативные работники стали демонстративно выходить из КПСС и покидать «корабль» по собственному желанию. Сергей ни того, ни другого не сделал, считая, что не требуется особой храбрости «дернуть за хвост

мертвого тигра». Он болезненно относился к попыткам отдельных бывших руководящих работников Комитета очернить в средствах массовой информации структуру, чтобы прослыть ярыми поборниками демократии и свободы. Дело даже доходило до расшифровок критиками КГБ информаторов как внутри страны, так и за рубежом. Особенно потрясло многих сотрудников Управления поведение вновь назначенного председателя КГБ СССР руководящего партийца Бакатина В. В., который с санкции Горбачева выдал американцам всю схему технических средств съема информации в посольстве США, поставив под смертельный удар сотни лиц, причастных к оборудованию техников здания посольства. Мотивировка Бакатина, что это был жест доброй воли Советского Союза по отношению к Америке, была насквозь лживой, напрашивался резонный вопрос, а почему власти США не сделали подобного? (А потому что любая страна, пусть даже крайне слаборазвитая, всегда ценит, уважает, защищает и старается как можно лучше оснастить свои спецслужбы, а не компрометирует и «плюет им в лицо», как это случилось после путча в Советском Союзе.)

После беловежского договора Союз распался, но Комитет госбезопасности продолжало «трясти». Чего стоили многочисленные пертурбации даже с названиями: это и «агентство федеральной безопасности», «министерство безопасности» и даже «министерство безопасности и внутренних дел» и так далее. Постоянно меняющиеся руководители органа безопаснос-

ти, отдельные как профессионалы, были очень слабы. Многие опытные оперативные работники, видя такое отношение государства к основной спецслужбе, стали уходить из КГБ по собственному желанию. Бывшие опера устраивались в коммерческие банки, фирмы, частные детективные бюро, а отдельные – в полукриминальные и даже вовсе криминальные структуры. Что не сделаешь, ведь жить как-то надо. Сергей тоже все чаще и чаще стал подумывать об уходе, но неразбериха в стране и другие «прелести» послеперестроечной жизни в России «тормозили» принятие столь ответственного решения.

Тем не менее где-то к 1994-95 году Сергей, подыскав «запасной аэродром» в виде коммерческого банка, подал рапорт на увольнение. В банке он трудился начальником службы безопасности, разработал свою концепцию обеспечения экономической безопасности, которая была положительно оценена первым руководителем банка. Но в 1998 году произошел дефолт, банк «лопнул» и Сергей вынужден был уйти. Далее началась мучительная «одиссея» по поиску работы.

Однажды безработному оперу неизвестный хорошо одетый и богатый мужчина предложил поработать в полиции ЮАР, где уже много собралось прежних работников МГБ бывших ГДР и Чехословакии, обещающая месячную зарплату в несколько тысяч долларов. Но Валишевский отказался от столь заманчивого предложения и остался в России. В конце концов он нашел работу в качестве советника по безопасности у

одного богатого и солидного предпринимателя, и жизнь в экономическом аспекте у Сергея наладилась.

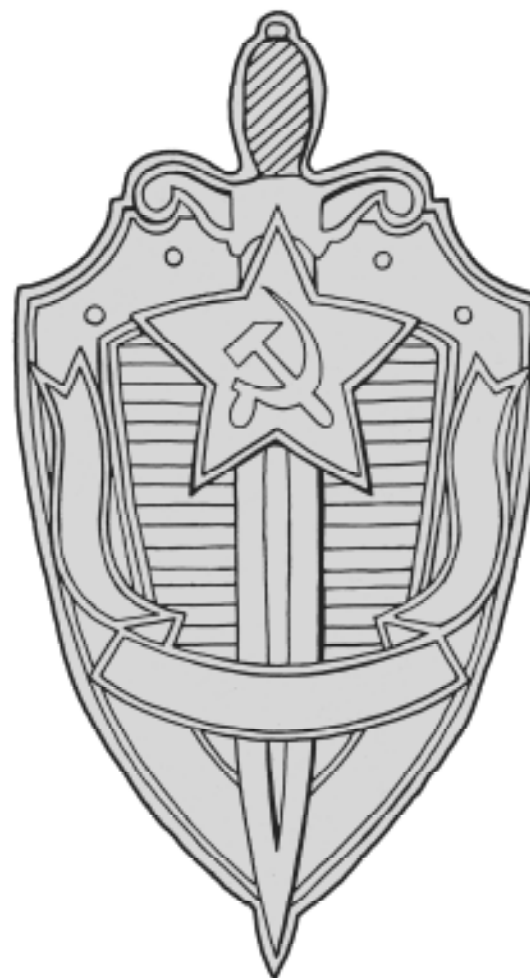
Часто к Сергею приходят на ум мысли, что со своим опытом оперативно-розыскной работы и теоретическими знаниями он мог бы принести пользу Федеральной службе безопасности России, тем более что там налицо разрыв поколений и много неопытной молодежи, но самому напрашиваться как-то неудобно, а с противоположной стороны предложений не поступало.

Вот такая история жизни и службы грамотного и мыслящего оперативного работника Комитета госбезопасности СССР Сергея Валишевского, литературное изложение которой предлагается уважаемому читателю...

СОДЕРЖАНИЕ

1. Об авторе	5
2. Одиссея Романа Шлейхера	8
3. О страной судьбе несостоявшегося киллера	30
4. Почти по Достоевскому	43
5. Разговор в пивной	48
6. Пахан-воспитатель	59
7. Военная история	79
8. Выбор	82
9. Ситуация	86
10. Заложники	94
11. Сатисфакция	117
12. Байка	125
13. Маленькое событие оттепели	127
14. Две судьбы	137
15. Федя	142
16. Роковые деньги	149
17. Витек-террорист	157
18. Опер-диссидент	172

С. Ю. ТУМАНОВ

ВИТЕК-ТЕРРОРИСТ

Очерки и рассказы

Редактор

Технический редактор и корректор М. А. Каретина

Лицензия

Заказ № . Формат 70x100 ¹/₃₂. Тираж экз.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Печать офсетная. Усл. печ. л. .